

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Академия военно-исторических наук
(Верхне-Волжское отделение)

**Вестник
Верхне-Волжского
отделения Академии
военно-исторических наук**

Выпуск XI

Материалы научной конференции

Ярославль
2012

УДК 94(470+571)

ББК 63.3 (2)

В 38

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

В.Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор;

А.В. Лубков, доктор исторических наук, профессор

В 38 **Вестник Верхне-Волжского отделения Академии
военно-исторических наук.** Выпуск XI : материалы на-
учной конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К.Д.
Ушинского, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-87555-802-3

Выпуск посвящен 70-летию разгрома немецких войск под Мо-
сквой. Его проблематика представляет те доклады и сообщения, кото-
рые прозвучали на соответствующей юбилейной конференции. Ред-
коллегия допускает наличие в представленных публикациях различных
точек зрения на рассматриваемые проблемы.

Редакционная коллегия:

В.Т. Анисков, заслуженный деятель науки Российской Феде-
рации, доктор исторических наук, профессор, председатель Верхне-
Волжского отделения Академии военно-исторических наук (АВИН)
(гл. ред.);

М.В. Новиков, заслуженный деятель науки Российской Феде-
рации, доктор исторических наук, профессор, действительный член
АВИН (отв. ред.);

С.Н. Картавый, кандидат исторических наук, доцент, действи-
тельный член АВИН, ученый секретарь Верхне-Волжского отделения
АВИН.

УДК 94(470+571)

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-87555-802-3

© ФГБОУ ВПО «Ярославский
государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»,
2012

© Авторы материалов, 2012

А.Р. Хаиров

**Ярославская 18-я Краснознаменная стрелковая дивизия:
взлет и падение**

В этой статье представлена история Ярославской 18-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Более 70 лет назад в 1940 г. это славное боевое подразделение прекратило свое существование. Боевые части, как и люди, за свою жизнь переживают периоды взлета и падения, славы и забвения. Вот эту полную славы и драматизма историю дивизии, связанной с нашим краем, мы и расскажем.

Появилась дивизия в разгар гражданской войны. Политические противники Советов пытались ликвидировать власть большевиков в стране. Старая армия разложилась и не могла стать защитой государству. Этим поспешили воспользоваться наши «заклятые друзья»: вчерашние союзники англичане под предлогом защиты от немцев и финнов ввели свои войска на север России. Пока немцы хозяйничали на Украине и в Прибалтике, а турки – на Кавказе, они захватили Мурманск и двинули свои корабли к Архангельску. Благодаря измене некоторых бывших царских офицеров в руководстве обороны британцы заняли Архангельск. Они выражали намерение двинуться на Москву и ради этого даже через французского посла Нуланса спровоцировали мятеж в Ярославле. Захват Ярославля требовался для отвлечения военных сил республики от угрожаемого участка и захвата единственного моста через Волгу, что имело важное стратегическое значение. Впрочем, высадка английских и французских интервентов началась только через месяц после подавления Ярославского мятежа: это ярко продемонстрировало, что «союзникам» в действительности не было никакого дела до русских патриотов и классовой солидарности, они преследовали только свои узкокорыстные цели.

Интервентам на Севере не повезло. Организацию обо-

роны там взял на себя нарком Михаил Сергеевич Кедров. Этот пламенный революционер, прославившийся организацией в первую русскую революцию боевых дружин в Ярославле и Костроме, а также революционной работой в Ярославле, организовал «завесу» – защиту края. Объединив разрозненные отряды Красной гвардии и партизан, он сумел остановить продвижение противника. Из «завесы» организовали 6-ю армию и Северный фронт. Штаб Северного фронта находился в Ярославле, отсюда и шло руководство обороной Севера. В Ярославле формировались подкрепления для фронта и производилось оружие. Судьба Кедрова сложилась трагически: он успешно проявил себя на самых разных ответственных участках, стал организатором советской военной контрразведки, за заслуги в Гражданскую войну награжден орденом Красного Знамени, но в 1938 г. его незаконно арестовали. В 1939 г. произошло невероятное: Верховный суд признал его невиновным и постановил освободить, но в 1941 г. его без суда расстреляли по приказу Берии (Лаврентий припомнил Кедрову то, что после инспекции чекистских органов Закавказья тот требовал у Дзержинского арестовать Берия как врага народа). М.С. Кедрова посмертно реабилитировали.

Приказом № 438 по 6-й Северной армии от 26 ноября 1918 г. была создана 18-я стрелковая дивизия. Она формировалась из войск Архангельского, Вельского и части войск Котласского районов и состояла из девяти полков: Петроградского 164-ого, Московского 155-ого, Нарвского 156-ого, Гатчинского 157-ого, Рязанского и Московского 158-ого, Онежского 159-ого, Вельского 160-ого, Печерского 161-ого и Красноборского 162-ого. По сути это были вошедшие в состав формируемой дивизии отряды, носившие названия полков. Формирование шло в Архангельском, Котласском, Пинежском и Важско-Мезенском районах. Вновь сформированная дивизия заняла боевые позиции в тех же районах, не допуская дальнейшего проникновения врага вглубь. Первым командиром дивизии стал командующий Архангельским районом А.Н. Ленговский, комиссаром дивизии – И.Ф. Куприянов, начальником штаба – офицер генерального штаба

Машин, а начальником политотдела дивизии – член президиума Московского совета А.А. Алешин.

В декабре 1918 г. командование дивизией принимает Иероним Петрович Уборевич (один из наиболее талантливых командиров Красной Армии, за заслуги перед страной он получил три ордена Красного Знамени, звание командарма I ранга и должность командующего Белорусским особым военным округом [1]; но в 1937 г. был репрессирован по процессу Тухачевского как один из организаторов «фашистского заговора в РККА», посмертно реабилитирован). В конце зимы дивизия взяла у противника Шенкурск и Тарасовский район, захватив пленных и трофеи. Увязая по пояс в снегу, оставляя замерзших и оставших, преодолевая трудности, 156-й полк ворвался в маленький Шенкурск. За этот подвиг 156-й полк получил от ВЦИК боевое Красное Знамя. В бою под Тарасовкой председатель ревтрибунала дивизии Самодед и начальник политотдела дивизии Алешин возглавили заколебавшиеся части и увлекли красноармейцев в штыковую атаку. В результате была занята укрепленная позиция противника, враг обращен в бегство, захвачены пленные и трофеи. Реввоенсовет 6-й армии отметил этот подвиг в приказе, объявив благодарность за удачную операцию Самодеду, Алешину, Уборевичу, комбригу Лисовскому и «лихим северным орлам красноармейцам 18-й стрелковой дивизии – защитникам пролетарской революции». Троцкий отметил этот подвиг в приказе Реввоенсовета республики, назвав бойцов «заслуженными», а части – «героическими». Братски приветствуя «северных орлов», успевших в короткий срок покрыть славой свои боевые знамена, он обещал им полную поддержку страны.

Потянулась длительная военная кампания, богатая боевыми действиями. Из частей 18-й дивизии сформировали 54-ю стрелковую дивизию. 18-я дивизия фактически одна держала весь северный фронт, упорно обороняясь от противника и готовясь вступить в Архангельск. В июне 1919 г. под влиянием агитации на Онежском участке, перебив своих офицеров, в полном составе на сторону Советов перешел 5-й северный полк генерала Миллера. В июне противник пытался наступать по реке Пинеге. Будучи первый раз отбит 160-м полком 18-й дивизии, второй раз

он наступал под прикрытием артиллерийского огня. Артиллерийская подготовка длилась около суток, выпущено более 7 000 снарядов, в том числе с удушающим газом. На сравнительно небольшом участке, занимаемом 160-м полком на Пинежском направлении, противник подошел к проволочным заграждениям, но части 160-го полка не допустили неприятеля дальше, отбив все его атаки. Затем перешли в контрнаступление и заставили противника спасаться вплавь через реку. В июне 1919 г. полк на голову разбил противника у деревни Чуглотская, захватил пленных, пулеметы и другое имущество. За эти успешные операции полк получил благодарность от Реввоенсовета.

1 августа в 2 часа дня, подойдя на 4-х судах к Онеге, после 16-ти часового боя, усиленного обстрела города зажигательными снарядами противник высадил десант. В результате длительного боя в городе десант был разбит и враг бежал. В этом бою погибли командир 154-го полка Мулин и другие красноармейцы. 3-го августа под деревней Кодыш, восточнее Емца, 158-й полк, будучи окруженным противником, в продолжение 2-х суток отбил 12 атак противника, на 3-й день полк пробился к своим частям, получив впоследствии боевое знамя от ВЦИК. Противник скопил силы и пытался наступать на Плесецкую, взятую ранее 157-м и 159-м полками. С 9-го по 23-е сентября эти полки непрерывно отражали наступавшего противника. Только на участке 157-го полка отбили до 35 атак, сопровождавшихся мощными артиллерийскими подготовками. Не меньше их было на участке 159-го полка. За этот подвиг полки получили Красные Знамена от ВЦИК и благодарность Реввоенсовета. После этих боев дивизия пополнила свои ряды, Уборевич убит на южный фронт, командование дивизией принял командир 156-го полка М.С. Филипповский.

К концу 1919 г. началось разложение белогвардейских частей. Миллер эвакуировался с севера (в 1937 г. генерал Миллер был похищен агентами НКВД из Парижа и расстрелян в Москве). 8 февраля 1920 г. на советскую сторону перешел в полном составе 2-й северный полк противника. Войска дивизии воспользовались этим и перешли в наступление. Враг был сбит с позиции и отступил, взрывая железнодорожные мосты, пути,

сжигая постройки. Власть в Пинеге, Мезени, Печоре перешла к советам. 28-го февраля 1920 г. после 130-ти верстного перехода с боями части 158-го полка взяли Архангельск. Армия северного правительства была ликвидирована. Кроме уничтожения живой силы противника, с 4-го по 22-е февраля бойцы захватили 3 876 пленных, 31 орудие, 233 пулемета и автомата, 12 842 снаряда, 1 500 000 ружейных патронов, свыше 18 000 винтовок, 3 бронепоезда, 2 танка, 43 автомобиля, 7 ледоколов, речную флотилию в составе нескольких судов, портовые доки, броненосец «Чесма», склад гранат, интендантский склад, инженерный склад, склад обмундирования, до миллиона пудов груза, мастерские, заводы и прочее. Реввоенсовет приказом по армии вынес благодарность комсоставу и красноармейцам.

После короткой остановки в Архангельске, во время которой дивизия восстанавливала железную дорогу, мосты и др., подразделения дивизии были переброшены в Карелию. 18 мая 1920 г. взяли село Ухту, где размещалось «Временное правительство Архангельской Карелии», созданное 21 июля 1919 г. финнами на территории пяти северных карельских волостей Архангельской губернии. «Правительство» бежало в деревню Вокнаволок, а затем в Финляндию. Территория РСФСР на севере была очищена от неприятеля, а 18-я дивизия весной 1920 г. срочно переброшена на Польский фронт.

Дивизия вошла в состав 15-й армии Западного фронта, приняв участие в майской и июньской наступательных операциях в районах Глубокое, Молодечно, Лида [4]. В июне под сильным огнем противника, неся потери, части перешли Западную Двину, дивизия наступала, совершая переходы по 30 верст в сутки. В результате этого наступления были взяты Полоцк, Лида, Глубокая, Молодечно, Казьян, Белосток, Осовец, Остроленко, Лота, Гродно, Цеханов и ряд других городов. Дивизия участвовала в Варшавской операции, преследуя противника на протяжении 600 верст до стен Варшавы, в 15 верстах от нее части дивизии, обессиленные предыдущими боями, встретили упорное сопротивление поляков, получивших помощь от Франции. Не выдержав натиска, части 18-й дивизии отступили.

Провал наступления на Варшаву объяснялся целым комплексом причин: ошибками Тухачевского, стремившегося, как сказано в приказе, «на их штыках внести революцию в Европу», а при этом обозы и тылы отстали, коммуникации растянулись, силы раздробились и наступали по расходящимся направлениям из-за того, что московское руководство преследовало политические цели – Тухачевский наступал на Варшаву (с целью спровоцировать революцию в Германии), Буденный и Сталин наступали на Львов (что привело бы к революции в Австро-Венгрии), Примаков шел на Золотую Липу (что подстегнуло бы революцию в Румынии и на Балканах), тем временем европейские страны оказали помощь Польше, Пилсудский сумел сконцентрировать войска и нанести контрудар.

В то же время были и ошибки социального плана: проводимые в освобожденных районах реформы советского образца вызвали протесты населения. Большевистское руководство ошиблось, рассчитывая на поддержку населением социалистических преобразований, к тому же добавилось историческое неприятие поляками русских и т.д.

Дивизия понесла значительные потери. Политсостав в большинстве своем погиб в боях. Так, при отступлении от Варшавы в частях, где ячейки РКП насчитывали по 20–30 коммунистов и более, к концу отступления в них осталось по 5–7 человек, остальные, задерживая наступление противника, остались на полях сражений, не допустив окончательного разгрома дивизии под Варшавой. В ходе отступления дивизия попала в окружение. В результате ожесточенных боев часть бойцов прорвалась из кольца противника к своим, часть пробилась в Германию, часть попала в плен. При отступлении некоторые части 18-й стрелковой дивизии перешли в Восточную Пруссию, где были интернированы [3] и после через Литву возвратились к своим.

Предназначенная к расформированию 18-я дивизия распоряжением штаба республики была восстановлена и представлена к ордену Красного Знамени, с тех пор она стала Краснознаменной. Таким образом, в 1920 г. впервые дивизия оказалась в ситуации (в окружении и плену), от которой погибнет через 20 лет в 1940 г.

Переформированную в октябре в Молодечно дивизию перебросили в Новороссийск на борьбу с Врангелем. Она снова вернулась в состав 15-й армии (до того, в июле-августе, была в 4-й армии, в сентябре – в резервной группе Северо-Западного фронта). В ноябре 1920 г. дивизия переброшена на Кавказский фронт в состав 11-й армии: до конца 1920 г. она участвовала в боях с бело-зелеными бандами на Кубани, а в 1921 г. – в Эриванской операции. 11-я армия в 1920 г. осуществляла советизацию закавказских республик. Воспользовавшись начавшейся войной Азербайджана и Армении за Карабах и столкновением Грузии с Азербайджаном, армия бросила десант на бронепоездах в Баку (командовал им будущий командир 18-й дивизии Михаил Григорьевич Ефремов, удостоенный за это ордена Красного Знамени). Азербайджан стал советским, а за ним Грузия и Армения, их буржуазные правительства бежали за границу, выступления противников подавлены как контрреволюция и бандитизм. Так была установлена советская власть в закавказских республиках, а Закавказье вошло в СССР.

В мае 1921 г. части дивизии пошли на формирование 20-й стрелковой и 18-й кадровой стрелковой дивизий. За гражданскую войну дивизия прошла славный боевой путь, взяла крупные трофеи, тысячи пленных, орудий, пулеметов и т.д. Не менее велики были и потери, ей неоднократно приходилось менять свой состав, число боев и сражений также огромно. Дивизия – Краснознаменная. Полки награждены боевыми Красными Знаменами и грамотами от ВЦИКа, благодарностями РВС республики, РВС 6-й, 11-й, 15-й и др. армий. Среди бойцов дивизии многие удостоились орденов Красного Знамени: два ордена имел командир кавалерийского дивизиона Николай Николаевич Павлов, по одному ордену имели помощник командира дивизии Иван Федорович Максимов, командир 52-го полка Александр Алексеевич Петров, военком 52-го полка Карл Андреевич Балтгалов, командир 52-го батальона Семен Степанович Венцов, командир 54-го батальона Семен Николаевич Антонов, помощник командира 53-го полка Василий Степанович Степанов, помощник командира 54-го полка Давид Сергеевич Сергеев, командир роты связи Тихон Павлович Каргаполов, командир батальона

артиллерии Валерий Антонович Соколов, агент по снабжению Ефим Иванович Шерстянкин, начальник артиллерии Вацлав Майгович Опман, командир батальона артиллерии Петр Яковлевич Гаврилов, многие были награждены золотыми часами, портсигарами, другими ценными вещами.

18-я дивизия была направлена в Ярославль, где объединилась с 53-й дивизией и стала теперь Ярославской 18-й стрелковой дивизией. Дивизия перешла на милиционную систему и стала именоваться милиционной (то есть территориальной). Почетными красноармейцами 18-й Ярославской стрелковой дивизии стали следующие: И.П. Уборевич – красноармейцем показательной роты 52-го полка, М.В. Фрунзе – красноармейцем показательной роты 54-го полка, председатель Ростовского уездного исполкома Павлов – красноармейцем артиллерии, уполномоченный электростанции города Ростова Щербаков – красноармейцем артиллерии. Шефами 18-й Ярославской стрелковой дивизии были: Ярославский губисполком – шеф дивизии, попечители – Яргубпрофсовет, Яргосбанк, Яргубсоюз, Полиграфотдел; шеф 52-го полка – Яруисполком, попечители – трест Верхне-Волголес, Тутаевская льнопрядильная фабрика, Гидроторф, трест Лакокраска, Кожтрест, Махорочная фабрика № 1; шеф 53-го полка – Костромской губисполком, попечители – Могэс, Союз деревообделочников, пищевиков, Всерабис, Костромской губземотдел; шеф 54-го полка – Архангельский губисполком, попечители – Вологодский губисполком; шеф дивизионной учебной школы – Красный Перекоп; шеф артиллерии – Ростовский уисполком; попечители – Союз пищевиков, льнопрядильная фабрика, союз транспортников, Учпрофсоюз, Морская фабрика, маслобойный завод № 20; попечители саперной роты – Костромской губкоммунотдел, Мехкомбинат, завод Якобсон и Лифшиц (ныне завод «Пролетарская Свобода»), Тверицкий валяльно-сапожный завод; шеф кавалерийского эскадрона – Яргубземуправление, Сельпромторг; шеф автоотряда – авторемонтный завод, Яргубтранс; шеф госпиталя – Иваново-Вознесенский губсовнархоз. За это время дивизией руководили следующие: командиры дивизии – А.Н. Ленговский (26 ноября – 1 декабря 1918 г.), И.П. Уборевич (1 декабря 1918 г. – 29 сентяб-

ря 1919 г.), Н.М. Бобров (врид. 30 сентября – 26 ноября 1919г.), М.С. Филипповский (врид. 26 ноября 1919 – 23 марта 1920), Б.А. Буренин (23 марта – 25 августа 1920), Л.Я. Угрюмов (10 сентября – 25 декабря 1920), А.Г. Ширмахер (25 декабря 1920 – 24 мая 1921), Штромбах, А.М. Пыжев, Самсонов, И.Ф. Федько, Максимов; военкомы дивизии – И.Ф. Куприянов (26 ноября 1918 – 1 августа 1919), А.А. Алешин (1 августа – 11 ноября 1919), А.М. Смолин (врид. 11 – 15 ноября 1919), И.Ф. Куприянов (15 ноября 1919 – 16 июня 1920), К.Н. Реймер (12 сентября – 24 декабря 1920), И.Ф. Ткачев (24 декабря 1920 – 24 мая 1921), Егоров, И.Ф. Федько, Максимов; начальники политотдела дивизии – А.А. Алешин, Торжевский, Яржембковский, Степанов, Яранцев, Гринберг, Шапурин, Минаев, Минаков, Ступин, Богатков, Лобинovich; начальники штаба дивизии – Мишин, Барвинский, Токарев, Богомяков, Цветков; военкомы штаба – Климов, Антипов, Кубаев, Коровин.

В мирное время основной задачей дивизии стала боевая и политическая подготовка, борьба с неграмотностью. Наряду с усиленной строевой подготовкой в трехмесячный срок к 1 мая 1922 г. было обучено технической и политической грамоте 1 000 человек, они прошли полутора и двухмесячные курсы обучения. Осенние маневры показали хорошую строевую подготовку личного состава. На лагерных сборах дивизия заняла одно из первых мест в округе. Перейдя на милиционную систему, дивизия сократилась количественно. Кадровый костяк обучал бойцов, прибывавших на сборы.

В мирный послевоенный период дивизией командовали опытные кадры. В 1921 командиром и одновременно комиссаром дивизии стал Иван Федорович Федько. Он был одним из лучших командиров Красной Армии, хотя в царской армии служил только с 1916 г. и достиг в 1917 г. лишь чина прапорщика (на большее крестьянин и столяр не мог рассчитывать). В Красной Армии он быстро выдвинулся – стал командовать полком, бригадой, 58-й и 46-й дивизиями, 11-й армией. Он отличился во многих боях с Деникиным и Колчаком, Махно и Петлюрой, разбил Марковскую дивизию, подавил мятежи Сорокина, Антонова, Кронштадтский и Тамбовский.

Его в годы войны наградили тремя орденами Красного Знамени (таких тогда было только трое). В Ярославле он в течение 1921–1923 гг. командовал 18-й дивизией, был депутатом Ярославского исполкома, участвовал в жизни города, командовал парадом войск Ярославского гарнизона во время праздников. Федько совмещал службу с занятиями в академии генерального штаба. Военную академию РККА он окончил в 1922 г., что позволило ему занять высокое положение в армии. После Ярославской дивизии он командовал корпусом, был начальником штаба округа, получил ордена Ленина и Красного Знамени, стал командармом 1-го ранга, командовал Киевским военным округом, работал заместителем наркома обороны, но 7 июля 1938 г. арестован, 26 февраля 1939 г. осужден и расстрелян, реабилитирован 26 мая 1955 г.

Другим видным военачальником, командовавшим Ярославской дивизией, был Михаил Григорьевич Ефремов. Этот талантливый военачальник тоже всем был обязан революции: рабочий мальчик трудился на фабрике с 9 лет, 6 классов гимназии закончил экстерном без отрыва от производства, во время первой мировой войны сражался на фронте и стал прапорщиком, добровольно вступил в Красную Армию, служил рядовым бойцом 1-ой Московской пехотной дивизии в феврале 1918 г., командиром роты, командиром батальона, командиром полка, командиром и военкомом отдельной сводной бригады, стал командиром и военкомом 33-й стрелковой дивизии, 14-й Московской стрелковой дивизии и 19-й стрелковой дивизии, в апреле 1920 г. взял Баку во главе группы бронепоездов, в 1926–1927 гг. был в Китае в Кантонской коммуне [1]. Много раз поощрялся: Реввоенсовет 11-й армии в марте 1920 г. наградил его золотыми часами; за взятие Баку он удостоен именной, осыпанной драгоценными камнями, золотой саблей (революционное почетное оружие АзССР), кинжалом с драгоценными камнями (24 мая 1921 г.), орденом Красного Знамени РСФСР (27 апреля 1920 г.), Красным Знаменем АзССР № 1 (13 июня 1920 г.), ценным подарком – альбомом с видами города Баку, осыпанным драгоценными камнями; за подавление контрреволюции в мае и июне в Азербайджане награжден золотыми часами (6 ноября 1920 г.); полу-

чил благодарность РВС 11-й армии 6 ноября 1920 г. за очищение от банд железнодорожной линии Грозный – Беслан – Гудермес-Моздок и орден Красного Знамени 1921 г., за спасение урожая в 1924 г. получил орден Трудового Красного Знамени.

С 1928 г. М.Г. Ефремов служил в Ярославле. Затем он командовал корпусом, в 1937–1940 гг. командовал войсками ряда военных округов, в 1940 г. ему присвоили звание генерал-лейтенанта, в 1941 г. стал 1-м заместителем генерального инспектора пехоты РККА. В Отечественную войну Ефремов командовал 21-й, 10-й, 33-й армиями, был заместителем командующего Брянским фронтом, погиб в 1942 г. под Вязмой при прорыве части из окружения.

В конце 30-х началась очередная военная реформа – территориальные дивизии начали заменять кадровыми. Дело в том, что качество территориальных формирований оказалось низким, что в преддверии новой мировой войны было не терпимо, так, во время боев на Халхин-Голе территориальная дивизия побежала от нескольких вражеских выстрелов. Ярославская 18-я милиционная дивизия была переделана в кадровую и переведена в Белорусский военный округ. В конце 1939 г. началась зимняя война с Финляндией. 18-ю Ярославскую Краснознаменную стрелковую дивизию перебросили на театр военных действий. Ее включили в состав 56-го стрелкового корпуса комдива И.Н. Черепанова 8-й армии комдива И.Н. Хабарова. Командиром 18-й дивизии был комбриг Г.Ф. Кондрашев, начальником штаба 18-й дивизии – полковник Алексеев, комиссаром 18-й дивизии – М.И. Израецкий. Армии предстояло действовать на наиболее важном направлении, выведившем в обход Ладожского озера в тыл линии Маннергейма. На этом направлении финны сосредоточили до трех пехотных дивизий, опиравшихся на хорошо подготовленный для обороны рубеж по линии Толвоярви – станция Лоймола – Кителя – река Уксуййоки. Между укрепленным оборонительным рубежом и государственной границей финны создали полосу заграждений, насыщенную полевыми укреплениями: здесь имелись проволочные заграждения, противотанковые рвы и минные поля. Особенно густая сеть минных полей и фугасов была в районе дорог. Ряд населенных пунктов (Корписельми,

Суоярви, Салми и др.) был превращен в сильные узлы сопротивления. Перед 8-й армией была поставлена задача: ударом в направлении на Сортавала разгромить противостоящего противника и выйти на фронт Толво-ярви. Пять дивизий, действуя независимо друг от друга, должны были наносить удары по расходящимся направлениям. Сплошной линии фронта быть не могло, каждая дивизия действовала сама по себе, не имея соприкосновения на флангах с другими дивизиями.

56-й корпус из 18-й и 168-й стрелковых дивизий с приданной им 34-й бригадой легких танков (большинство ее составили танки БТ-7) наступали на левом фланге 8-й армии. В условиях бездорожья они успешно преодолевали пограничную полосу заграждений. 18-я дивизия 8 декабря 1939 г. успешно форсировала реку Укчуййоки. 9 декабря овладела укрепленным узлом Уома и после ряда боев достигла района Рухтипанмяки – Куринен-озеро – Туркаярви. Первоначально советским частям противостояли лишь два финских батальона. Но финны быстро оценили ситуацию: советские войска могли обойти с севера Ладожское озеро и оказаться в тылу линии Маннергейма. Поэтому к 5 декабря финны сосредоточили там четыре пехотных батальона и пехотный полк, в тылу у них были еще пять пехотных батальонов. Командовал финской группировкой генерал-майор Ю.В. Хеглунд. По мере накопления сил финны, пользуясь своим превосходством в лыжной подготовке, стали проникать мелкими группами в тыл советских дивизий, прерывая их коммуникации и минировав дороги. К 22 декабря части 55-го стрелкового корпуса перешли к обороне.

6 января 1940 г. финский 4-й корпус перешел в контрнаступление, 12-я и 13-я дивизии генерал-майора Хеглунда обошли с тыла 18-ю и 168-ю дивизии и, выйдя на берег Ладожского озера, окружили их. Тем временем в окружении оказались гарнизон Уома и группа, располагавшаяся у развилки дорог Леметти – Митро. Здесь находились подразделения 18-й и 60-й стрелковых дивизий, насчитывавшие более 2 200 человек, из которых половина была небоеспособна (раненые и обмороженные), 16 танков и 12 орудий. У озера Сариярви в окружение попали 500 человек с тремя танками и восемью орудиями, а в районе Лово-

ярви – стрелковый и лыжный батальоны с одной артиллерийской батареей. 168-я стрелковая дивизия была заблокирована противником несколько раньше, чем 18-я, но, несмотря на значительные потери в предыдущих боях и выделение трех батальонов на помощь 18-й дивизии, сумела удержать свой район обороны, сохранив за собой несколько важных высот, господствовавших над расположением дивизии.

8 января финны разбросали с самолетов листовки, в которых говорилось: «Бойцы 18-й и 168-й дивизий! Вам известно, что вы окружены, и все ваши связи с Родиной порваны. Почему вы продолжаете эту ненадежную борьбу против нашего перевеса, мороза и голода. Обоз 8-й армии, который вы ожидаете, финны истребили около Сальми. Предлагаем вам немедленно сдаться». С 25 января из советских гарнизонов стали поступать сведения о катастрофической нехватке продовольствия. Так, 29 января из штаба 18-й стрелковой дивизии радиовали: «Продовольствия не сбросили, почему – непонятно. Голодные, положение тяжелое». 2 февраля финны взяли гарнизон Леметти-северное. Потери красноармейцев убитыми и попавшими в плен превысили 700 человек. Только 20 красноармейцев сумели пробиться в Леметти-южное. По финским данным, 4-му армейскому корпусу финнов достались 32 танка, 7 орудий и минометов, большое количество стрелкового вооружения и 30 грузовых машин. 5 февраля из гарнизона «Развилка дорог» поступила страшная радиограмма: «Положение тяжелое, лошадей съели, сброса не было. Больных 600 человек. Голод. Цинга. Смерть». Вскоре после этого окруженным сбросили с самолетов продовольствие, но большая его часть попала в руки финнов. 8 февраля из «Развилки дорог» передали: «Продовольствие сбросили восточнее, часть подобрали».

9 февраля войска 8-го стрелкового корпуса начали наступление с целью освободить из окружения 18-ю и 168-ю дивизии. Однако ценой невероятных усилий им удалось продвинуться лишь на незначительное расстояние, от нескольких сот метров до полутора километров. Финны усилили блокаду, положение окруженных советских частей ухудшилось. 13 февраля из гарнизона «Развилка дорог» пришла отчаянная телеграмма:

«Умираем с голода, усильте сброс продовольствия, не дайте умереть позорной смертью». 22 февраля еще одна радиограмма: «Положение тяжелое, несем потери, срочно помогите, держаться нет сил» [13]. 15 февраля финны усилили натиск на гарнизон Митро – полустанок Рускасет (там находились батальоны 208-го и 316-го стрелковых полков, батареи 3-го артиллерийского и 12-го гаубичного артиллерийского полков 18-й дивизии). В ночь на 18 февраля остатки гарнизона (около 1 700 человек, половину из которых составляли раненые и обмороженные) начали прорыв из окружения в район обороны 168-й дивизии. Отход прикрывали бойцы 83-го танкового и 224-го разведывательного батальонов 34-й бригады. Никто из них не уцелел в этом бою. Но и бойцам гарнизона Рускасет не удалось выйти из окружения, почти все они погибли днем 18 февраля у высоты 79,0.

К 26 декабря 1939 г. финны создали два минированных завала на дороге Лаваярви – Леметти в районе Уома и 28 декабря движение там прекратилось. С 1 по 5 января 1940 г. группа советских войск многократно атаковала позиции финнов в районе Уома. Но прорвать оборону противника и провести в Леметти колонну из 168 машин с продовольствием, боеприпасами и горючим ей так и не удалось.

4–6 января финским войскам удалось расчленить гарнизон Леметти на две части. В северной части оказались 76-й танковый батальон 34-й бригады и тыловые подразделения 18-й дивизии, в южной части – бригадный и дивизионный штабы, 83-й танковый батальон (без одной роты), две роты 97-го стрелкового полка, две артиллерийские батареи и другие подразделения. Всего в окружении оказались 5000 человек, более 100 танков, свыше 10 артиллерийских орудий и много автомобилей. 168-я дивизия предприняла попытку деблокировать окруженных, проведя атаку двумя батальонами 402-го стрелкового полка и двумя батальонами 462-го стрелкового полка. Но советским частям удалось достичь только района Рускасет, где они соединились с двумя стрелковыми и гаубичным артиллерийским полками, отдельным танковым и разведывательным батальонами 18-й дивизии, разведывательным батальоном и двумя ротами 34-й брига-

ды. Прибывшие пограничные части столь же безуспешно пытались прорвать оборону в районе Уома.

Из гарнизона Уома, которым командовал капитан К.Ф. Касаткин – командир отдельного батальона связи, 2 февраля поступила телеграмма: «Окружены 16 суток. Раненых 500 человек, боеприпасов и продовольствия нет. Раненые умирают. Доедаем последнюю лошадь, сможем продержаться до 24:00». 14 февраля из гарнизона Уома пришла телеграмма: «Умираем с голода. Усилите сброс продовольствия. Выручайте, не дайте умереть позорной смертью». Только в конце февраля немногим оставшимся в живых красноармейцам гарнизона Уома удалось соединиться со своими.

В ночь на 19 февраля финны овладели господствующими высотами и стали простреливать всю площадь гарнизона Леметти (она сократилась до километра в длину и четырехсот метров в ширину). 21 февраля командир 34-й бригады комбриг С.И. Кондратьев радировал: «Помогите, умираем голодной смертью», а 22 февраля: «Авиация по ошибке бомбила нас. Помогите, выручайте, иначе погибнем все». 23 февраля гарнизон у озера Сариярви прекратил существование, в живых не осталось никого. (после войны на месте расположения 3-го батальона 97-го полка обнаружили 131 труп и две братские могилы, сооруженные финнами). Финский 4-й корпус захватил 6 полковых и 6 противотанковых пушек, 4 миномета, 4 танка и 60 пулеметов. 23 февраля гарнизон «Развилка дорог» радировал: «40 дней окружены, не верится, что противник силен. Освободите от напрасной гибели. Люди, матчасть – фактически лагерь больных, здоровые истощены. Судьбу Кожекина (возглавлявшего гарнизон у Сариярви) не знаем, нет сил, положение тяжелое».

25 – 27 февраля к гарнизону «Развилка дорог» пытался прорваться лыжный эскадрон, но вышли туда лишь три обмороженных бойца, остальные погибли или попали в плен. 26 февраля командование гарнизона Леметти-южное отправило в штаб 56-го корпуса радиogramму: «Помогите, штурмуйте противника, сбросьте продуктов и покурить. Вчера три ТБ развернулись и улетели, ничего не сбросив. Почему морите голодом? Окажите помощь, иначе погибнем все». В ночь на 23 февраля Ставка раз-

решила отход из Леметти с наступлением темноты, указав на необходимость эвакуации раненых и материальной части.

Ночью 28 февраля 1940 г. Петр Филиппович Берестов был назначен командиром передового отряда с задачей прорвать кольцо окружения и идти на соединение с советскими частями. С отрядом в 826 человек без лыж, с малым числом боеприпасов он штурмовал финские позиции, прорвал кольцо окружения, соединился с советскими частями. За 13 часов с тяжелыми боями они прошли 20 километров. Берестов был ранен, но продолжил командовать отрядом. За эту операцию он награжден орденом Красного Знамени (в Отечественную войну он стал Героем Советского Союза).

Гарнизон Леметти численностью 3261 человек начал отход двумя группами. Северную возглавлял командир 34-й танковой бригады комбриг Кондратьев, южную – начальник штаба 18-й дивизии полковник Алексеев, так как ее командир комбриг Г.Ф. Кондрашев был ранен 25 февраля. Комиссия штаба 15-й армии позднее записала: «Кондрашев организовал выход очень плохо. Даже часть командного состава не знала, какие подразделения входят в состав колонн <...> План выхода был разработан с расчетом на более легкий выход северной колонны, в которой по плану следовало командование, штабы и наиболее здоровые люди. Колонна Кондрашева выступила из Леметти-южное около 22 часов и двигалась от командного пункта 34-й танковой бригады вдоль финской дороги, проходящей по тропе к юго-западному берегу озера Вуортанаярви. Личный состав колонны был вооружен винтовками и револьверами, колонна имела три зенитные пулеметные установки и два-три танка БТ-7, которые предполагалось использовать для поддержки выхода, но в силу плохой организации их не использовали и даже забыли предупредить экипажи о выходе <...> Приказание Военного совета о порче оставленной техники и материальной части полностью выполнено не было. Несмотря на приказание Военного совета армии обязательно взять с собою всех раненых и больных, тяжелооболочные и раненые были оставлены, причем выход гарнизона был преднамеренно скрыт от них...»

Группа Кондратьева при прорыве почти вся погибла. Комбриг С.И. Кондратьев, комиссар 34-й бригады И.А. Гапанюк, начальник штаба бригады полковник Н.И. Смирнов и комиссар 18-й дивизии М.И. Израецкий, оказавшись в безнадежном положении, застрелились. Тяжело раненого командира 18-й дивизии комбрига Г.Ф. Кондрашева бойцы вынесли из окружения. Однако 4 марта его арестовали прямо в госпитале и вскоре расстреляли по приговору трибунала. Из него сделали козла отпущения за гибель дивизии. Тело Кондрашева обнаружили и захоронили финны. Они захоронили также тела 4300 бойцов 18-й дивизии и 34-й бригады.

Вторая группа под командованием полковника Алексева прорвалась, из окружения вышли 1 237 человек, около 900 из которых были ранены и обморожены. При прорыве погибли 48 красноармейцев. Знамя 18-й Краснознаменной Ярославской дивизии досталось финнам. После окончания войны дивизия как утратившая боевое знамя была расформирована. Командир 56-го стрелкового корпуса комдив И.Н. Черепанов 8 марта застрелился. Дивизия прекратила свое существование.

Финны сообщали, что захватили 128 танков, 91 гаубицу, 120 грузовиков, а на снегу остались лежать тела 4300 убитых красноармейцев, в том числе двух генералов (так в финских источниках именовали комбригов). Количество солдат 18-й дивизии, погребенных в сугробах, до сих пор не известно. В 1992 г. «Военно-исторический журнал» написал: «18-я дивизии потеряла более 10 000 человек. Она попала в окружение, личный состав без техники пробовал пробиваться к границе, многие попали в плен, но финны их выдали. Согласно директиве Генерального штаба они направлялись в лагеря для политической обработки и направлены в другие части или уволены в запас». К концу XX века подсчитали, что 18-я дивизия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 12 000 человек (конкретнее определить убитых ярославцев трудно, ибо в тех же гарнизонах были солдаты из других частей, а 168-я дивизия потеряла 7 000 человек, 34-я танковая бригада – 1 800) [20].

На совещании в Москве по итогам Зимней войны в апреле 1940 г. командовавший армией В.Н. Курдюмов так изложил

события, связанные с гибелью 18-й стреловой дивизии и 34-й танковой бригады: «Части дивизии были блокированы противником вдоль дороги от Уома до Леметти (южное), а также в районе Рускасета. Они были блокированы в 13 гарнизонах. До момента формирования 15-й армии эти блокированные гарнизоны частично были уничтожены, остальные понесли большие потери. Людской состав был истощен, бойцы и командиры страдали финнобоязнью и к активным боевым действиям были не способны. Подавляющая часть техники являлась обузой для войск и не была использована. Особенно тяжелое положение было в гарнизоне Леметти (южное). Этот гарнизон, численность которого по разным данным в 3 000–3 200 человек, был расположен в районе площадью 600–800 м. на 1 500 м. Причем за длительный срок блокады (более двух месяцев) в этом гарнизоне не были отрыты даже окопы полного профиля. Все господствующие высоты в районе Леметти были отданы почти без боя противнику. В гарнизоне царил полнейшее безначалие. Командование 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкотанковой бригады самоустранилось от руководства войсками, занималось лишь посылкой панических телеграмм по всем адресам. В момент выхода из этого окружения, в ночь с 28 на 29 февраля, командование 18-й дивизии и 34-й бригады передало руководство своими людьми в этот ответственный момент начальникам штабов – полковнику тов. Алексееву и начальнику штаба 34-й танковой бригады тов. Смирнову...»

То, что произошло с оставленными группой Кондратьева 120-ю тяжело ранеными, иначе как варварством не назовешь. Когда советские войска после заключения мира вернулись в район Леметти, отошедший к СССР, то застали жуткую картину. Некоторые землянки были забросаны гранатами, другие сожжены. Обгоревшие скелеты сохранили следы колючей проволоки, которой беззащитных людей прикрутили к нарам.

Финны также понесли немалые потери. Части, сражавшиеся в Приладужской Карелии, потеряли 3 553 человека убитыми, 9 475 ранеными и 480 пропавшими без вести. Зимнюю войну Финляндия проиграла. Большие потери с обеих сторон

вряд ли оправдывались геополитическими целями правительств этих стран.

Такова история 18-й Ярославской Краснознаменной стрелковой дивизии – нашим гражданам стоит знать ее славные и трагические страницы.

Примечания

1. О Михаиле Кедрове [Текст]: Воспоминания, очерки, статьи. – М., 1988. – С. 41.
2. Краткая история 18-й Ярославской стрелковой дивизии (1918-1923) [Текст]. – Ярославль, 1923. – С. 3.
3. Военный энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1984. – С. 760.
4. Гражданская война и военная интервенция в СССР [Текст]. М., 1983. – С. 115.
5. Военный энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1984. – С. 7. Гражданская война и военная интервенция в СССР. – М., 1983. – С. 115
6. ЦДНИ ЯО. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 2256. – Л. 5.
7. ЦДНИ ЯО. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 7318. – Л. 4. – Об.; Краткая история 18-й Ярославской стрелковой дивизии (1918-1923) [Текст]. – Ярославль, 1923. – С. 10–12.
8. Советская военная энциклопедия [Текст]. Т. 8. – М., 1980. – С. 265; ЦДНИ ЯО. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 1387. – Л. 26; ЦДНИ ЯО. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 2256. – Л. 6, 7.
9. Военный энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1984. – С. 254.
10. Широкопад, А.Б. Северные войны России [Текст]. – М., 2001. – С. 596–599.
11. Герои огненных лет [Текст]. – Ярославль, 1974. – С. 71.
12. Широкопад, А.Б. Указ. соч. [Текст]. – С. 602–603.
13. Герои огненных лет [Текст]. – Ярославль, 1974. – С. 72.
14. Командиры второй мировой войны [Текст]. Ч. 2. – М., 1998. – С. 397.
15. Аптекарь, П.А. Оправданы ли жертвы [Текст]? // Военно-исторический журнал. – 1992. – №3.
16. Широкопад, А.Б. Указ. соч. [Текст]. – С. 609.

УДК 94 (47+57)

Д.Н. Малахов

Авиационный тыл в ходе боевых действий на КВЖД в 1929 г.

С конца 20-х гг. на восточных границах СССР обстановка была неспокойной. Постоянно происходили проникновения малочисленных вооруженных группировок, иногда в нескольких районах одновременно. В такой ситуации не было необходимости производить переброски в эти районы целой авиационной части. Чаще всего задача по ликвидации банд выполнялась частями сухопутных войск при содействии специально выделенных для этого на 2–3 недели авиационных подразделений, как правило, – звеньев [1]. В этих условиях произошло быстрое приспособление авиационных частей к децентрализованному применению своих сил. Время от получения приказа о выделении авиационного подразделения и до его прибытия к месту назначения железнодорожным эшелоном занимало 12–16 часов.

Более активно велись боевые действия в районе КВЖД в 1929 г. Для оказания отпора противнику на КВЖД была образована Особая Дальневосточная армия (далее – ОДВА), командование которой было поручено В.К. Блюхеру.

Данный военный конфликт выявил ряд недостатков, связанных с боевым управлением авиацией из-за различий в позициях высших военно-политических инстанций. К их числу относятся: неопределенность военно-политической идентификации конфликта; создание многоуровневых и дублирующих управленческих структур в армии и т.д.

Отсутствие четких и ясных оценок сути и перспектив военного столкновения со стороны И.В. Сталина, наркоматов обороны и иностранных дел держало в напряжении военное командование на местах, сковывало его инициативу. 15 августа 1931 г. В.К. Блюхер отправил начальнику штаба РККА письмо. В нем, наряду с разбором действий Забайкальской группы войск в кон-

© Д.Н. Малахов, 2012

фликте на КВЖД, содержались некоторые общие оценки военной кампании. В.К. Блюхер четко определил зависимость регионального военного командования от «большой политики»: «Ясности отношений, существующих между двумя противниками на войне, у ОКДВА не было. Не было войны, но не было и мира, а был «конфликт», крайне осложнявший каждое проявление активности армии <...> Армия в течение пяти месяцев находилась в исключительно нервно-напряженном состоянии <...> Ни одна из проводимых нами операций не давала гарантии, что в последний момент она, по соображениям международных отношений, не будет отменена» [2].

26 ноября 1938 г., выступая с заключительным словом на заседании военного совета, нарком обороны К.Е. Ворошилов нелестно оценил события почти десятилетней давности, отметив, что в штабе ОКДВА всегда существовала переоценка значимости боев и побед 1929 г. [3].

Содействовать с воздуха частям ОДВА должна была специальная авиационная группировка. К этому времени советская авиация успела перевооружиться на первые отечественные самолеты, произошли изменения в организационной структуре, авиационной частью являлся уже не отряд, а эскадрилья [4]. Из европейской части СССР были перебазированы две авиационные эскадрильи: 40-я авиационная эскадрилья – железнодорожным транспортом на Дальний Восток, и 26-я авиационная эскадрилья, совершившая сложный перелет в Забайкалье. В течение четырех дней 18 боевых самолетов преодолели расстояние более чем в 4000 км. 26-я авиационная эскадрилья вместе с двумя базировавшимися там авиаотрядами образовала Забайкальскую авиационную группу, насчитывавшую около 40 самолетов [5].

В 1929 г. впервые в мировой практике советской авиацией было осуществлено взаимодействие с кораблями и десантными частями, штурмовой поддержкой пехоты и пр. Основными видами авиационной борьбы являлись такие, как нанесение бомбовых ударов по живой силе, укреплениям, огневым точкам противника и кораблям китайской Сунгарийской флотилии [6].

По итогам боев на КВЖД в феврале 1930 г. в докладе на совещании высшего начсостава ОКДВА В.К. Блюхер отмечал

«крупнейшие недочеты» в подготовке театра военных действий (далее – ТВД) к боям 1929 г. [7]. В его же выступлении на XVII съезде ВКП(б) отмечались серьезные усилия, предпринимаемые Японией в Маньчжурии (стратегическое железнодорожное, дорожное и аэродромное строительство). О наших действиях маршал сказал образно: «Мы крепко, на замок запираем наши границы. Наши границы <...> опоясаны железобетоном и достаточно прочны, чтобы выдержать даже самые крепкие зубы» [8].

13 июля 1930 г. состоялось заседание РВС СССР, на котором обсуждались доклады командования ОКДВА об итогах операций. По инициативе К.Е. Ворошилова отредактированный и обобщенный отчет участников заседания рассылался на места для ознакомления с ним начсостава [9]. Однако, несмотря на определенную значимость боевого опыта, полученного ВВС во время конфликта на КВЖД, его не принято было афишировать [10]. Например, нарком обороны в докладе на собрании начсостава Московского гарнизона, говоря об итогах расширенного заседания РВС СССР по вопросам боевой подготовки РККА в 1929–1930 гг. и учебных задачах на 1931 г., ни одним словом не обмолвился о боях на КВЖД [11].

Данная военная кампания убедительно свидетельствовала о том, что организация авиационного тыла в боевой обстановке была наиболее уязвимым участком военной работы.

Материально-техническое обеспечение немногочисленных авиационных частей, входивших в состав группы войск, участвовавших в боях на КВЖД, осуществлялось силами и средствами тыла, переброшенными по железной дороге вместе с 40-й авиационной эскадрилей.

Важной тыловой проблемой была организация подвоза необходимых грузов в район боевых действий [12]. Например, для создания 3-х дневного запаса боеприпасов и продовольствия для войск, участвовавших в Маньчжуро-Чжалайнорской операции, командованию ОДВА требовалось около 6 тыс. подвод. За 10 дней в Забайкалье и Бурятии удалось собрать только около 1 тыс. подвод и 34 автомашины (собственные транспортные средства у армии отсутствовали) [13].

В боевых действиях был накоплен уникальный опыт аэродромно-технического обеспечения. При перебазировании авиационных частей авиабаза стала выделять команду технических специалистов для встречи перелетающих самолетов. Практика дала возможность уточнить (и закрепить в последующих руководящих документах) состав подобных передовых команд и перечень их имущества, которое не должно было обременять личный состав, но при этом позволяло обеспечивать выполнение всех необходимых задач команды [14].

Инженерно-аэродромное обеспечение как одно из важнейших составляющих тылового обеспечения ВВС также было проверено в боевых условиях.

На КВЖД хватило имевшихся возможностей для создания запасов необходимых материальных средств и их пополнения. Накопленный опыт во время военных действий, осуществлявшихся в условиях низких температур, был доведен до войск в специальном бюллетене управления ВВС в январе 1930 г. [15].

Полученный опыт боевого применения авиации, в том числе и опыт тылового обеспечения, уже в то время внимательно изучался и систематизировался управлением военно-воздушных сил РККА. Так, например, особое внимание уделялось подготовке самолетов к вылету в условиях низких температур, подготовке взлетных площадок и т.д. [16], но, по большому счету, он оказался не востребовавшимся высшим военным руководством.

Примечания

1. Юнгс. Особенности работы авиации в условиях малой войны и горной местности [Текст] // Вестник воздушного флота. – 1928. – №1. – С. 7.
2. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 33879. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 13–14.
3. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 47. – Л. 136–137.
4. См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР [Текст]. – С. 181.
5. Зарецкий, В.М., Первов, А.Г. Боевые действия советской авиации в локальных конфликтах и войнах 1921 – 1941 гг. [Текст]. – Монино: ВВА, 1991. – С. 6.

6. Котловский, А.В. Боевое применение Р-1 [Текст] // Авиация и время. – 1930. – №31. – С. 10–17.

7. См.: РГВА. – Ф. 33879. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 8.

8. XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчет [Текст]. – М., 1934. – С. 630.

9. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1399. – Л. 56.

10. См.: XVI съезд ВКП(б): Стенографический отчет [Текст]. – М., 1935. – Ч. 1. – С. 33; См.: Ворошилов, К.Е. Статьи и речи [Текст] / К.Е. Ворошилов. – М.: Партиздат, 1936. – С. 45–52.

11. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 111. – Л. 157–158.

12. См.: Осьмачко, С.Г. Указ. соч. [Текст]. – С. 85.

13. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1399. – Л. 6–8.

14. Чернецкий, В.Н. Указ. соч. [Текст]. – С. 92.

15. РГВА. – Ф. 29. – Оп. 27. – Д. 404. – Л. 14.

16. См.: Там же. – Л. 1.–16.

УДК 94 (47+54)

В.В. Жарков, В.К. Загороднев

Военное управление в межвоенный период: проблемы функционирования и преобразования

История развития Советского государства и военного строительства, в частности, в межвоенный период, представляет собой богатейший источник для изучения опыта реорганизации Вооруженных Сил.

Для успешного осуществления намеченных мероприятий, связанных с реформированием Красной Армии в начале 20-х гг. XX века, требовалось серьезно улучшить руководство Вооруженными Силами страны.

Одним из важнейших шагов военной реформы стала ре-

© В.В. Жарков, В.К. Загороднев

организация военного аппарата. Проведенная проверка состояния дел в Красной Армии закончилась нелицеприятными выводами. 5 февраля 1924 г. комиссия сделала заявление, что аппарат управления Красной Армии характеризуется оторванностью своих звеньев друг от друга, часто формальной связью между ними, нечетким построением и бюрократическими тенденциями [1].

Члены национальной комиссии предложили максимально упростить аппарат управления, устранить параллелизм и бюрократизм, разграничить функции между различными органами, приспособить организацию мирного времени к организации военного времени, повысить квалификацию сотрудников, сократить штаты. ЦК РКП(б) и Реввоенсовет СССР одобрили эти положения и установили срок перехода на новую организацию с 15 апреля 1924 г.

Преобразования начались в соответствии с приказом Реввоенсовета СССР от 28 марта 1924 г. [2]. Главной задачей стало сокращение кадров управления на 40 – 50% [3]. Сокращение происходило быстрыми темпами. Если к 1 октября 1923 г. в управленческих органах числились 3 732 человек, то в 1924 г. их осталось 2 885 человек [4]. Численное сокращение (847 чел.) равнялось 22,7% [5].

В соответствии с разработанной схемой реорганизации была упразднена должность Главкома, необходимость в которой в мирное время и в самом деле отпала. Начальнику снабжения РККА были подчинены все учреждения, ведавшие обеспечением войск техническим имуществом. Штаб РККА был разделен на три самостоятельных органа: административный штат – Управление (с декабря 1924 г. – Главное управление) РККА, штаб подготовки войск – Инспекторат РККА, оперативный штаб – Штаб РККА. Он сосредоточил все функции по подготовке страны и армии к боевым действиям (разработка оперативных и мобилизационных планов, учет политических, экономических возможностей государства, организация Красной Армии, изучение опыта войн и военных конфликтов, оперативное управление). Для этого в составе Штаба выделялись 4 управления (оперативное,

организационно-мобилизационное, военных сообщений и разведывательное) и научно-уставной отдел.

Однако уже в сентябре выяснилось, что Штаб РККА «перегружен делопроизводством по многим мелочным вопросам, требующим к себе большого внимания и поэтому мешающим сосредоточиться на основной работе» [6]. Не удалось и разграничить функции между Инспекторатом и Штабом РККА. Поэтому по докладу заместителя начальника Штаба РККА МН Тухачевского Инспекторат в сентябре–октябре расформировывается, а в составе Штаба РККА создаются инспекции родов войск, упраздняется Управление боевой подготовки, вопросы комплектования и войсковой мобилизации из Штаба РККА передаются в Главное управление РККА [7].

В соответствии с данными преобразованиями Главное Управление РККА стало заниматься непосредственным руководством боевой подготовкой, инспектированием армии, войсковым комплектованием и всеми вопросами текущей жизни. С 28 сентября 1924 г. Управлением руководил В.Н. Левичев, сменивший Н.Н. Петина. В его составе имелись следующие управления: учебно-строевое с нештатным стрелковым комитетом, военно-учебных заведений (с 13 ноября 1925 г. руководил В.Т. Путьна), военно-топографическое, командное, войсковой мобилизации и укомплектования; инспекции артиллерии, кавалерии, связи, химической и инженерной подготовки.

В 1925 г. проводится очередная реорганизация центрального военного аппарата. К тому времени борьба за власть между Сталиным и Троцким достигла своего апогея. О том, что Троцкий проиграл, свидетельствовало освобождение последнего от должности председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам. На этих постах его сменил Фрунзе, после смерти которого в октябре 1925 г. председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам стал Ворошилов, не имевший, как и его предшественники, военного образования. 21 ноября 1925 г. Совнарком СССР утвердил следующий состав обновленного РВС: председатель – К.Е. Ворошилов, члены – П.И. Баранов, А.С.

Бубнов, С.М. Буденный, А.И. Егоров, В.И. Зоф, С.С. Каменев, Г.К. Орджоникидзе, М.Н. Тухачевский, И.С. Уншлихт и З. Элиава.

В подчинение РВС СССР входили:

1. Управление делами Народного комиссариата по военным и морским делам.

2. Управление снабжения РККА, возглавляемое сначала И.С. Уншлихтом (впоследствии заместитель наркома по военным и морским делам), а затем с 7 февраля 1925 г. Д.Ф. Оськиным, занималось заготовкой всех видов довольствия, кроме специальных. Оно состояло из управлений: артиллерийского (с мая 1925 г. возглавлял П.Е. Дыбенко), военно-технического, военно-химического, военно-стрелкового, военно-хозяйственного, военно-финансового и административно-хозяйственного отдела [8].

3. Политическое управление РККА руководило политико-просветительной работой в армии. Оно включало отделы: организационно-распорядительный, агитационно-пропагандистский, информационно-статистический, мобилизационный, морской и печати. В сентябре 1924 г. было утверждено Положение о ПУРККА, согласно которому оно являлось отделом ЦК, в связи с чем начальник Политуправления А.С. Бубнов был избран секретарем ЦК РКП(б).

4. Управление Военно-морских Сил. В своем составе имело управления: учебно-строевое, спецснабжения, техническое, гидрографическое и научно-технический комитет.

5. Управление Военно-воздушных Сил. В ее состав входили следующие управления: учебно-строевое, спецснабжения, техническое, научно-технический комитет, метеорологический отдел, комиссия по изучению летной работы и инспекция ГВФ (гражданского воздушного флота).

6. Военно-санитарное управление.

7. Военно-ветеринарное управление [9].

В 1925 г. специальная комиссия во главе с заместителем начальника Штаба РККА С.А. Пугачевым разработала новые предложения по реорганизации центральных управлений Наркомвоенмора, которые в октябре получили одобрение со стороны РВС СССР. Численность центрального аппарата была со-

кращена до 3 598 человек. Созданы единый шифровальный отдел Наркомвоенмора и Управление делами РВС СССР.

Но уже через год в связи с кампанией «режима экономии» вновь ставится вопрос о сокращении и реорганизации управленческого аппарата. В июне 1926 г. РВС СССР одобрил соответствующие предложения комиссии, которой на сей раз руководил заместитель председателя Реввоенсовета Уншлихт.

«Существенным моментом новой организации центрального аппарата, действующей с небольшими поправками и в настоящее время, – отмечалось в «Краткой исторической справке об организации центрального военного управления РККА», составленной в июне 1928 г., – является наиболее полное объединение вопросов обороны страны в Штабе РККА, и администрирования – в ГУ РККА» [10].

Инспекторат РККА был снова расформирован, инспекции родов войск вместе с Управлением военно-учебных заведений подчинены Главному управлению РККА, ему же из Штаба РККА передано Военно-топографическое управление.

Изменения в сфере центрального управления позволили: создать систему органов, объединяющих всю полноту основных функций по подготовке страны и РККА к обороне;

четко распределить однородные функции управления общего и специального характера между местными и центральными инстанциями;

упростить аппарат, сократить его численно и в известной степени де бюрократизировать.

Таким образом, за центральным аппаратом сохранялись функции общего руководства. Непосредственная власть сосредоточивалась в сфере окружного управления: командующие войсками и реввоенсоветы военных округов, фронтов, отдельных армий непосредственно подчинялись РВС СССР.

К 1926 г. структура военно-окружного аппарата имела следующий вид:

командующий (реввоенсовет) округа;

штаб округа (отделы – оперативный, военных сообщений, учебный, строевой, мобилизационный, укомплектования,

комсостава, разведывательный и отделения – шифровальное и административно-хозяйственное);

окружные управления (политическое, снабжения, ВВС, санитарное, ветеринарное);

начальники родов войск (артиллерии, инженерных войск, войск связи, химических). Численно управление округа сократилось с 5215 чел. до 3460 чел., то есть на 33,5% [11].

Военно-административное деление страны постоянно развивалось. К концу 1923 г. имелось 6 военных округов (Московский, Петроградский, Приволжский, Украинский, Северо-Кавказский, Западно-Сибирский), 2 фронта (Западный и Туркестанский), 2 отдельных армии (5-я и Кавказская). Но уже к 1 октября 1926 г. количество округов увеличилось до 8:

Московский (Г.Д. Базилевич);

Ленинградский (Б.М. Шапошников);

Украинский (И.Э. Якир);

Северо-Кавказский (И.П. Уборевич)

Приволжский;

Сибирский (Н.Н. Петин);

Среднеазиатский (И.А. Авсентьевский).

Оставалась также одна отдельная армия – Кавказская Краснознаменная (М.К. Левандовский) [12].

Сфера местного военного управления была представлена военными комиссариатами, которых к 1 октября 1924 г. насчитывалось: губернских – 86, уездных (районных, окружных) – 484 [13]. 9 января 1925 г. ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление «О реорганизации местных органов Наркомата по военным и морским делам» [14], в соответствии с которым территория военных округов разделялась на территориальные мобилизационные округа. Последние устанавливались трех типов:

если в губернии (области) не дислоцировались корпуса или дивизии, то образовывался губернский (областной) самостоятельный территориальный округ как источник комплектования какой-либо кадровой или территориальной дивизии. Управление этого территориального округа включало начальника, политсекретариат, учетно-мобилизационный отдел, отделение вне-

войсковой подготовки, местную команду и административно-хозяйственное отделение;

если в губернии дислоцировался корпус (дивизия), то образовывался корпусной (дивизионный) территориальный округ как источник комплектования данного соединения. Во главе стоял командир соединения, имевший в своем распоряжении следующее управление: начальник, учетно-мобилизационный отдел, административно-хозяйственное управление, местная команда, политсекретариат (корпус) или политотдел (дивизия);

если корпус (дивизия) располагались на территории двух или более губерний, то в той, где дислоцировался штаб, образовывался корпусной (дивизионный) территориальный округ.

В таких организационных условиях значительно сокращалось количество губернских военкоматов – они оставались лишь там, где не было воинских частей. Уездные комиссариаты сохранялись в составе территориальных округов в качестве учетно-мобилизационного аппарата и действовали на правах отделов местных исполкомов.

В опубликованных в советский период работах отмечалось, что реформа центрального военного управления «сыграла огромную роль в укреплении Вооруженных Сил страны, в укреплении обороноспособности СССР» [15]. В действительности дело обстояло совсем иначе. Отсутствие у высших военных руководителей четкого представления о месте и роли центральных органов управления, не говоря уже об их неоднократной реорганизации (то слияние, то, наоборот, разукрупнение), никогда не способствовали успешной работе данных органов. Не принесла пользы и частая смена руководства «мозга армии» – Штаба РККА. До апреля 1924 г. его возглавлял генерал П.П. Лебедев, затем до февраля 1925 г. – вольноопределяющийся М.В. Фрунзе, которого сменил полковник С.С. Каменев, в ноябре того же года начальником Штаба РККА стал поручик М.Н. Тухачевский, в мае 1928 г. – полковник Б.М. Шапошников, в июне 1931 г. – полковник А.И. Егоров, который руководил Штабом (Генеральным штабом до мая 1937 г.) [16]. Вместе они имели богатый боевой опыт, но из-за кратковременного пребывания в должности (кроме Егорова) не могли довести до конца начатое дело.

В 1928 г. Шапошников предложил провести новую реорганизацию, которая была осуществлена в январе 1930 г. В состав Штаба РККА были переданы из Главного управления РККА все вопросы мобилизации, комплектования и подготовки начсостава запаса. В 1933 – 1934 гг. под руководством А.И. Егорова работа по уточнению структуры центрального аппарата продолжалась. В результате мобилизационные вопросы были снова переданы в ГУ РККА, а из Штаба РККА выведено Разведывательное управление с переподчинением его непосредственно Наркомвоенмору. В июне 1934 г. ЦИК СССР упразднил Реввоенсовет СССР, а Наркомат по военным и морским делам переименовал в Наркомат обороны (НКО). Вместо Реввоенсовета СССР при наркомате обороны был создан Военный совет совещательного характера. Преобразованный в 1938 г. в Главный совет РККА, он стал функционировать на правах бывшего РВС СССР. Вскоре и Военный совет при Наркомате ВМФ был реорганизован в Главный военный совет ВМФ. Еще в сентябре 1935 г. Штаб РККА был преобразован в Генеральный штаб (ГШ) РККА, из состава которого был выведен отдел боевой подготовки, развернутый в соответствующее самостоятельное управление.

В 1937 – 1939 гг. деятельность центрального военного аппарата была фактически парализована; в ходе борьбы с «врагами народа» под репрессии попали начальник Генерального штаба Егоров, его заместители В.Н. Левичев и С.А. Межининов, 22 начальника и 30 ответственных работников НКО СССР и Генерального штаба [17].

Итогом перестройки аппарата военного управления на всех уровнях явилось его сокращение, более рациональная с точки зрения мирных условий организация, качественный рост управления боевой и политической подготовкой войск.

Примечания

1. См.: Российский государственный военный архив (далее РГВА). – Ф.4. – Оп.1. – Д.109. – Л.5.
2. См.: Осьмачко, С.Г. Военная реформа в СССР (1924 – 1928 гг.): содержание, значение и исторические уроки [Текст]. – Ярославль, 1994. – С.19.

3. См.: Фрунзе, М.В. Избранные произведения [Текст]. – М.: Воениздат, 1984. – С. 140.

4. См.: Тельпуховский, Б.С. КПСС во главе строительства Вооруженных Сил СССР. Окт. 1917 – 1982 гг.: исторический очерк [Текст]. – М.: Политиздат, 1983. – С. 22.

5. См.: Берхин, И.Б. Военная реформа в СССР (1924 – 1925 гг.) [Текст]. – М.: Воениздат, 1958. – С. 58.

6. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 720. – Л. 8.

7. См.: Осьмачко, С.Г. Указ. соч. [Текст]. – С. 19.

8. История военной стратегии России [Текст]. – М.: Кучково поле, 2000. – С. 207.

9. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 270. – Л. 11, 15;

10. Там же. – Д. 720. – Л. 15.

11. Берхин, И.Б. Указ. соч. [Текст]. – С. 153.

12. Сост. по: Военный энциклопедический словарь [Текст]. – М., 2002. – С. 712, 819, 1051, 1190, 1196, 1234, 1309.

13. Смирнов, П.С. Военные вопросы в программах КПСС [Текст]. – М.: ВПА, 1967. – С. 161.

14. См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик [Текст]. – 1925. – № 2. – С. 18.

15. Берхин, И.Б. Указ. соч. [Текст]. – С. 160.

16. Указаны бывшие звания, присвоенные во время службы в царской армии.

17. История военной стратегии России [Текст]. – С. 208.

УДК 94 (47 + 54)

С.Г. Осьмачко

Потери личного состава РККА и противника в локальных войнах и военных конфликтах 1929–1940 гг.

Традиционно людские потери делятся на безвозвратные и санитарные. К первым относятся убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санэвакуации, пропавшие без вести, попавшие в

© С.Г. Осьмачко, 2012

плен, погибшие в результате ЧП, осужденные к высшей мере наказания за преступления, покончившие собой, умершие от болезней в госпиталях; ко вторым – раненые, контуженные, обожженные, обмороженные и заболевшие [1].

Имеющиеся данные свидетельствуют, что приводимые минимальные и максимальные показатели потерь значительно отличаются друг от друга. Так, совокупный минимальный показатель потерь на КВЖД составляет 812 чел., а максимальный – 967 чел. (коэффициент превышения 1,17); в боях на Хасане эти показатели выглядят следующим образом: 847 и 4346 чел. (5,13); на Халхин-Голе – 9284 и 24883 чел. (2,68); в Западных Украине и Белоруссии – 2599 и 5075 чел. (1,95); в войне с Финляндией – 207608 и 412676 чел. (1,99).

Бесспорными представляются уточненные данные Генерального штаба Вооруженных Сил СССР о потерях наших советников и добровольцев в Испании и Китае: соответственно 158 и 195 чел.

Отечественные данные о людских потерях носят относительно достоверный характер. Желание исследователей разобратся в этой проблеме, большая открытость архивных и пр. источников в последнее время позволили приблизиться к достаточно точному порядковому определению величины людских потерь. Но точку в их изучении ставить рано, так как приведенные ниже абсолютные цифровые показатели не являются окончательными. Это объясняется рядом следующих факторов:

во-первых, в РККА был вообще плохо поставлен учет количественных данных о личном составе. Тот факт, что Генштаб РККА не знает реальной численности армии, отмечен в Акте о приемке наркомата обороны СССР С.К. Тимошенко от К.Е. Ворошилова [2]. Части и соединения выводились в район боевых действий неукomплектованными, оставляли на зимних квартирах хозяйственные, караульные и пр. команды, что создавало дополнительную путаницу в данных о перемещениях личного состава, в том числе о потерях.

Во время войны с Финляндией противник расчленил и разбил по частям 44-ю стрелковую дивизию. Уточненные архивные данные показывают, что с 1 по 7 января 1940 г. это со-

единение потеряло 4756 чел. (в том числе 1001 чел. убитыми, 1430 ранеными, 82 чел. обмороженными и 2243 чел. пропавшими без вести) [3]. На совещании высшего комсостава при ЦК ВКП(б) в апреле 1940 г. И.В. Сталин отметил: «Мы 44-ю дивизию просили узнать, сколько убито <...> сколько попало в плен. Не могут сказать, гадают, говорят тысячу <...> Списочный состав дивизии нереальный <...> Действительный состав не отвечает тем записям, которые были сделаны в книге <...>, сколько осталось, сколько было на линии огня, неизвестно <...> Разве так можно организовывать работу?» [4].

Во-вторых, предпосылкой неточного учета потерь являлось значительное количественное усиление наших войск на втором этапе боевых действий [5]. Прибытие на фронт новых полков и дивизий, их скученное размещение в границах боевого порядка, слияние тыловых районов, перепутывание транспортных и санитарно-эвакуационных коммуникаций затрудняли сбор сведений о потерях.

В-третьих, отрицательно сказывалось отсутствие оптимальной организации уборки с поля боя тел павших воинов и эвакуации раненых. Например, на Хасане задержка в похоронах убитых составила до 8 дней. Жаркая погода привела к тому, что «трупы быстро разлагались, опознать <...> не представлялось возможным, <...> личный состав не имел жетонов, где были указаны фамилии».

В-четвертых, осложняли учет данных о потерях репрессии в армии, в результате которых, например, на Хасане многие и подразделения, и части вступали в бой, не имея полноценного командования: комсостав, штабные работники назначались в ходе боевых действий, на марше и т.п. На Халхин-Голе была произведена показательная расправа над штабными работниками 57-го корпуса, оказавшимися «японскими шпионами» и пр.

В-пятых, предпосылкой недоучета потерь выступала территориальная система комплектования войск. Отсутствие должного порядка в призыве военнообязанных в конечном счете сказывалось и на численной оценке потерь.

В-шестых, большую роль играла значимая для военных позиция политического руководства, которое зачастую спешило

предъявить общественности заниженные данные потерь, что само по себе подавляло инициативу армейских инстанций в их дальнейшем уточнении. Так, на Хасане после боев 31 июля и 2 августа 1938 г. потери в частях 40-й дивизии доходили до 50 %, в полках оставалось по 250–300 штыков [7]. 17 августа 1938 г. К.Е. Ворошилов в личном письме к Г.М. Штерну отметил, что «количество и характер наших потерь <...> указывает на очень крупные пробелы в боевой подготовке наших войск, вскрыть и анализировать которые полностью и в минимальные сроки – наша первейшая и главнейшая задача» [8].

Однако через несколько месяцев на XVIII съезде ВКП(б) между этими военачальниками состоялся следующий публичный диалог: Г.М. Штерн утверждал, что для РККА нормально «получить десять жизней врагов за одну жизнь нашего драгоценного человека. (Аплодисменты). Ворошилов. Десять мало. Нужно двадцать. (Смех, аплодисменты). Штерн. Поправку принимаю, прошу внести в стенограмму. (Смех)» [9].

Работа по учету потерь в РККА начала проводиться более организованно после того, как 21 декабря 1939 г. приказом наркома обороны № 238 было введено в действие «Положение о персональном учете потерь личного состава Красной Армии в военное время». Согласно этому приказу штабы частей и учреждений должны были один раз в десять дней (а после крупных боев немедленно) представлять по инстанции именные списки выбывших из строя [10].

К сожалению, была высока доля так называемых небоевых потерь (больные, обмороженные, получившие ранения или погибшие в результате ЧП, аварий, неосторожного обращения с оружием, отравлений и пр.). На Хасане количество заболевших составило 16 % от общего числа санитарных потерь. Во время войны с Финляндией этот показатель (72237 больных и обмороженных) достиг 28 %. При этом не подтверждается существовавшая точка зрения, что средний показатель обмороженных на финском фронте (по отношению к раненым) составлял 4–5 % [11], современные данные показывают около 9 %.

Особенно велика доля небоевых потерь была во время похода РККА в Западные Украину и Белоруссию. Ежедневно в

войсках обоих фронтов фиксировались десятки случаев небоевого травматизма. Так, 12 и 21 октября 1939 г. командующий Украинским фронтом С.К. Тимошенко был вынужден издавать специальные приказы о мерах по ликвидации потерь от ЧП [12].

Командование частей и соединений стремилось скрывать показатели небоевых потерь, понимая, что в основе их происхождения – неорганизованность и недостаточная боевая подготовленность войск. Ориентированное на официальные данные статистическое исследование Генштаба Вооруженных Сил СССР «Гриф секретности снят» исчисляет количество заболевших в войсках Украинского и Белорусского фронтов в 381 чел. А архивные данные, например, только 3-й армии Белорусского фронта свидетельствуют о 3532 заболевших.

Количество людских потерь РККА в локальных войнах и военных конфликтах 1929–1940 гг. было неоправданно велико. Сказывалось плохое умение воевать, обеспечивать боевые действия и пр. Победы не доставались «малой кровью», о чем в закрытых военных аудиториях говорили первые лица государства. Убедительные свидетельства неэффективности военной политики поступали из окопов. Во время войны с Финляндией Сталину было отправлено солдатское письмо, в котором имелись следующие строки: «Товарищ Сталин, мы все бойцы на фронте только и ждем одного, что вы что-нибудь придумаете такое, чтобы поскорее кончить эту проклятую бойню. Товарищ Сталин, просим – кончай скорей, любой ценой. Мы здесь в этих болотах гибнем зря» [13].

Потери противника исчислялись нашими историками и официальными инстанциями довольно приблизительно. 15 августа 1938 г. в «Известиях» были опубликованы данные о потерях Японии на Хасане (600 убитых и 2,5 тыс. раненых). Штаб 1-й Отдельной Краснознаменной армии имел другие показатели: 1047 убитых и 4800 раненых [14]. По свидетельству японских историков, во время боев было убито 500 и ранено 900 чел. [15]. Причем признается, что передовые части потеряли половину своего состава и практически были лишены боеспособности [16].

На Халхин-Голе потери Японии оценивались примерно в 61 тыс. чел. Этот показатель вошел во все крупные исторические издания и пр. Проблема в том, что он определен как условно взятый процент от предполагаемой численности японской группировки. Так было получено число убитых (18868 чел.) и раненых (25900 чел.) в августовской операции. Затем штаб 1-й армгруппы предположил, что около 20 % раненых (5180 чел.) осели в войсковом тылу и что около 3–4 тыс. трупов погибших не были переданы Японии с территории МНР. В итоге получилось, что в июле–августе 1939 г. противник потерял 52–55 тыс. чел. (из них не менее 23–25 тыс. убитыми). Затем к этому показателю были добавлены предполагаемые японские потери в мае–июне, что в сумме довело их уровень до 61 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными [17].

Надо отметить, что командование 1-й армгруппы признавало гипотетический показатель называемых японских потерь. Признать реальным его начали позже. В то же время в октябре 1939 г. на конференции японских губернаторов представитель военного министерства сообщил, что Япония потеряла на Халхин-Голе около 18 тыс. чел. убитыми, ранеными и больными [18].

Потери противника в советско-финляндской войне оценивались довольно противоречиво. 29 марта 1940 г. на VI-й сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов заявил, что финны потеряли не менее 60 тыс. чел. убитыми и не менее 250 тыс. ранеными [19]. Эти данные были предоставлены председателю СНК Генштабом РККА, представители которого считали, что в указанное число убитых еще не вошли умершие от ран [20]. В начале июля 1940 г. штаб Ленинградского военного округа уточнил безвозвратные потери финнов: более 70 тыс. чел. убито и около 15 тыс. умерло от ран [21].

25 марта 1940 г. «Правда» опровергла оценку финских потерь, якобы данную К.Г. Маннергеймом (около 15 тыс. убитых и умерших от ран). Спорность этих данных также подчеркивают опубликованные 14 марта 1940 г. в лондонской «Таймс» официальные данные Финляндии о своих потерях: 23,5 тыс. чел. убито и умерло от ран. К ним близки данные госархива Финлян-

дии: 19567 чел. убито, 4101 чел. пропали без вести, 43357 чел. ранено [22]. Для армии Финляндии (пехота – 150 тыс. чел.) это были колоссальные потери. Финский историк И. Хакала считает, что «13 марта 1940 г. был достигнут тот предел, за которым Финляндия уже не могла успешно воевать одна» [23].

По данным штаба Северо-Западного фронта, в период с 15 января по 13 марта 1940 г. финские части на Карельском перешейке потеряли до 50 % своих пополнений. Кстати, командование фронта довольно реалистично оценивало потери Финляндии в течение всей войны (65–70 тыс. чел., в том числе 35 тыс. убитыми и умершими) [24]. Но высшему руководству требовались более высокие показатели.

Рассмотрим количественные показатели такого вида потерь, как пленные. В боях на КВЖД мы взяли в плен более 1 тыс. чел. [25]. На Хасане войска 39-го корпуса не взяли ни одного пленного [26]. Данные о наших пленных в обоих конфликтах пока не обнаружены.

На Халхин-Голе мы захватили в плен 90, японцы – 77 чел. 23–30 сентября 1939 г. состоялся их обмен. Двое командиров (капитан Казаков и лейтенант Еретин) добровольно остались у противника. Характеристики наших пленных были следующими:

- а) по должностному уровню: 57 рядовых, 12 младших, 7 средних командиров и 1 представитель старшего состава;
- б) по партийной принадлежности: 3 члена и 5 кандидатов в члены ВКП(б), 19 комсомольцев и 50 беспартийных;
- в) по составу: 37 чел. переменного и 40 чел. кадрового состава;
- г) по обстоятельствам пленения: 43 чел. сдались добровольно с оружием в руках, 9 чел. оказали сопротивление, 12 чел. не могли сопротивляться из-за ранения, 3 чел. захвачены без оружия, 10 чел. – внезапно [27].

В РГВА имеются данные о судьбе 50 наших пленных: 38 чел. были осуждены военным трибуналом, 3 чел. переведены во внутренние округа, 4 чел. уволены из РККА и 5 чел. оправданы [28].

Наибольшее количество пленных было захвачено частями РККА в Западных Украине и Белоруссии: по некоторым данным от 240 до 250 тыс. чел. [29]. В.С. Парсаданова отмечает, что из 250 тыс. чел., сдавших оружие РККА, Украинский фронт пленил 181 тыс. солдат и 10 тыс. офицеров [30]. Ю.В. Иванов утверждает, что нашей стороной были интернированы 130–180 тыс. польских солдат и офицеров [31].

Очевидно, что части и соединения РККА пленили значительно большее число польских военнослужащих. 11 октября 1939 г. начальник 3-го отделения 10-го отдела штаба Украинского фронта капитан Антосов составил справку, из содержания которой следует, что весь фронт пленил 385094 чел. (в том числе 357687 рядовых, 11762 подофицера, 15340 офицеров, 187 подполковников, 138 полковников, 30 генералов) [32]. Но, как сообщал Сталину по прямому проводу Г.И. Кулик, «большая часть пленных разбежалась по домам, так как грунтовые участки не налажены, питать их нечем, и, вообще, к приему такого большого числа пленных мы оказались неготовыми. Отбираются главным образом офицеры» [33].

4 октября 1939 г. нарком обороны издал приказ № 87 о распределении пленных, в котором требовалось военнопленных солдат, проживающих на территории Западных Украины и Белоруссии, распустить по домам, а тех, «чья родина находится в немецкой части Польши», передать органам НКВД для содержания в лагерях; задержанных чехов отпустить, взяв с каждого подписку, что он не будет воевать против СССР; сотрудников разведки, внутренних дел, военнопленных офицеров передать НКВД для содержания в лагерях [34].

По-другому относились к немецким военнопленным, захваченным поляками, если они попадали к нам. Еще 22 сентября 1939 г. начальник Генштаба РККА Б.М. Шапошников передал командующим фронтами приказ наркома обороны – «таких немцев освобождать», сообщать в Генштаб, брать на «учет до поряжения об отправке» в Германию [35].

После окончания советско-финляндской войны с 14 апреля по 7 июня 1940 г. стороны произвели взаимный обмен пленными. Наши архивы не содержат однозначных данных о

количестве пленных противника. В финской историографии этот показатель колеблется от 825 до 1000 чел. [36]. В.П. Галицкий, специально исследовавший эту проблему, пришел к выводу, что нами было захвачено 876 чел. (10 офицеров и 866 унтер-офицеров и рядовых), из которых 843 чел. были возвращены в Финляндию, 13 чел. умерли в плену и 20 чел. остались на житье в СССР. Интересно то, что при подготовке боевых действий расчет делался на захват значительных контингентов пленных: были созданы 8 фронтовых приемных пунктов для военнопленных емкостью 5,4 тыс. чел. и подготовлены 4 лагеря военнопленных на 17,5 тыс. чел. [37].

Л. Носырева и Т. Назарова утверждают, что финские военнопленные содержались в 22-х лагерях (основной – в 7 км от станции Грязовец Вологодской области) и тюрьмах, и в 16 госпиталях, где умерло 588 чел. [38]. Л. Елин определяет количество финских пленных в 847 чел. [39].

Высказываются различные точки зрения о количестве наших пленных, захваченных в Финляндии. Известно, что финны передали нам 5468 чел. (в том числе 237 тяжело и 801 легко раненых, 404 больных [40]; по должностному уровню: 301 командир, 787 младших командиров и 4380 бойцов [41]); по данным НКВД, примерно 99 чел. решили не возвращаться в СССР. Сотрудник РГВА П.А. Аптекарь полагает, что оставшихся было около 200 чел., а кроме переданных военнопленных, еще около 300 чел. фигурировали в особых списках [42].

Таким образом, число пленных приближается к 6 тыс. чел. Финский историк Р. Ханский называет меньшее число (5.615 чел.), а В.П. Галицкий – большее (6.116 чел.) [43]. Косвенным образом данные о 6 тыс. пленных подтверждает список тех из них, кто утратил комсомольские документы, в него внесены 810 чел. [44]. Если в кадровых частях комсомольская прослойка доходила до 40 % личного состава, то в территориальных (мобилизуемых для фронта) зачастую было меньше 10 % [45].

Нам многому можно учиться у наших бывших противников. Война в Финляндии закончилась в марте 1940 г., а уже в первой половине 1941 г. в Хельсинки увидело свет издание «Цена нашей свободы, завоеванной на полях сражений», в котором

на 755 страницах помещены фотографии и краткие биографические сведения о каждом погибшем финском воине [46].

Примечания

1. См.: Энциклопедический военный справочник [Текст]. – М.: Воениздат, 1953. – С. 1124–1125.
2. Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 1. – С. 197.
3. См.: Дудорова, О.А. Неизвестные страницы «зимней войны» [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 9. – С. 15.
4. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 165. – Д. 76. – Л. 141.
5. См.: Осьмачко, С.Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика [Текст]: монография. – Ярославль, 1999. – С. 173–180.
6. РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 169–170.
7. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 2030. – Л. 51.
8. Цит. по: Аржанов, Ф.М. Борьба Коммунистической партии за обеспечение безопасности дальневосточных границ СССР (1932 г. – август 1945 г.) [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук. – Л.: ЛКВВИА им. А.Ф. Можайского, 1962. – Ч. 2. – С. 205–206.
9. XVIII съезд ВКП (б): Стенографический отчет [Текст]. – М.: Политиздат, 1939. – С. 234–235.
10. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 68. – Л. 137.
11. См.: Ахутин, М.Н. Военно-полевая хирургия [Текст]. – М.: Медгиз, 1941. – С. 118.
12. См.: РГВА. – Ф. 35084. – Оп. 1. – Д. 193. – Л. 111, 205.
13. Цит. по: Найдено, Б.Н. Советско-финляндская война (1939–1940 гг.): историко-политический анализ [Текст]: дис. ... канд. ист. наук. – М.: Военная академия им. Ф.Э. Дзержинского, 1993. – С. 68.
14. См.: РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 108. – Л. 28.
15. См. Исторический архив. – 1997. – № 4. – С. 74.
16. См.: Кошкин, А.А. Крах стратегии «спелой хурмы» [Текст]. – М.: Мысль, 1989. – С. 52.
17. См.: РГВА. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 29–30; Д. 74. – Л. 148–149.

57.

18. См.: Геополитика и безопасность. – 1994. – № 2. – С.
19. См.: Правда. – 1940. – 30 марта.
20. См.: РГВА. – Ф. 34980. – Оп. 14. – Д. 46. – Л. 47.
21. См.: Правда. – 1940. – 3 июля.
22. См.: За рубежом. – 1989. – № 48. – С. 18.
23. Ильмари Хакала. Предел прочности. Могла ли Финляндия продолжать боевые действия? [Текст] // Родина. – 1995. – № 12. – С. 112.
24. См.: РГВА. – Ф. 34980. – Оп. 1. – Д. 1473. – Л. 89.
25. См.: Кулагин, В.М., Яковлев, Н.Н. Подвиг Особой Дальневосточной [Текст]. – М., 1970. – С. 165.
26. См.: РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 144.
27. См.: РГВА. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 78.
28. См.: Там же. – Д. 74. – Л. 148–149.
29. См.: Лебедева, Н.С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия [Текст] // Другая война: 1939–1945. – М.: РГГУ, 1996. – С. 265; Райский, Н.С. Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных [Текст] // Отечественная история. – 1995. – № 4. – С. 136.
30. См.: Парсаданова, В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 г. [Текст] // Вопросы истории. – 1997. – № 7. – С. 25–26.
31. См.: Иванов, Ю.В. Освободительный поход или агрессия? Действия частей Красной Армии в сентябре 1939 г. и современная польская историография [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 9. – С. 85.
32. См.: РГВА. – Ф. 35084. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 300.
33. Там же. – Д. 7. – Л. 2.
34. См.: Там же. – Д. 192. – Л. 89.
35. См.: Там же. – Д. 7. – Л. 50.
36. См.: Родина. – 1995. – № 12. – С. 99.
37. См.: Галицкий, В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.) [Текст]. – М.: Издательский дом «Граль», 1997. – С. 29, 168.
38. См.: Носырева, Л., Назарова, Т. «Пойдем на Голгофу, брат мой...» [Текст] // Родина. – 1995. – № 12. – С. 101.

39. См.: Елин, Л. Донесение комиссару Нехорошеву [Текст] // Новое время. – 1992. – № 27. – С. 35.
40. См.: Там же; Семиряга, М.И. Советско-финляндская война [Текст]. – М.: Знание, 1990. – С. 26.
41. См.: Гриф секретности снят [Текст]. – С. 99.
42. См.: Аптекарь, П.А. Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско-финляндской войне) [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 3. – С. 44.
43. См.: Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 158; Галицкий В.П. Указ. соч. – С. 57.
44. См.: РГАСПИ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 1442. – Л. 1–104.
45. См.: Там же. – Д. 1484. – Л. 3.
46. См.: Смеляков, Н.Н. «Зимняя война» [Текст] // Военно-исторический архив. – 2002. – № 3. – С. 33.

УДК 94 (47+54)

В.Н. Гурьянчик

Итоги политической работы в Красной армии в предвоенный период (1938–1941 гг.)

Содержательная сторона политической работы в Красной Армии в рассматриваемый период отличалась сложным переплетением позитивных и негативных моментов.

Среди позитивных сторон политической работы в РККА можно выделить следующие: во-первых, деятельность политорганов в предвоенные годы была направлена на обеспечение боевой готовности армии, они были активными проводниками политики партии по техническому перевооружению войск. В итоге работы, проведенной командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями, боевая и политическая подготовка во всех видах Вооруженных Сил во многом была перестроена и к началу 1941 года значительно улучшилась.

© В.Н. Гурьянчик, 2012

Во-вторых, политорганы направляли партийно-политическую работу на воспитание воинов, преданных идеям марксизма-ленинизма, коммунистической партии и советскому народу. Решению этих задач были подчинены все формы и методы идейно-теоретического воспитания: политические занятия, марксистско-ленинская подготовка начальствующего состава, партийное просвещение, агитационно-пропагандистская и культурно-просветительная работа.

В-третьих, к началу войны в армии сложилась определенная система идейно-воспитательной работы. При всей своей противоречивости идеологическая работа в Красной Армии в целом активно влияла на духовный настрой личного состава. Она отражала в своем содержании пафос созидания нового общества. Люди, в большинстве своем, были уверены, что они строят и защищают светлое будущее. Существенным было и то, что в этой работе участвовали тысячи партийных организаций, миллионы коммунистов. Идейно-теоретические установки являлись скрепляющим и мобилизующим фактором в победе Советского Союза в Великой Отечественной войне.

В-четвертых, военно-политическое руководство Советского Союза, исходя из опыта советско-финляндской войны 1939–1940 годов, предприняло попытку пересмотра и коррекции некоторых содержательных аспектов военной идеологии. А именно, было решено отказаться от наивно-упрощенной характеристики Красной Армии как «непобедимой», была предпринята попытка поворота в идеологии от интернационального к патриотическому воспитанию военнослужащих, началась кампания по развенчанию культа опыта гражданской войны и пр.

В-пятых, стойкость, преданность Родине, массовый героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны доказали действенность партийно-политической работы, которая активно и целеустремленно проводилась в Красной Армии в предвоенные годы.

Однако наряду с позитивными моментами в содержании политической работы в Красной Армии в 1939–1941 годах было много негативного, которое отрицательно воздействовало на процесс воспитания военнослужащих.

Во-первых, негативную роль сыграли взгляды И.В. Сталина на будущую войну. Он считал, что новая мировая война, как и предыдущая, приведет к созданию революционной ситуации в капиталистических странах. В отчетном докладе XVII съезду партии он заявил, что война «наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны». Мысль о том, что, боясь революции, империалисты не пойдут на развязывание мировой войны, прозвучала и на XVIII съезде ВКП(б).

Теоретические выкладки И.В. Сталина отрицательно влияли на советские военно-доктринальные установки. В трактовках ряда основополагающих военных документов появились тенденции, выражавшие стремление к перенесению военных действий на территорию напавшего врага, что «Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий», оборона рассматривалась лишь как временное состояние войск перед решающим наступлением.

Во-вторых, вследствие ошибок военно-политического руководства в оценке военно-политической обстановки конца 1930-х – начала 1940-х годов пропаганде не доставало обоснованной направленности на развитие понимания личным составом характера, целей и замысла командования в боевых операциях. После августа 1939 года, по существу, была снята задача разоблачения сущности германского фашизма, его захватнических устремлений, что просто деморализовало сознание военнослужащих в предвоенный период.

В-третьих, в пропагандистской работе имела место переоценка наших сил, умаление сил вероятного противника. В предвоенные годы был выдвинут лозунг – добиваться победы малой кровью. Лозунг правильный и подлинно гуманистический. Однако в его содержание вкладывался иной смысл: война будет легкой, она не потребует больших усилий; вероятный противник не так уж и силен; наша страна – страна героев; наша победа будет, безусловно, поддержана революциями в капиталистических странах, Красная Армия – армия-освободительница и т.д. После советско-финляндской войны положение в какой-то

мере начало исправляться, однако непосредственно в войсках даже приграничных округов прежняя линия по существу продолжалась. Допускались начетничество, формализм, примитивный подход к ведению пропаганды и агитации. Все это не могло не ослаблять воздействие политической работы на формирование морального фактора, морально-политической готовности личного состава Красной Армии к отпору агрессору.

В-четвертых, репрессии, коснувшиеся всех сфер строительства и подготовки Красной Армии, отразились и на кадровой политике. Подбор военных кадров осуществлялся в основном по политическим критериям. Руководящие документы мало принимали в расчет военно-профессиональный критерий в оценке кадров. Это привело к тому, что политорганы оказались засорены случайными людьми, не имевшими опыта работы с людьми и военной подготовки. После войны с Финляндией были извлечены серьезные уроки и сделаны конструктивные шаги в улучшении подготовки кадров и укреплении боевой мощи Вооруженных Сил. Однако в полной мере перестроить подготовку кадров до войны не удалось.

В-пятых, в 1930-е годы личный состав Красной Армии нередко был вынужден обходиться минимумом социальной справедливости. Это порождало напряженность, вело к пререканиям, порой к невыполнению приказаний, создавало конфликтные ситуации. В это время произошла определенная разъединенность рядового и командного состава; были свернуты демократические начала, выявилась неразвитость демократических правовых структур, форм и процедур. Во всех руководящих документах указывалось, что советская воинская дисциплина основывается на высокой сознательности военнослужащих. В жизни она зачастую основывалась на страхе: нередко командиров и политработников красноармейцы просто боялись, боялись строгости наказаний. Особенно это проявилось после советско-финляндской войны, когда меры принуждения все больше стали преобладать над методами убеждения. В армии давали о себе знать всякого рода перегибы: рукоприкладство, «чрезвычайщина». Зачастую начальники превышали свои права не только из-за

низкой правовой культуры, но и под воздействием соответствующих, противоречащих законности документов.

В-шестых, в области партийно-комсомольской работы в армии после тотальной чистки 1937 года на первое место выдвигалась задача увеличения численности коммунистов и комсомольцев как опоры политорганов. Это привело к тому, что в погоне за высокими показателями политорганы стали забывать о принципе индивидуального отбора кандидатов. В армейских партийных и комсомольских организациях оказались люди, не отвечавшие морально-политическим качествам и требованиям. Следствием подобного стало то, что большой процент нарушений и преступлений в армии приходился именно на партийно-комсомольский актив.

Анализируя опыт политической работы в РККА в 1939–июне 1941 годов можно извлечь следующий урок: при решении вопросов военного строительства необходимо четко и ясно сформировать в сознании военнослужащих представления о характере, целях и задачах военной политики государства. При этом надо учитывать накопленный исторический опыт.

УДК 94 (47+57)

С.Н. Картавый

**Использование дезинформации гитлеровским
командованием накануне и в начале
Великой Отечественной войны**

Готовясь к войне против СССР, руководство фашистской Германии предпринимало масштабные и тщательно продуманные меры к тому, чтобы скрыть свои намерения и ввести советское руководство в заблуждение.

Подготовка к агрессии против СССР началась задолго до ее развязывания; механизм политической, стратегической и оперативной хитрости заработал в полную силу, когда гитлеровское

© С.Н. Картавый, 2012

руководство приняло окончательное решение напасть на Советский Союз. Оно вело изоощренную политическую игру с представителями советских правительственных учреждений в сфере торгово-экономических отношений.

Так, в феврале 1940 года и в январе 1941 года между СССР и Германией были заключены торговые соглашения, которыми предусматривался вывоз из СССР в Германию сырья, а из Германии в нашу страну – промышленных изделий, в том числе военного назначения. Эти соглашения широко рекламировались в Германии как пример сотрудничества между двумя странами, но на деле немецкие промышленные фирмы получили указание тормозить выполнение советских заказов, а в ряде случаев вообще отказываться от них.

Более того, многие фирмы вопреки ранее достигнутой договоренности всячески препятствовали ознакомлению советских представителей с техническими новинками. Советская экономическая делегация, посетившая Германию осенью 1939 года для ознакомления с некоторыми отраслями немецкой промышленности, так и не получила доступа к ряду приборов, станков и образцов военной техники новых типов. Вместе с тем незадолго до войны, когда уже была подписана директива № 21 (план «Барбаросса»), Советскому Союзу были проданы самолеты «Мессершмитт-109», «Хейнкель-100», «Юнкерс-88», «Дорнье-215», то есть самолеты новейших типов [1]. Сам факт подобного «доверия» должен был продемонстрировать «дружественное» отношение Германии к СССР.

Весьма показателен и тот факт, что, подписав вечером 18 декабря 1940 года план «Барбаросса», Гитлер 19 декабря любезно беседовал с советским послом на приеме, заверяя его, что Германия не имеет никаких претензий к советскому правительству. Между тем, стратегическое сосредоточение и развертывание немецко-фашистской армии набирало темпы.

Развертывание немецких войск для нападения на Советский Союз, как стало известно из протокола секретного совещания у Гитлера от 3 февраля 1941 года, проводилось под видом подготовки к проведению операции «Морской лев» (вторжение на Британские острова) и частично операции «Марита» (нападе-

ние на Грецию). Еще задолго до этого совещания, в июле 1940 года, после эвакуации англичан из Дюнкерка штаб группы армий «Б», штабы трех полевых армий и около 30 дивизий были переброшены на территорию оккупированной Польши под предлогом рассредоточения сил, сконцентрированных во Франции, смены и переформирования войск, усиления «обороны почти совершенно неприкрытой восточной границы». При этом штабы некоторых оперативных объединений легендировались как «рабочие штабы» строительной организации Тодта.

В январе 1941 года началась переброска 12-й армии (17 дивизий) в Румынию, вызванная якобы высадкой англичан в Греции. Относительно этой переброски начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии на том же совещании у фюрера заявил: «Целью нашего марша будет Румыния, лишь в последний момент мы сделаем поворот к русской границе». В начале мая 1941 года войска в Восточной Пруссии и частично в Польше были усилены пехотными дивизиями, основная же масса танковых и моторизованных дивизий, на переброску которых требовалось меньше времени, оставалась на западе и в центральных районах Германии; резервы главного командования задерживались в глубине. Для введения в заблуждение относительно сосредоточения главных группировок в районах Кенигсберга и Варшавы принимались меры к показу ложной концентрации войск в южной части Польши, в Чехословакии и Австрии. Такое сосредоточение войск на востоке не должно было дать Советскому Союзу основания заподозрить, что против него готовится наступление.

В это же время на западе, в том числе в Норвегии, оставалось большое количество кадровых пехотных дивизий, призванных создать впечатление подготовки к высадке в Англию. В дополнение к этому весной 1941 года немцы широко распространяли слухи о готовящемся вторжении на Британские острова, издавалось большое количество фальшивых приказов о переброске войск на запад, личный состав «инструктировался» и готовился к практическим действиям при вторжении.

Гитлеровское руководство придерживалось того взгляда, что полностью скрыть подготовку агрессии, вероятно, не удаст-

ся и поэтому необходимо дезориентировать неприятеля по крайней мере в отношении места, времени и способа нападения, вызвать у него колебания в принятии или уточнении оперативно-стратегических решений. В организации дезинформации использовались предубеждения и ошибки противостоящей стороны, которые направляли бы действия так, как это было выгодно нападающей стороне. Конкретные формы и методы проведения дезинформационных мероприятий зависели от реально складывающейся военно-политической обстановки и общего замысла нападения.

В плане «Барбаросса» указывалось на необходимость обратить особое внимание на то, чтобы не было разгадано намерение напасть на СССР. В соответствии с этим штабу верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) был дан ряд распоряжений о проведении мероприятий по скрытности подготовки к войне и введению противостоящей стороны в заблуждение. В феврале 1941 года штаб издал директиву, в которой, а также в последующих дополнениях к ней были определены цели, мероприятия и последовательность их проведения [2].

Мероприятия германского командования по дезинформации советского политического и военного руководства условно можно разделить на два этапа. Первый начался в июле 1940 года с перегруппировки на восток войск группы армий «Б» (штаба группы, трех управлений армий, двенадцати штабов корпусов и тридцати дивизий) [3]. Второй этап охватывает время с февраля по июнь 1941 года, когда проходила передислокация к границам СССР групп армий «А» и «Ц».

В этот период гитлеровское командование уделяло самое пристальное внимание вопросам скрытности. Для введения советской стороны в заблуждение были специально разработаны крупные мероприятия, среди которых ложные операции немецко-фашистских войск, как, например, операция «Изабелла» (захват Гибралтара), «Атилла» (оккупация Южной Франции), «Гарпун» (вторжение в Англию с территории Норвегии).

В частности, по плану операции «Гарпун» на территории Норвегии действительно сосредоточивались немецко-

фашистские войска, но не для вторжения в Англию, а для предстоящего наступления на советское Заполярье.

Так и оставшиеся на бумаге операции «Изабелла» и «Атилла» предназначались для дезинформации и демонстрации якобы возросшего интереса фашистской Германии к юго-западной части Европы, а в действительности для отвлечения внимания от перебросок немецко-фашистских войск на восток.

Приготовления для вторжения в Англию также должны были отвлечь внимание советского руководства от сосредоточения войск на востоке, у границ СССР. 14 сентября 1940 года на совещании по английской проблеме Гитлер принял решение перенести сроки десантной операции, а 12 октября приказал приостановить все приготовления к вторжению на Британские острова [4]. В то же время в директиве № 23 отмечалось, что до начала перегруппировки для операции «Барбаросса» следует повысить эффективность действий воздушных и морских сил не только для того, чтобы нанести Англии максимальных ущерб, но и для того, чтобы симулировать якобы предстоящее в этом году вторжение на Британские острова.

15 февраля 1941 года начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель в специальной директиве потребовал «усилить уже сложившееся впечатление о предстоящем вторжении в Англию», а развертывание войск по плану «Барбаросса» изображать как «крупнейший в истории войн отвлекающий маневр, который служит для маскировки последних приготовлений к вторжению в Англию» [5].

Все мероприятия подготовительного периода проводились скрытно. К разработке оперативных документов был допущен предельно узкий круг лиц. Все документы имели гриф «Совершенно секретно. Государственной важности». Сосредоточение и стратегическое развертывание ударных группировок на востоке проводилось с тщательным соблюдением маскировки.

Понимая, что невозможно полностью скрыть сосредоточение многотысячной группировки с большим количеством боевой техники вблизи советских границ, гитлеровское руководство предприняло ряд отвлекающих шагов политического и военного характера.

В упомянутой выше директиве от 15 февраля 1941 года говорилось: «Цель дезинформации заключается в том <...> чтобы скрыть подготовку к операции «Барбаросса». Эта главная цель и должна лечь в основу всех мероприятий по дезинформации противника» [6]. Директива предусматривала проведение мероприятий в два этапа. Первый этап – до середины апреля 1941 года – заключался в скрытии всех военных приготовлений, не связанных с массовой перегруппировкой войсковых объединений. Второй этап – с середины апреля по июнь 1941 года – заключался в маскировке непосредственного сосредоточения пехотных и танковых дивизий, артиллерийских и авиационных соединений у границ СССР. В целях отвлечения внимания от подготовки к агрессии против СССР гитлеровское командование внушало личному составу, что войска отводятся в тыл на отдых до определенного времени. «Необходимо как можно дольше держать в заблуждении относительно действительных планов даже те войска, которые предназначены для действий непосредственно на востоке» [7], – отмечалось в директиве.

В своих указаниях от 9 марта 1941 года Кейтель рекомендовал «представлять развертывание вермахта на востоке и как оборонительные мероприятия по обеспечению тыла Германии на время высадки в Англии и операций на Балканах» [8].

Широко распространялись дезинформирующие сведения о подготовке авиадесантных корпусов, предназначенных для высадки в тыловых районах Англии. Для придания этим слухам достоверности в войска были призваны выпускники высших учебных заведений – специалисты-переводчики английского языка, подготовлены карты различных районов Великобритании, изданы многочисленные немецко-английские разговорники, словари, справочники.

В войсках вермахта распространялись также слухи о том, что сосредоточение дивизий у границ СССР осуществляется по соглашению с советским руководством, которое якобы дало «добро» на пропуск немецких войск через свою территорию для наступления на Индию и другие английские колонии.

Надо сказать, что в германской армии существовал целый аппарат для проведения мероприятий по оперативно-

стратегической военной хитрости, подчинявшийся штабу верховного главнокомандования вермахта. Непосредственно этими вопросами занимался так называемый отдел обороны страны, являвшийся ведущим отделом штаба. Этот отдел отвечал за согласование планов военной хитрости командований видов вооруженных сил, особенно по сокрытию переброски войск, с мероприятиями разведывательного характера верховного главнокомандования. Кроме того, отдел имел право по договоренности со штабами видов вооруженных сил и начальником разведки и контрразведки давать указания по уточнению замысла и применению тех или иных способов военной хитрости в зависимости от конкретно складывающейся обстановки.

Организацию распространения дезинформационных сведений возглавлял начальник разведки и контрразведки верховного главнокомандования. Для передачи дезинформации использовались строго определенные каналы связи только по его указанию. На него возлагалось руководство распространением слухов через немецких военных атташе в нейтральных странах и военных атташе этих государств в Берлине.

Большое значение германское командование придавало введению в заблуждение и своих союзников, чтобы как можно дольше держать их в неведении относительно истинных планов. «Венгрия не будет посвящена в наши планы, – отмечал начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер в своем дневнике 14 июня 1941 года. – Словакии также пока что не следует сообщать никаких сведений об операции» [9].

При подготовке переговоров с Финляндией, Венгрией, Румынией для введения их в заблуждение относительно места и начала боевых действий по плану «Барбаросса» было указано, что запланированные крупные операции вермахта на западе требуют подготовки оборонительных рубежей на востоке. Поэтому цель переговоров заключалась якобы в том, чтобы потребовать от названных государств немедленного проведения мероприятий оборонительного характера. Венгрии «будет лишь указано, что увеличение численности русских войск на ее границе потребует ряда оборонительных мероприятий с ее стороны» [10], – подчеркивал Гальдер. Финляндии объяснялось, что Германия вы-

нуждена принять контрмеры на случай нападения СССР, а также в целях прикрытия тыла при высадке в Англию.

Сосредоточение и развертывание ударных группировок немецко-фашистских войск наращивалось скрытно. 23 мая в приграничных районах находились 74 пехотные дивизии. Основная масса танковых моторизованных соединений, артиллерия и авиация продолжали еще оставаться в местах постоянной дислокации. Тем самым предполагалось ввести советское командование в заблуждение относительно подготовки к плану «Барбаросса». С этой же целью находящиеся на западе и в Норвегии пехотные соединения были призваны демонстрировать подготовку десантной операции против Англии.

Массовая перегруппировка войск, предназначенных для вероломного нападения на Советский Союз, началась только после 23 мая. Из опасения, что эвакуация населения приграничных с СССР районов вскрыет наступательные замыслы вермахта, было решено от нее отказаться.

Гитлеровскому политическому и военному руководству в немалой степени удалось провести в жизнь специально разработанный комплекс мероприятий по военной хитрости и скрыть замысел и план готовящейся войны. Этому способствовала и двойная политическая игра правящих кругов Англии и США.

Советское правительство не могло не ощущать угрозу, исходившую от фашистской Германии. Многочисленные факты свидетельствовали о том, что Гитлер направляет все свои усилия на то, чтобы подготовить, а затем и развязать войну против Советского Союза. Разведкой было установлено развертывание крупных сил на границе с СССР. Генеральный штаб систематически докладывал политическому руководству не только о сосредоточении немецко-фашистских войск вблизи советских границ, но и об усиленной разведке, ведущейся немцами на ряде участков советской территории. Понимая неизбежность военного столкновения с Германией, советское руководство предпринимало значительные меры по укреплению обороноспособности страны. Однако крупные ошибки и просчеты, допущенные И.В. Сталиным и его окружением, в том числе относительно опреде-

ления сроков начала войны, не позволили выполнить их в полном объеме.

В результате внезапного нападения на Советский Союз немецко-фашистской армии удалось захватить на некоторое время инициативу.

В начале войны, когда Германия владела стратегической инициативой, а советские войска вынуждены были отходить, ведя тяжелые оборонительные бои, гитлеровское командование часто использовало диверсии и другие провокационные, коварные по своей сути методы борьбы. Возлагалось это на специальные диверсионные части, например, такие, как полк «Бранденбург-800». К началу нападения на СССР подразделения этого полка были сосредоточены на важнейших направлениях: так, 1-й батальон – в районе Перемышля; одна рота – у границы Восточной Пруссии; другая – у Сувалок; еще одна рота – у Рованиemi (Финляндия) [11]. Все эти подразделения с началом боевых действий помимо задач сугубо диверсионного характера должны были распускать слухи и сеять панику в войсках и среди мирного населения. Несколько позже на советско-германский фронт было переброшено еще пять диверсионных подразделений, которые комплектовались из представителей различных национальностей, населявших Советский Союз и перешедших на сторону немецко-фашистских войск. Так, были созданы батальоны: «Нахтигаль» – из числа западноукраинских националистов, из выходцев из Эстонии – «Эрна», из представителей кавказских национальностей – «Бергман» [12].

В ходе своих операций эти диверсионные подразделения использовали неожиданные, изощренные и коварные приемы и способы. Так, например, было, когда 8-я рота полка «Бранденбург-800», действовавшая на направлении главного удара группы армий «Север», получила задачу овладеть мостом через Западную Двину в городе Даугавпилс. Диверсанты, маскируясь под раненых советских солдат, прошли через мост, а затем неожиданно напали на охранявших его часовых и захватили мост.

В начале войны германское командование широко практиковало выброску многочисленных диверсионных отрядов и групп в тыл советских войск. Имели место случаи, когда дейст-

вия немецких парашютистов приводили к тяжелым последствиям. В ходе Смоленской оборонительной операции фашисты сумели выбросить небольшой десант автоматчиков в тыл 19-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону в 3 км восточнее Ельни. Десантникам своими действиями удалось вызвать панику в тыловых подразделениях дивизии. Получив донесение о выходе немцев в тыл, командование посчитало дивизию окруженной и отдало приказ на отход. В результате сравнительно небольшой по численности группе фашистских диверсантов удалось фактически без боя занять город Ельню, который впоследствии стал в течение двух месяцев ареной ожесточенных и кровопролитных боев [13].

Практиковалась также заброска в тыл диверсионных подразделений, переодетых в форму советских военнослужащих. В «Инструкции по организации наступления», датированной сентябрем 1941 года, командующий 29-й армией генерал-лейтенант И.И. Масленников отмечал, что переодетые в советскую форму диверсанты проникают в боевые части наших подразделений и, подавая команды на русском языке, направляют их под огонь своих пулеметов или под удары контратакующих резервов [14].

В то же время следует отметить, что там, где твердо осуществлялось управление подчиненными подразделениями и была умело организована охрана тыла, эти диверсионные группы вовремя обнаруживались и уничтожались. Так, в первые же дни войны диверсионный взвод полка «Бранденбург», выброшенный на парашютах для захвата двух мостов железнодорожной линии Молодечно – Лида, был полностью уничтожен [15].

Таким образом, можно отметить, что тщательно спланированные, умело и целенаправленно проводимые в жизнь мероприятия по дезинформации советской стороны позволили немецкому политическому и военному руководству в значительной степени обеспечить внезапность нападения Германии на Советский Союз, скрыть от советского командования направление главного удара и в немалой степени способствовали тому, что СССР в начале войны оказался на грани военной катастрофы.

Примечания

1. Яковлев, А. Цель жизни [Текст]. – М., 1970. – С. 247–248.
2. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма [Текст]. Т.1. – М., 1973. – С. 87.
3. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутная армия Германии [Текст] / пер. с нем. Т. 2. – М., 1958. – С. 83, 84, 205, 206.
4. Гальдер, Ф. Военный дневник [Текст] / пер. с нем. Т. 2. – М., 1969. – С. 141, 183.
5. История второй мировой войны 1939 – 1945 [Текст]. Т.3. – М., 1974. – С. 132.
6. Там же. – С. 241
7. Там же.
8. Там же. – С. 242.
9. Гальдер, Ф. Военный дневник [Текст] / пер. с нем. Т. 2. – М., 1969. – С. 576.
10. Там же.
11. Там же. – С. 532.
12. Там же. – С. 576.
13. Кедринский, К. Смоленская оборонительная операция 1941 года [Текст]. – М., 1955. – С. 28.
14. Из опыта боев Великой Отечественной войны [Текст]. – М., 1942. – Вып. 1. – С. 63.
15. Военно-исторический журнал [Текст]. – 1963. – № 3. – С. 88.

УДК 94 (470) “1941/1945”

В.Л. Маслехин

Войска ПВО страны в битве под Москвой

Осенью 1941 г. и зимой 1941–1942 гг. решающие события на советско-германском фронте развернулись на подступах к Москве. В этот период здесь произошла одна из крупнейших битв Великой Отечественной и второй мировой войн, которая завершилась поражением важнейшей стратегической группиров-

ки противника. Большой вклад в эту победу внесли Войска ПВО страны.

В первый месяц войны ГКО и Ставка Верховного командования осуществили ряд мер для усиления и усовершенствования ПВО Москвы. В июле 1941 г. был сформирован 6-й истребительный авиационный корпус ПВО в составе 21-го истребительного авиаполка. Москву прикрывали войска Московской зоны ПВО (командующий – генерал-майор М.С. Громадин), в которую входили 1-й корпус ПВО (генерал-майор Д.А. Журавлёв) и 6-й истребительный авиационный корпус (полковник И.Д. Климов). Всего насчитывалось свыше 600 истребителей, свыше 1 тыс. зенитных орудий, свыше 330 зенитных пулемётов, 124 поста аэростатов заграждения, около 620 зенитных прожекторов и свыше 600 постов ВНОС (воздушные наблюдения, оповещения и связи). ПВО столицы была построена по принципу круговой обороны, её глубина составляла до 250 км. Это позволяло начинать борьбу с самолётами противника на дальних подступах к столице, обеспечивало защиту всего Центрального промышленного района СССР и прикрытие группировок войск фронтов, участвовавших в Московской битве. Вокруг центра города была создана зона аэростатного заграждения радиусом 5–6 км от Кремля.

Пытаясь захватить столицу СССР, враг бросил в «генеральное» наступление на Москву мощную группировку. Предназначенная для выполнения задачи по овладению советской столицей группа армий «Центр» (9, 4 и 2-я полевые армии, 3, 4 и 2-я танковые группы) на 1 октября 1941 г. имела в своем составе 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков, что составляло 42% живой силы, 33% орудий и минометов, 75% танков на советско-германском фронте. Для поддержки наступления на Москву выделялось около 1390 самолетов [1, с. 264].

В составе трех фронтов Западного направления (Западного, Резервного, Брянского), противостоящих вражеской группе армий «Центр», насчитывалось около 1250 тыс. человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков и 677 самолетов. Противник превосходил их в живой силе в 1,4 раза, в артиллерии – в 1,8, в

танках – в 1,7, в самолетах – в 2 раза. На направлениях, где сосредоточивались основные ударные группировки, его численное превосходство было еще более значительным.

Операция «Тайфун» началась 30 сентября переходом в наступление 2-й танковой группы в полосе Брянского фронта. 2 октября в наступление против Западного и Резервного фронтов перешли остальные армии группы армий «Центр». Одновременно начался третий этап воздушной операции против Москвы — возобновились массированные налеты немецко-фашистской авиации на советскую столицу. С 22 июля по 1 октября противник предпринял 36 массированных воздушных налетов на Москву, но все они были успешно отражены Войсками ПВО страны. Из 4212 самолетов, участвовавших в налетах, лишь 120 удалось прорваться к городу. При этом частями ПВО было сбито 200 вражеских машин [2, с. 271].

На протяжении всей битвы под Москвой, продолжавшейся с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г., главная задача Войск ПВО страны заключалась в том, чтобы сорвать воздушную операцию немецко-фашистских ВВС против Москвы и обеспечить нормальную жизнь и деятельность нашей столицы. Наряду с этим они выполняли широкий круг других важных задач: прикрытие с воздуха группировок войск фронтов и их коммуникаций; борьба с танковыми группировками врага; разведка наземного противника и штурмовые действия по его наиболее опасным группам; участие в борьбе за завоевание господства в воздухе и в авиационном обеспечении контрнаступления и общего наступления советских войск под Москвой зимой 1941–1942 гг.; осуществление службы воздушного наблюдения и оповещения.

Противник, перебазировав часть своих ВВС на передовые аэродромы, стал использовать для сопровождения бомбардировщиков истребительную авиацию и начал практиковать дневные налеты на столицу. Кроме того, выделялись специальные группы самолетов для подавления наземных сил ПВО и блокирования аэродромов нашей истребительной авиации. Близость к Москве позволяла врагу проводить по несколько налетов в сутки. Так, например, 25 октября воздушная тревога в городе

объявлялась шесть раз: четыре раза днем и два раза ночью. В течение октября на столицу был предпринят 31 налет (13 налетов днем и 18 ночью), в которых участвовало свыше 2000 самолетов, частями ПВО было сбито 278 самолетов, к городу прорвалось только 72 [3, с. 31].

Несмотря на непрерывно усложнявшуюся обстановку, Войска ПВО страны успешно отражали налеты немецко-фашистской авиации на Москву. На подступах к столице в некоторые дни части ПВО уничтожали по 30–40 самолетов, а 29 октября было сбито 47 вражеских бомбардировщиков. К Москве прорывались лишь отдельные самолеты, которые поспешно сбрасывали бомбы и стремились уйти от города на больших высотах.

Важно отметить, что благодаря поступлению в зенитно-артиллерийские части ПВО Москвы радиолокационных станций орудийной наводки (СОН-2) зенитная артиллерия получила возможность вести прицельный огонь ночью и днем независимо от погоды, что было особенно важно в условиях осени. Это значительно повысило эффективность огня зенитной артиллерии и ее роль в отражении налетов вражеской авиации на столицу.

Наибольшее число налетов на Москву немецко-фашистская авиация совершила в ноябре – 41 налет (17 днем и 24 ночью). Однако количество самолетов, участвовавших в налетах на советскую столицу, по сравнению с октябрём снизилось до 1953. Вражеское командование не имело уже в своем распоряжении достаточных сил для проведения более крупных налетов на город.

За весь период воздушной операции против Москвы (22 июля – 5 декабря 1941 г.) немецко-фашистская авиация предприняла на советскую столицу 122 налета, в них участвовало свыше 8000 самолетов, из которых к городу прорвалось лишь 229 (около 2,8%). За это время части ПВО Москвы уничтожили 952 вражеских самолета и свыше 130 подбили [4, с. 24].

В связи с создавшимся напряженным положением на подступах к Москве Войска ПВО страны отражали налеты не только воздушного противника, но частью сил участвовали в борьбе и с его сухопутными войсками. Так, в период со 2 по 10

октября четыре истребительных авиационных полка 6-го авиакорпуса наносили штурмовые удары по мотомехчастям, прорвавшимся в район г. Белый. 12 октября 1941 г. в части Московской зоны ПВО поступил приказ Ставки, подписанный Верховным Главнокомандующим, которым на все зенитные батареи, расположенные западнее, юго-западнее и южнее столицы, возлагались задачи не только отражения воздушного противника, но и уничтожения прорвавшихся танковых частей и живой силы врага. Во исполнение этого приказа около 50% батарей зенитной артиллерии ПВО Москвы получили задачу вести борьбу с наземным противником. В районах огневых позиций этих подразделений расположились истребительные отряды, предназначенные для уничтожения вражеских танков и пехоты [5, с. 31].

Одновременно из состава зенитной артиллерии 1-го корпуса ПВО для нужд противотанковой обороны Москвы было выделено 211 орудий. Кроме того, в каждой части корпуса создавались специальные отряды истребителей танков, которые не только обеспечивали боевые действия своих подразделений, но также оказывали помощь нашим стрелковым войскам в борьбе с вражескими танками и пехотой. Артиллерийские группы 250-го и 745-го зенитно-артиллерийских полков составляли подвижный противотанковый резерв командира корпуса.

В ходе напряженной борьбы с воздушным и наземным противником продолжала укрепляться и совершенствоваться противовоздушная оборона Москвы. В соответствии с решением Государственного Комитета Обороны от 9 ноября 1941 г. 1-й корпус ПВО был преобразован в Московский корпусной район ПВО.

Особенно важная роль принадлежала Войскам ПВО страны в борьбе с массированными танковыми атаками противника в период его второго, «генерального» наступления на Москву в середине ноября – начале декабря 1941 г. По указанию Ставки ВГК из состава зенитной артиллерии ПВО страны были выделены специальные артиллерийские группы, предназначенные для ликвидации прорвавшихся танковых группировок противника. Одна из таких групп под командованием полковника Д. Ф. Гаркуши в составе трех зенитных артиллерийских дивизио-

нов и одного батальона зенитных пулеметов (64 орудия среднего калибра и 43 зенитных пулемета) действовала на солнечногорско-истринском направлении совместно с 7-й гвардейской и 18-й стрелковыми дивизиями. Другая группа под командованием майора С.Л. Спиридонова действовала на рогачевском направлении совместно с 133-й и 126-й стрелковыми дивизиями. В результате умелых и героических действий личного состава этих групп были ликвидированы опасные прорывы танковых группировок врага в районах Клин, Белый Раст и между каналом Москва – Волга и Клязьминским водохранилищем. При этом с 24 ноября по 1 декабря батареями данных групп было уничтожено более 30 танков, несколько самолетов, 4 минометные батареи, 12 пулеметных точек и до полка вражеской пехоты [6, с. 31].

Успешно вела борьбу с наступающим врагом и истребительная авиация ПВО Москвы. Части 6-го истребительного авиакорпуса широко привлекались для ведения воздушной разведки и штурмовых действий по войскам и аэродромам противника. Учитывая, что наступление вражеских войск развивалось главным образом вдоль дорог, командование корпуса на каждую из магистралей, по которым мог двигаться противник, выделило по одному авиационному полку. А командиры полков, в свою очередь, закрепили все дороги и участки за эскадрильями, за каждым звеном и летчиком. Непрерывно в течение восьми суток (со 2 по 10 октября) его авиационные полки во взаимодействии с бомбардировочной и штурмовой авиацией Западного фронта наносили удары по мотомехчастям противника, совершая по 400–500 самолетовылетов в сутки. За короткий срок части истребительной авиации ПВО Москвы уничтожили и подбили 120 танков и до 70 самолетов. Это значительно ослабило войска противника, замедлив их продвижение по направлению к Москве [7, с. 83].

Наиболее значительные штурмовые действия истребителей 6-го истребительного авиакорпуса были во второй половине ноября 1941 г. при уничтожении вражеской группировки в районе Клина, Тургинова. Только в период с 28 по 30 ноября части корпуса произвели для этой цели 370 самолетовылетов, штурмовали мотомехчасти, наступающие от Солнечногорска на Литви-

нове, и уничтожили 77 танков, 263 машины, много другой техники и живой силы противника.

А всего за оборонительный период битвы под Москвой частями противовоздушной обороны страны было уничтожено: танков – 343, автомобилей – свыше 3000, артиллерийских батарей – 49, рассеяно и уничтожено свыше 40 тыс. пехоты противника [8, с. 59–60].

Большие потери, которые понесли ВВС противника от ПВО при налетах на Москву, и наличие здесь крупных сил истребительной авиации ПВО (в составе 6-го авиакорпуса насчитывалось около 700 самолетов) в значительной мере способствовали тому, что Советские Военно-воздушные силы в начале декабря 1941 г. впервые завоевали оперативное господство в воздухе на Западном направлении. А это было весьма важно, так как облегчало прикрытие войск фронтов и их тылов от ударов с воздуха и, следовательно, обеспечивало успех в оборонительных операциях и в ходе контрнаступления.

При подготовке контрнаступления под Москвой Ставка ВГК поставила Войскам противовоздушной обороны страны задачу: надежно прикрывать районы сосредоточения резервов, не допускать к ним не только бомбардировщиков, но и вражеских самолетов-разведчиков. И эта ответственная задача была выполнена. Контрнаступление советских войск, начавшееся 5–6 декабря, явилось для противника полной неожиданностью.

С началом контрнаступления советских войск под Москвой войска Московского корпусного района ПВО и 6-го истребительного авиакорпуса надежно прикрывали тылы Западного фронта и его армий, кроме того, уничтожали живую силу и огневые средства противника, а также наращивали систему ПВО на освобождаемой от врага территории. Чтобы не допустить разрыва между ПВО фронтов и системой противовоздушной обороны страны, части Московского корпусного района ПВО двигались вслед за войсками фронтов и незамедлительно занимали огневые позиции, оборудовали наблюдательные посты и прожекторные точки в освобожденных районах.

Наиболее крупные штурмовые действия частями 6-го истребительного авиакорпуса были осуществлены в самом начале

контрнаступления. В период с 4 по 7 декабря части наносили массированные удары с воздуха по вражеским войскам в районе Красной Поляны, Белого Раста, Каменки, Кочергина. За это время только для штурмовых действий корпус произвел до 700 самолетовылетов. Было повреждено и уничтожено 63 танка, 519 автомашин, 71 фургон с пехотой, 6 цистерн, подавлено 43 зенитно-пулеметных и 19 зенитно-артиллерийских точек, рассеяно несколько тысяч пехоты.

Переход Советской Армии в общее наступление существенно повлиял на характер действий германских ВВС. В январе 1942 г. вражеская авиация сделала лишь несколько попыток произвести налет на Москву, которые были успешно отражены. За первые три месяца 1942 г. в границах Московского корпусного района ПВО было отмечено 1100 полетов самолетов противника. Все попытки фашистской авиации прорваться к Москве потерпели провал, частями ПВО было уничтожено 155 вражеских самолетов [9, с. 92].

В течение всей битвы под Москвой, особенно в оборонительный ее период, большую роль играла служба ВНОС ПВО Москвы. В результате глубоких прорывов и быстрого продвижения немецко-фашистских войск оказалась полностью нарушенной войсковая служба ВНОС фронтов. В такой обстановке на службу ВНОС противовоздушной обороны полностью легла задача по своевременному оповещению о налетах воздушного противника не только сил ПВО, Генерального штаба и правительственных органов, но и частей, соединений и штабов всех видов вооруженных сил. Трудно переоценить ее роль также и в информации о действиях наземного противника. В сложившейся сложной обстановке осенью 1941 г. донесения вносовцев из районов Вязьмы, Гжатска, Белева, Волоколамска, Калуги, Калинина, Малоярославца, Серпухова и других мест, ставших ареной ожесточенных боев, широко использовались службой информации штабов фронтов, которые докладывали в Генеральный штаб и в Ставку Верховного Главнокомандования о положении линии фронта и направлениях движения ударных группировок противника.

С приближением противника к Москве перед службой ВНОС возникло много новых трудностей. Прежде всего, непрерывно сокращалось количество наблюдательных постов, которые приходилось снимать и отводить на восток. Так, с 4 октября по 5 декабря 1941 г. пришлось снять 357 постов, что составляло более половины всех имевшихся (702). В результате этого возможности службы ВНОС значительно сократились. Только наличие в системе ПВО Москвы радиолокационных станций и умелое их использование позволяли своевременно обнаруживать воздушного противника и обеспечивать оповещение сил ПВО, войск, штабов и объектов.

Итак, части и соединения Войск ПВО страны, принимавшие участие в битве под Москвой, благодаря мастерству и героизму воинов со своими задачами справились успешно. Противовоздушная оборона Москвы оказалась непреодолимой для немецко-фашистской авиации. Основным итогом боевой деятельности Войск ПВО страны в битве под Москвой было то, что они во взаимодействии с ВВС и войсковой системой ПВО фронтов сорвали воздушное наступление противника против нашей столицы, обеспечили нормальную ее жизнь и деятельность. Москва, находившаяся в прифронтовой зоне, являлась единственной из столиц, которая во время второй мировой войны не понесла существенного ущерба и значительных человеческих жертв от налетов вражеской авиации. Это служит важнейшим и самым убедительным показателем эффективности ПВО Москвы. Важную роль в защите Москвы сыграли формирования МПВО, которые не допустили возникновения массовых пожаров. Из 45 тыс. очагов пожаров, возникших в черте города при вражеских налетах в 1941–1942 гг., 43,5 тыс. были ликвидированы немедленно личным составом частей МПВО и усилиями трудящихся Москвы [10, с. 93].

Опыт противовоздушной обороны Москвы подтвердил жизненность основных положений советской военной теории об организации ПВО крупных центров и промышленных районов тыла страны. Массирование сил и средств ПВО, создание глубоко эшелонированной зональной обороны, основанной на тесном

взаимодействии всех родов сил ПВО при централизованном управлении ими, полностью себя оправдало.

В срыве воздушной операции противника против Москвы большую роль сыграло централизованное управление основными силами ПВО с КП командира 1-го корпуса ПВО. В этих условиях боевые действия войск Московской зоны ПВО против немецко-фашистской авиации вылились в ряд взаимосвязанных общим замыслом боев и сражений, непрерывно продолжавшихся в течение нескольких месяцев, в которых приняли участие крупные силы истребительной авиации, зенитной артиллерии и других средств ПВО. По своему масштабу, содержанию, достигнутым результатам и количеству участвовавших войск эти боевые действия приобрели характер противовоздушной операции [1, с. 232]. Материальной базой для ведения такой операции явилась зональная система ПВО Москвы.

Примечания

1. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР [Текст]. – М., 1967.
2. Там же.
3. Военно-исторический журнал [Текст]. – 1968. – № 3.
4. История второй мировой войны 1939–1945 [Текст]. – М., 1975. – Т. 4.
5. Военно-исторический журнал [Текст]. – 1968. – № 3.
6. Там же.
7. Войска противовоздушной обороны страны [Текст]. – М., 1968.
8. Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Текст]. – М., 1968.
9. История второй мировой войны 1939–1945 [Текст]. Т. 4. – М., 1975.
10. Там же.
11. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 [Текст]. – М., 1963. Т. 2.
12. Военный энциклопедический словарь [Текст]. – М., 2007.

Вклад инженерных войск в разгром немецко-фашистских войск под Москвой

Одним из крупнейших событий второй мировой войны является битва под Москвой, которая началась в конце сентября 1941 г. Она продолжалась более полугода и включала в себя ряд оборонительных и наступательных операций, проведенных советскими войсками. Количество инженерных частей, участвовавших в битве под Москвой, постепенно возрастало и к концу января 1942 г. выросло в три с лишним раза. Стрелковые дивизии к этому времени имели в своем составе штатные саперные подразделения. К концу 1941 г. в войска стали поступать изготовленные уже в период войны инженерная техника и минно-подрывные средства. Однако средств инженерного вооружения катастрофически не хватало, так как поступали они сравнительно в небольших количествах.

18 июля 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о строительстве оборонительных рубежей для прикрытия подступов к столице нашей Родины – Москве. Одной из важных задач было создание оборонительных рубежей на волоколамском, можайском и малоярославском направлениях. Каждый рубеж или полоса обороны должны были включать в себя систему батальонных районов обороны, огневые точки и позиции, а также заграждения и пункты управления. Но инженерными частями, необходимыми для строительства оборонительных рубежей, ни Резервный фронт, ни Ставка Верховного Главнокомандования в то время не располагали. Так, в составе группы резервных армий из числа инженерных частей армейского и фронтового подчинения имелся только один 538-й минно-саперный батальон, а в резерве Ставки их не было вообще. Поэтому для выполнения работ и их материального обеспечения

постановлением ГКО были привлечены строительные организации некоторых наркоматов (Главгидрострой, Управление строительством Дворца Совета, Академстрой, трест «Строитель», строительный трест НКВД и др.). Кроме того, по решению Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся на строительство оборонительных сооружений было мобилизовано 450 тыс. жителей столицы, в том числе 50 тыс. студентов. Среди мобилизованных 75 % составляли женщины.

Кроме Вяземской, Можайской линий и Московской зоны обороны войска Западного, Резервного и Брянского фронтов совершенствовали в инженерном отношении оборону на рубеже соприкосновения с противником.

В целом возведенные укрепления оказали существенную помощь советским войскам, когда в октябре – ноябре 1941 г. развернулись ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками на подступах к Москве.

Второй важной задачей инженерных войск как в период подготовки обороны, так и в ходе ее ведения было создание заграждений всех видов. Кроме минно-взрывных противотанковых и противопехотных заграждений, были применены и электризуемые заграждения. С помощью системы электропередач и подстанций вся энергетическая мощь Мосэнерго ставилась на службу защиты подмосковных рубежей от гитлеровских захватчиков. В августе была организована подготовка водных заграждений. На Волге, в верхнем течении Днепра, на Протве, Гжати, Угре и других реках было построено тринадцать плотин. Работы выполнялись силами местного населения и организациями Главгидростроя под руководством группы специалистов из числа профессорско-преподавательского состава Военно-инженерной академии. Большое внимание было уделено устройству заграждений на дорогах, ведущих к Москве. Для этого из слушателей Военно-инженерной академии и курсантов Московского военно-инженерного училища было сформировано 10 отрядов заграждений по 50 человек в каждом. Отрядами заграждений были подготовлены к подрыву важнейшие сооружения на основных дорогах, установлены фугасы на перекрестках дорог и в труднопроходимых местах, заминированы вероятные пути движения

вражеских колонн. Для этого было использовано свыше 23,5 тыс. противотанковых мин и большое количество взрывчатых веществ.

В ходе оборонительных операций инженерные части Западного, Резервного и Брянского фронтов принимали активное участие в боевых действиях по срыву танковых атак противника. Так, 25 октября в районе Спас-Рюховского (12 км южнее Волоколамска) 289-й противотанковый артиллерийский полк, 579-й отдельный саперный батальон и рота 42-го отдельного моторизованного инженерного батальона успешно отразили массированную танковую атаку врага. Саперы имели подвижный запас мин и, взаимодействуя с противотанковым артиллерийским полком, устанавливали их на направлениях движения танков противника. В результате успешных действий артиллеристов и саперов было уничтожено 59 танков врага. А 246-й отдельный саперный батальон, действуя в подвижном отряде заграждений фронта, передвигаясь на 14 автомашинах, взаимодействуя с артиллерийскими частями, способствовал нанесению потерь ударным группировкам противника и срыву его атак.

Неожиданностью для противника в ходе ведения оборонительных боев было применение мин и фугасов замедленного действия и управляемых по радио. В октябре 1941 г. в тылу противника было взорвано несколько хорошо охраняемых мостов и других важных объектов.

В процессе совершенствования обороны на московском направлении особое внимание было обращено на дальнейшее усиление противотанковой обороны. В силу недостатка минно-взрывных средств возникла необходимость более широкого возведения противотанковых рвов, эскарпов и контрэскарпов, лесных и минированных завалов, противотанковых ежей и надолбов. Непрерывные контратаки наших войск, а также возведенные противотанковые заграждения, сплошные разрушения на дорогах и минные поля резко снизили темпы продвижения танков противника. В начале декабря наши войска остановили наступление немецко-фашистских армий, а затем перешли в решительное контрнаступление.

Большую роль в срыве наступления противника и в изматывании его ударных группировок сыграли две оперативно-инженерные группы по устройству заграждений, которые были созданы 17 ноября 1941 г. по решению Ставки Верховного Главнокомандования. Одной из них командовал генерал-майор инженерных войск И.П. Галицкий. В ее состав входили шесть инженерных и саперных батальонов, две саперные роты и два мотострелковых батальона. Прикрывая заграждениями клинское направление, группа должна была производить разрушения в случае вынужденного отхода войск на правом фланге Западного фронта. Только за вторую половину ноября группой оперативных заграждений было взорвано и сожжено 310 мостов, устроено около 400 завалов на дорогах, установлено более 53 тыс. различных мин и фугасов, в том числе управляемых по проводам, взорвано 500 дорожных фугасов. Действия группы оперативных заграждений замедляли темпы продвижения противника, вынуждали его танки маневрировать вдоль фронта и подставлять свои борта под огонь нашей противотанковой артиллерии. На минах, установленных этой группой, подорвалось 408 автомобилей и бронетранспортеров и 43 танка противника [1].

На стыке Западного и Юго-Западного фронтов успешно действовала вторая оперативная группа заграждений под командованием генерал-майора инженерных войск В.Ф. Зотова. В ее состав входили 9 инженерных батальонов. Эта группа действовала в районах Каширы, Рязань, Рязани и установила свыше 100 минных полей.

Анализируя опыт применения инженерных заграждений в обороне под Москвой, командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков в донесении Председателю Государственного Комитета Обороны 8 декабря 1941 г. писал: «Применение противотанковых мин дает все больший эффект. Если за ноябрь месяц с. г., по неполным данным, было подорвано на минах 29 танков и 1 бронемашин, то в период с 1 по 4.12.41 г. только в двух армиях, 5-й и 33-й, подорвалось 17 танков и 2 бронемашин. Это объясняется прежде всего тем, что в последних боях значительно улучшилось взаимодействие с саперными частями на поле боя. Подразделения саперов-истребителей с противотан-

ковыми минами выдвигались на направление движения танков и устанавливали быстро мины иногда в непосредственной близости от танков противника. В бою у деревни Акулово заградительным огнем артиллерии танки были загнаны на минные поля, где и понесли большие потери. Приняты меры к распространению этого опыта взаимодействия во всех армиях фронта» [2].

Все инженерные части и подразделения – войсковые, армейские и фронтовые – широко применялись в оборонительных операциях под Москвой. Они строили оборонительные сооружения полевого и долговременного типа, выделяли из своего состава руководителей и инструкторов на оборонительные работы, к которым привлекались стрелковые войска и гражданское население, ремонтировали и прокладывали дороги, а при вынужденном отходе войск разрушали их. Инженерные войска активно вели борьбу с танками противника и обеспечивали борьбу с ними других войск. С этой целью они широко осуществляли маневр средствами заграждения, минировали местность, действовали в группах истребителей танков, проявляя при этом мастерство, стойкость, самоотверженность и мужество.

Примером этому может служить бессмертный подвиг одиннадцати саперов 1077-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии. 18 ноября 1941 г. батальон пехоты противника с двадцатью танками подошел к деревне Строково в 7,5 км севернее Волоколамска, где находился штаб полка. В распоряжении командира полка в этот момент был только взвод саперов, которому и была поставлена задача – занять оборону и не пропустить вражеские танки. Саперы под руководством младшего лейтенанта П.И. Фирстова бутылками с горючей смесью и гранатами уничтожили несколько вражеских танков и десятки гитлеровцев, на некоторое время задержали врага и дали возможность нашим войскам организованно отойти на новый рубеж. Из одиннадцати саперов погибли восемь, а младшего лейтенанта П.И. Фирстова и двух саперов, тяжело раненных, гитлеровцы взяли в плен и зверски замучили. Все одиннадцать отважных воинов были посмертно награждены орденом Ленина.

В ходе контрнаступления под Москвой основными задачами инженерных войск были следующие: обеспечение про-

рыва обороны противника и продвижения наступающих войск в оперативной глубине; отражение контратак и контрударов противника, закрепление достигнутых рубежей; разрушение коммуникаций в тылу противника; выполнение маскировочных мероприятий; участие в штурме сильных укреплений и опорных пунктов противника, устройство и содержание путей подвоза и эвакуации и др.

К этому времени в составе инженерных войск армейского и фронтового подчинения находилось 44 батальона: 19 инженерных, 19 саперных и 6 понтонных батальонов, в состав стрелковых полков и бригад были введены саперные роты, а в каждой стрелковой дивизии находился саперный батальон. В составе Западного фронта была 1-я саперная армия, имевшая 10 бригад по 8 батальонов в каждой.

Обеспечивая наступление войск правого фланга Западного фронта, саперы в декабре 1941 г. строили ледяные и мостовые переправы через канал Москва – Волга, участвовали в штурме огневых точек противника, делали проходы в его минно-взрывных заграждениях, прикрывали минными полями фланги наступающих войск. Так, при уничтожении опорного пункта противника в Крюково 7–8 декабря 1941 г. саперы 2-го гвардейского отдельного саперного батальона 8-й гвардейской стрелковой дивизии и саперной роты 17-й стрелковой бригады показали замечательные образцы мужества и находчивости. В этом бою они не только обеспечили проходами в заграждениях противника атакующие части, но и сами активно участвовали в уничтожении отдельных огневых точек врага. Двигаясь по ходам сообщения, отрытым в снегу, они скрытно подползали к вражеским танкам и взрывали их зарядами ВВ.

С началом отхода противник стал широко применять минно-взрывные заграждения и производить разрушения. Поэтому в ряде случаев саперам приходилось идти впереди наступающих танков, производя разведку и снимая мины. Так, на левом фланге Западного фронта при обеспечении ночного штурма города Михайлова 7 декабря 1941 г. саперы 607-го отдельного саперного батальона в течение нескольких часов сняли свыше 830 мин. В последующем, благодаря героическим

усилиям 103-го отдельного инженерного батальона и 269-го отдельного саперного батальона войска 49-й армии без задержек переправились через реки Протва и Ока. В результате чего создались благоприятные условия для стремительного преследования и овладения с ходу крупным узлом дорог, областным центром – городом Калугой. В ходе боев за Калугу 20–30 декабря 1941 г. саперы 557-го саперного батальона, обеспечивая преследование противника, в течение трех дней проложили 140 км колонного пути, построили и восстановили шесть мостов. С захватом нашими войсками Калуги, создавая завалы и минировав дороги, 557-й саперный батальон содействовал срыву контратак противника, что лишило его возможности вывести из Калуги военное имущество. Противник вынужден был бросить в Калуге несколько железнодорожных эшелонов, в том числе два эшелона с танками.

На Калининском фронте, обеспечивая наступление соединений 31-й и 29-й армий, 57-й отдельный понтонно-мостовой батальон осуществил переправу танков КВ на правый берег Волги под Калинином. Им пришлось подорвать лед и в образовавшейся майне навести переправу, так как замерзшая река не выдержала бы тяжелых машин, а сплошной лед делал невозможным наводку наплавного моста [3].

В ходе общего наступления характер задач, которые решали инженерные войска, был такой же, как и в период контрнаступления. В январе – марте 1942 г. инженерные войска Западного фронта устроили 58 переправ по льду, проложили 5387 км колонных путей, построили 118 низководных деревянных мостов, обезвредили и сняли 21644 мины противника [4].

Таким образом, инженерные войска внесли большой вклад в дело разгрома фашистских армий в битве под Москвой и в общее наступление наших войск на Западном направлении. В ходе сражений с новой силой проявился массовый героизм воинов-саперов. Сотни бойцов и командиров инженерных войск были награждены орденами и медалями. В боях отличались не только отдельные воины, но и целые части. 11-ти са-

перным батальонам и другим специальным инженерным частям было присвоено почетное наименование гвардейских.

За образцовое выполнение заданий правительства по строительству укрепленных рубежей против фашистских захватчиков Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1942 г. орденами и медалями Советского Союза награждены 926 человек, в том числе орденом Ленина – 9, Красного Знамени – 10, Трудового Красного Знамени – 76, Красной Звезды – 63 и «Знаком почета» – 196 человек. Среди награжденных орденом Ленина – начальник инженерных войск Красной Армии генерал-майор инженерных войск Л.З. Котляр, орденом Красного Знамени – командующий 5-й саперной армией бригадир инженер А.Н. Комаровский и другие [5].

Опыт инженерного обеспечения битвы под Москвой и боевого применения инженерных войск явился важным источником дальнейшего развития военно-инженерного искусства. Опыты применения инженерных заграждений и оперативных групп заграждений были использованы и развиты в дальнейшем ходе Великой Отечественной войны.

Примечания

1. См.: Беспримерный подвиг [Текст] // Материалы научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. – М., 1968. – С. 175.
2. ЦАМО РФ. – Ф. 208. – Оп. 7034. – Д. 3. – Л. 183.
3. ЦАМО РФ. – Ф. 69. – Оп. 14065. – Д. 29. – ЛЛ. 179, 183.
4. Цирлин, А.Д. Советские инженерные войска [Текст]. – М., 1965. – С. 24.
5. См.: Красная Звезда. – 22 февраля 1942 г.

**Подготовка к партизанской войне
в Ярославской области в 1941 г.**

Просчеты высшего советского руководства в оценке военных планов Германии и обороноспособности страны в 1941 г. привели к тому, что враг стал быстро продвигаться в глубь территории СССР. В создавшихся условиях действия советских патриотов в тылу немецко-фашистских войск, начавшиеся с первых дней войны, стали важной частью борьбы с агрессором. В директиве СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. были сформулированы общие задачи и определены формы организации партизанских сил, средств и способы действий против захватчиков.

18 июля 1941 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу врага», в котором более подробно определялись конкретные задачи партизанского и подпольного движения, указывались способы их решения. Это была настоящая программа действий, но, анализируя текст документа, кроме положительных моментов необходимо отметить следующее.

Во-первых, постановление запоздало по времени, враг уже оккупировал значительную часть территории страны.

Во-вторых, в организации вооруженной борьбы в тылу врага помимо партийных и советских органов фактически участвовали органы госбезопасности и внутренних дел, а также Красная Армия. Между ними не был определен механизм взаимодействия, что привело к параллелизму в работе. ВКП(б) как правящая партия имела возможность и была обязана почти через месяц после начала войны четко распределить функции всех участников.

В-третьих, была проявлена некомпетентность в вопросах организации сопротивления на захваченной территории. Факти-

чески были свалены в одну кучу три составляющие: вооруженная борьба, проведение специальных операций и агитационно-массовая работа. Руководить всем этим должны были неподготовленные партийные функционеры. Руководство ВКП(б) переоценило свои возможности и недооценило фашистские специальные службы и карательные органы, которые заблаговременно подготовились к осуществлению мер по противодействию сопротивлению на захваченной территории.

Ими были разработаны меры по усилению контрразведки и политического сыска, полицейских и других карательных органов, действовавших на временно захваченной территории СССР, по установлению там жестокого оккупационного режима и проведению карательных акций против партизан. В этих условиях ставить задачи партийным органам, которые не имели соответствующих знаний и опыта, по непосредственной организации «подпольных коммунистических ячеек», боевых дружин и диверсионных групп в тылу противника было ошибочно. Не очень удачной оказалась и попытка Главного политического управления РККА (директива членам военных советов по организации партизанской войны от 16 июля 1941 г.) внести свой вклад в организацию партизанского движения.

Решающая роль в организации и становлении партизанского движения принадлежит органам НКВД. Для организации партизанской войны, создания агентурной сети на территориях, временно захваченных фашистскими войсками, в первых числах июля 1941 г. в НКВД СССР была создана Особая группа, подчиненная непосредственно наркому. В октябре 1941 г. Особая группа была реорганизована во 2-й отдел НКВД, также подчиненный непосредственно наркому, а в январе 1942 г. на его основе было сформировано 4-е Управление НКВД СССР. Начальником Особой группы был назначен старший майор государственной безопасности П.А. Судоплатов, который работал на направлении зафронтовой работы до конца войны. Чекисты располагали необходимыми силами и средствами для организации эффективной борьбы с противником на оккупированной территории.

Первоначально этой работой занимались отдельно органы государственной безопасности и внутренних дел. Они координировали свою работу, но некоторая разобщенность существовала. 20 июля произошло объединение НКГБ СССР и НКВД СССР в единый наркомат. Это позволило соединить усилия разных ведомств, в том числе и в работе на оккупированной территории. 25 августа 1941 года был сделан еще один важный шаг. Было принято решение о реорганизации оперативных групп УНКВД прифронтовых областей и областей, объявленных на военном положении (в том числе Ярославской), в 4-е отделы. Согласно приказу НКВД СССР № 001151 начальником 4-го отдела УНКВД Ярославской области был назначен заместитель начальника управления Н.А. Крима. Затем его сменил Н.С. Шалегин. Среди задач, поставленных перед 4-ми отделами, были повседневное руководство организацией истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп и их боевой деятельностью, организация связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника, организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп, разведка тыла противника и мест переправы партизанских отрядов, обеспечение партизанских формирований оружием, боеприпасами, техникой, продовольствием и одеждой.

Структура 4-х отделов, в том числе Ярославского УНКВД, включала руководство, секретариат и шесть отделений. Основные функции отделений были распределены следующим образом: 1-е отделение отвечало за руководство деятельностью истребительных батальонов; 2-е – за руководство партизанскими формированиями; 3-е – за проведение разведки на оккупированной территории; 4-е – за организацию связи; 5-е – за боевую подготовку; 6-е отделение – за материально-техническое обеспечение.

В октябре 1941 г. появилась угроза оккупации Ярославской области. Началась практическая работа по подготовке к борьбе в этих условиях. Следует сразу отметить, что органам

НКВД Ярославской области удалось избежать многих ошибок, используя опыт, накопленный к этому времени западными управлениями, в том числе Калининским. Точкой отсчета в начале активной подготовки к сопротивлению можно считать 4 октября 1941 г. В этот день заместитель начальника Управления НКВД Ярославской области Крима и начальник транспортного отдела НКВД Ярославской железной дороги Журавлев подписали директиву №2-52/011, разосланную всем начальникам городских и районных отделов УНКВД Ярославской области и начальникам отделений транспортного отдела НКВД Ярославской железной дороги. В ней говорилось, что «одной из важнейших и неотложных политических задач органов НКВД в настоящий момент является заблаговременная подготовка кадров к борьбе в тылу с противником методами партизанской борьбы и диверсии. Для этого необходимо сейчас же на территории районов области приступить к созданию партизанских отрядов и диверсионных групп» [1].

Партизанским отрядам и диверсионным группам, действовавшим на территории, оккупированной противником, ставилась основная задача по воспрепятствованию передвижению и перевозкам войск, боевой техники и военных грузов противника, срыву работы промышленных предприятий (заводы, фабрики, электростанции и т.п.) и вывоза из пределов области продукции промышленности, топлива и продовольствия. В первую очередь это должно быть осуществлено в наиболее широких размерах на железных и шоссейных дорогах. Для этого дороги должны быть поделены на участки протяженностью 20–25 км, и, соответственно, им следовало организовывать партизанские отряды и диверсионные группы, которые должны дезорганизовать на них движение. Ставились задачи по диверсиям на аэродромах, промышленных предприятиях, электростанциях, топливных базах.

Изучавшие становление партизанского движения на материалах Украины А.С. Чайковский и на примере Белоруссии С.М. Симонов отмечали, что отрицательную роль сыграли в первые недели и месяцы войны ошибки в комплектовании отрядов, когда в них направлялись неподготовленные, а иногда и не желавшие воевать лица. Ярославским управлением эти ошибки

были учтены, и в приказе определен порядок формирования партизанских отрядов и диверсионных групп из наиболее надежных бойцов истребительных батальонов и местных жителей.

Для срыва работы железнодорожных узлов и промышленных предприятий предлагалось создать диверсионные группы на наиболее важных железнодорожных узлах и станциях. «Насажение диверсионных групп на железнодорожных узлах и станциях проводят непосредственно транспортные органы НКВД в тесном контакте с территориальными органами НКВД. Кроме этого, диверсионные группы следует создавать и в других пунктах, исходя из конкретной обстановки» [2].

Ввиду того, что пребывание мужского населения на территории, занятой противником, связано с прохождением учета, регистрации, проверок, предлагалось по возможности комплектовать диверсионные группы не только мужчинами, но и женщинами.

Особенно тщательно подходили к подбору руководителей диверсионных групп и партизанских отрядов. Руководителям партизанских отрядов и диверсионных групп следовало пройти краткосрочные курсы при УНКВД Ярославской области с тем расчетом, чтобы они впоследствии смогли обеспечить руководство боевой деятельностью последних.

Для обеспечения боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп начальники районных и дорожно-транспортных отделов должны были разработать планы мероприятий, в которых следовало предусмотреть создание скрытых баз вооружения, боеприпасов, взрывчатых веществ, продовольствия и одежды. Базы должны были закладываться рассредоточенно по каждому отдельному виду снабжения и в укрытых местах. О местах расположения баз должны знать только руководители партизанских отрядов и диверсионных групп, после того как они пройдут краткосрочные курсы при УНКВД.

Особое внимание уделялось разработке вопросов связи и укрытия партизанских отрядов и диверсионных групп в любых условиях времени года. Связь партизанских отрядов и диверсионных групп заблаговременно организовывалась с командованием частей Красной Армии и оперативным штабом органов

НКВД. Предусматривалось применять радиосвязь и использовать связников.

Работу по созданию партизанских отрядов требовалось проводить в тесном контакте с первыми секретарями горкомов и райкомов ВКП(б) [3].

Разработанные оперативные мероприятия в соответствии с указаниями, списки партизанских отрядов и диверсионных групп нужно было выслать в 4-й отдел УНКВД Ярославской области к 15 октября 1941 г.

14 октября 1941 г. от начальников городских и районных отделов НКВД начали поступать доклады о проделанной работе. В качестве примера приведем разработанные начальником Нагорьевского районного отделения НКВД ст. лейтенантом государственной безопасности Лыковым оперативные мероприятия по обеспечению боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп и согласованный с секретарем Нагорьевского РК ВКП(б) Кочуровым «Список выделенных руководителей партизанских отрядов и диверсионных групп по Нагорьевскому району Яробласти» [4].

Для борьбы с противником на территории Нагорьевского района были созданы два партизанских отряда и три диверсионные группы. Отмечалось, что «состав партизанских отрядов и диверсионных групп подобран из наиболее преданных ВКП(б) и Сов. власти людей из числа партийно-советского актива, колхозников <...> физически здоровых и хорошо знающих условия района, так как большинство состава являются местными уроженцами, а остальная часть состава работает в районе от 3 лет и больше...» [5].

Всего на территории Ярославской области планировалось создать 45 партизанских отрядов численностью от 25 до 35 человек в каждом. На 1 ноября 1941 г. было создано 20 партизанских отрядов в 15 районах области. В 28 районах был закончен отбор руководящего состава партизанских отрядов: начальник отряда, комиссар отряда и начальник штаба. Весь руководящий состав этих партизанских отрядов был утвержден бюро обкома ВКП(б) [6].

20 ноября 1941 г. начальник Управления НКВД Ярославской области майор государственной безопасности Губин докладывал Народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берии, что в 28 районах Ярославской области создано 35 партизанских отрядов [7].

К 1 ноября 1941 г. для партизанских отрядов были определены районы деятельности и места их укрытия, приступили к постройке в лесных массивах оборудованных землянок для укрытия партизан в зимнее время. Во всех районах области были подобраны места для создания продовольственных, вещевых баз и баз хранения вооружения, а в 20 районах приступили к практической закладке этих баз [8]. 20 ноября 1941 г. к закладке приступили уже в 28 районах Ярославской области [9].

Докладывая в ноябре 1941 г. план мероприятий Переславского РО НКВД по борьбе с противником в случае оккупации им района, начальник РО мл. лейтенант госбезопасности Шалашов сообщал, что для вооруженной борьбы в тылу противника сформировался партизанский отряд численностью 35 человек. «Руководитель партизанского отряда Оболонков – начальник пожарной охраны Берендеевского торфопредприятия. Комиссар партизанского отряда Степанов – нач. пожарной охраны при поселке Берендеево. Начальник штаба партизанского отряда Михайлов – нач. вахтерской охраны при фабрике «Новый мир», он же инструктор истребительного батальона. Состав партизанского отряда совместно с первым секретарем РК ВКП(б) подобран, персональные беседы с каждым человеком проведены. Подобранный состав окончательно закреплен» [10].

Был определен район укрытия партизанского отряда. Для того чтобы партизанский отряд мог с первых дней существования вести вооруженную борьбу с противником, в лесу заблаговременно создали базу с оружием. Туда из числа имеющегося в РО НКВД оружия и боеприпасов завезли 40 винтовок, 5 револьверов «Наган», 50 гранат, патронов к винтовке – 2000 шт. и револьверу – 125 шт., 60 бутылок с зажигательной смесью. Перечисленное оружие зарыли в лесу. Кроме этого, спрятали 45 пар лыж, чайники, кружки, топоры, пилы, по 45 комплектов разного белья, полотенца. Подготовили к заброске продукты: 20 мешков

сухарей, сливочное масло, чай, соль, спички, мыло. Планом предусматривалось, что «в случае приближения противника к Переславскому району партизанский отряд группами в 3-4 человека уходит к месту укрытия. Для поддержания связи между партизанским отрядом и частями Красной Армии при партизанском отряде из числа проверенных партизан организовали группу связистов» [11].

В ноябре 1941 г. в Ярославле и 20-ти западных и прилегающих к железнодорожным и шоссейным путям сообщения районах области формировались специальные разведывательные, диверсионно-террористические группы. Перед ними ставились задачи проникновения в разведывательные и административные органы противника, выявления предателей, совершения диверсионных и террористических актов.

В докладе на имя Народного комиссара внутренних дел СССР указано, что в Ярославле на 15-е ноября 1941 года были включены в работу 24 группы в составе 187 человек, из них – 16 диверсионно-террористических групп, которые будут выполнять и разведывательную работу, и 8 глубоко законспирированных групп чисто разведывательного характера [12].

Для каждой группы в соответствии с характером решаемых задач были заложены тайники с оружием, боеприпасами, отравляющими веществами, медикаментами и продовольственными базами. Например, для диверсионно-террористической группы «Шилова» предназначалось 5 пистолетов и 500 патронов, 200 кг взрывчатых веществ, 150 гранат, 100 зажигательных бутылок, медикаменты, продовольствие. Всего в Ярославле планировалось создать 45 тайников с оружием и продовольственных баз.

Оставляемые в тылу лица обеспечивались комплектами документов. В районах Ярославской области к 1 ноября 1941 г. были подготовлены 42 разведывательные и диверсионные группы с участием 256 человек. Особое внимание было уделено крупным городам и железнодорожным узлам: Костроме, Рыбинску, Данилову, Ростову, Бую. Кроме этого, оперативно-чекистским отделом ВОЛГОЛАГА на Рыбинском, Угличском и Шекснинском гидроузлах подготавливалось 5 разведывательно-диверсионных групп [13]. Для лиц, отобранных в такие группы,

были созданы курсы для дополнительного обучения диверсионной деятельности. Первый выпуск (35 человек) состоялся 22 ноября 1941 г.

Кроме этого, в колониях и лагерях были отобраны 74 человека, которых планировалось включить в диверсионные и террористические группы. Одним из примеров такой работы может служить документ, направленный в декабре 1941 года начальником Ярославского УНКВД майором Губиным в адрес заместителей Народного комиссара внутренних дел СССР Кобулова и Меркулова, в котором говорилось: «На случай временного оставления территории Ярославской области для организации боевых террористических групп в тылу противника нами из числа заключенных Волголага, подавших ходатайство об отправке их на фронт борьбы с фашистскими захватчиками, отобрано 65 человек <...> установлено, что отобранные лица вполне подходят для указанной работы в тылу противника и полны решимости вести любыми методами борьбу с фашистскими захватчиками. Использование их мыслится созданием боевых террористических групп в городах: Ярославль, Рыбинск и Кострома» [14]. На отобранных для работы в тылу врага заключенных были составлены персональные справки, которые с просьбой санкционировать их освобождение из-под стражи также были направлены в адрес Кобулова и Меркулова.

В первые месяцы войны партизаны оставались или направлялись в тыл врага практически необученными. В дальнейшем положение стало меняться. Активно проходила учеба в Ярославской области. При УНКВД ЯО были открыты специальные десятидневные курсы по подготовке руководителей партизанских отрядов, на организацию которых облисполкомом было выделено 20 тысяч рублей. Программа подготовки была рассчитана на 60 часов и утверждена бюро обкома ВКП(б). 31 октября 1941 г. эти курсы окончили первые 57 руководителей партизанских отрядов, к 19 ноября 1941 г. – еще 40 человек; в это же время приступили к занятиям 45 будущих руководителей партизанских отрядов [15].

6 ноября 1941 г. заместителем начальника 4-го отдела Управления НКВД Ярославской области капитаном милиции

Кулаковым и начальником отделения 4-го отдела УНКВД ЯО мл. лейтенантом госбезопасности Пикиным в адрес начальников районных отделов НКВД были направлены программы занятий по подготовке личного состава партизанских отрядов, с получением которых предписано немедленно организовать учебу. Программа была утверждена 6 ноября 1941 г. заместителем начальника УНКВД ЯО капитаном госбезопасности Кримяном и предусматривала следующие занятия: «1. Задачи партизанского движения (2 часа). 2. Методы и способы ведения партизанской борьбы (4 часа). 3. Виды взрывчатых веществ и способы их применения (8 часов). 4. Организация и задачи разведки в партизанских отрядах (2 часа). 5. Организация и служба связи в партизанских отрядах (2 часа). 6. Умение пользоваться картой и компасом (2 часа). 7. Организация санитарной службы и оказание первой помощи при ранениях и других болезнях в партизанских отрядах (2 часа)» [16].

При организации учебы необходимо было руководствоваться следующим. Из лиц, давших согласие остаться в партизанском отряде, предполагалось создать отдельную группу при истребительном батальоне. Это было необходимо для сохранения в тайне мероприятий по подготовке к партизанской войне. Поручалось проведение занятий по данной программе руководителям партизанских отрядов из тех, кто прошел краткосрочные курсы при УНКВД. Допускалось привлечение к проведению занятий по специальным дисциплинам (взрывчатые вещества и подрывное дело, пользование картой и компасом) лиц из состава частей Красной Армии, имеющих соответствующую подготовку. В целях соблюдения конспирации перед руководителями, привлекающимися к проведению занятий, предлагалось не расшифровывать группы и их назначение, а считать взводом истребительного батальона.

В соответствии с указаниями началась боевая подготовка в районах, с которой мы познакомимся на примере доклада начальника Нагорьевского РО НКВД ЯО ст. лейтенанта государственной безопасности Лыкова. Он сообщал, что «из числа лиц, давших согласие остаться в партизанских отрядах, созданы 2 группы, с которыми будут проводить занятия по подготовке

личного состава. Первая группа в числе 14 человек под видом 2 взвода истребительного батальона будет заниматься в селе Заозерье, и вторая группа в числе 19 человек под видом 1 взвода истребительного батальона будет заниматься в селе Нагорье. Занятия будут проводиться 1 раз в неделю по воскресеньям в течение 6 часов. В качестве преподавателей используется командный состав партизанских отрядов, а к проведению занятий по спецдисциплине (санитарная служба) привлечены медработники из числа бойцов партизанских отрядов» [17].

Большое значение имело заблаговременное создание продовольственных баз и материально-техническое обеспечение партизанского движения. Решением бюро Ярославского обкома ВКП(б) от 3-го ноября 1941 г. была утверждена смета расходов по организации продовольственных баз партизанских отрядов. Рассчитано было заложить продовольствия на 2 тысячи человек на 90 дней (всего на сумму 2 346 рублей). Этим же решением было предложено облторготделу (тов. Зубрицкому) и облпотребсоюзу (тов. Пирлину) немедленно отпустить продукты питания по заявке УНКВД. Фактически было отпущено продуктов питания для закладки продовольственных баз на сумму 2 346 500 рублей.

Чтобы ускорить материально-техническое обеспечение партизанских отрядов, облисполком и обком ВКП(б) 23 сентября 1941 г. направили секретарям райкомов и горкомов партии письмо, в котором разъяснялось, что запасы продовольствия и одежды для партизан следует хранить на складах торговых организаций как неприкосновенный фонд. В момент эвакуации их предлагалось передать партизанским отрядам по актам.

Большие сложности возникали при вооружении партизанских отрядов и диверсионных групп. Как мы помним, в начальный период войны оружия и боеприпасов не хватало даже частям Красной Армии на фронте. Решением бюро Ярославского обкома ВКП(б) предложено «... вооружение партизанских отрядов и обеспечение их боеприпасами возложить на начальника Облуправления НКВД тов. Губина...» [18].

Эти вопросы решались совместно с вооружением истребительных батальонов. Докладывая о проделанной работе на-

родному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берии, 20 ноября 1941 года начальник УНКВД ЯО сообщал, что по наряду получены 4147 винтовок и 600 тыс. штук патронов к ним, 40 пулеметов и 70 тыс. патронов к ним, 1 000 польских гранат. Кроме этого, сотрудниками Управления НКВД была проявлена инициатива и мобилизованы местные возможности, в результате изыскано на месте гранат «Ф-1» – 10 487 штук, гранат «РГД-33» – 500 штук. Техники УНКВД просмотрели и отремонтировали 500 польских винтовок [19]. Было собрано «...взрывчатых веществ 40 тонн, необходимые принадлежности для организации взрывов противотанковых бутылок, зажигающихся спичками, 10 000 штук, и сейчас организовано производство на местном заводе самозажигающихся бутылок» [20]. В исправительно-трудовых колониях организовали изготовление гранат типа «Ф-1» без детонатора (взрывателем служила специально изготовленная спичка), которых на 20 ноября было выпущено 30 000 штук. Там же было организовано производство мин для партизанских отрядов, которых планировалось изготовить 700 штук, а также изготавливались специальные «диверсионные» спички, которые не гасли в снегу. Была изобретена, изготовлена и опробована «мортирка» к русской трехлинейной винтовке, которая давала возможность производить прицельный огонь зажигательными бутылками на дальность до 100 метров. Ярославскому Тормозному заводу дали задание приступить к выпуску этого приспособления. Для проведения террористических акций и поражения живой силы неприятеля в его тылу начали выпуск специального приспособления к винтовке для бесшумной стрельбы, которое позволяло вести прицельный огонь на дальность 250–300 метров [21].

Большое внимание уделялось организации связи с резидентами, руководящим составом партизанских отрядов, фронтовыми и прифронтовыми органами НКВД. Для этих целей планировалось использовать помимо радиосвязи и другие способы. Предполагалась переброска эмиссаров и связных на самолетах, для чего во всех районах области подбирались посадочные площадки. Для укрытия эмиссаров среди жителей населенных пунктов, расположенных вокруг посадочных площадок, подбирались

надежные патриоты. Были организованы и проведены линии живой нелегальной связи в направлениях на Москву, Калинин, Киров, Горький, которые в целях повышения живучести дублировались [22].

К декабрю 1941 года войска противника были измотаны и остановлены. 5 декабря советские войска перешли в контрнаступление под Москвой. В результате наступательной операции, продолжавшейся до конца апреля 1942 года, противник был отброшен от Москвы на 150–400 км. Непосредственная угроза по захвату территории Верхнего Поволжья миновала, но такая возможность при неблагоприятном развитии событий на фронте еще существовала. В соответствии со складывающейся обстановкой продолжали свою работу органы НКВД Верхнего Поволжья.

19 декабря 1941 года заместитель начальника Управления НКВД Ярославской области капитан государственной безопасности Кримян направил начальникам городских и районных отделов НКВД распоряжение №1149/01: «Закладку тайников оружия и боеприпасов, а также продбаз для агентуры и партизанских отрядов до особого распоряжения приостановите. Места для тайников и продбаз, не подобранных до сего времени соответственно плану спецработы, продолжайте подбирать и закончите эту работу в недельный срок...» [23].

В связи с успешным развитием контрнаступления 3 февраля 1942 г. начальникам городских и районных отделов НКВД ЯО было дано следующее разъяснение: «по распоряжению зам. нач. УНКВД Ярославской области капитана государственной безопасности тов. Кримян все заложенное оружие и боеприпасы из баз партизанских отрядов немедленно изымите, приведите оружие в надлежащий порядок и используйте его для истребительных батальонов» [24].

Однако органы НКВД Ярославской области продолжали находиться в готовности к борьбе в тылу врага. 12 февраля 1942 г. заместитель начальника УНКВД ЯО капитан государственной безопасности Кримян указывал: «... в некоторых районах области в связи с тем, что фронт под ударами Красной Армии отодвигается на запад, отмечено значительное уменьшение кадров пар-

тизан и ослабление работы <...> с ними». Кримян отдал распоряжение: «1. Кадры партизанских отрядов строго учитывать и проводить дальнейшее их обучение в составе истребительных батальонов... 2. Принять меры к сохранению этих кадров в районах... 3. Договориться с местными военными комиссариатами об освобождении кадров партизан от призыва в армию...» Органы НКВД продолжали работу по подготовке противодействия противнику в случае оккупации Ярославской области до середины 1943 года.

Представленные в статье материалы позволяют сделать следующие выводы. Подготовка к партизанской войне в Ярославской области началась в октябре 1941 г., то есть позднее, чем в западных регионах страны, и началась она заблаговременно, до начала возможной оккупации территории области. Подготовка осуществлялась органами НКВД, что способствовало сохранению режима секретности, тщательному отбору руководства и личного состава будущих партизанских отрядов, а также материальному обеспечению их будущей деятельности.

Примечания

1. АУФСБЯО. – Ф. – 21. – Оп.5. – Д. 2. – Л. 2.
2. Там же. – Л. 3.
3. Там же. – Л. 4.
4. АУФСБЯО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 31. – Л. 28–30, 34–43.
5. Там же.
6. Там же. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 28
7. Там же.
8. АУФСБЯО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д.1. – Л. 24.
9. Там же. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 29.
10. АУФСБЯО. – Ф. 21. – Оп. 5. – Д. 2. – Л. 32–33.
11. Там же. – Л. 35.
12. Там же. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 1.
13. Там же. – Д. 1. – Л. 27.
14. Там же. – Д. 36. – Л. 2.
15. Там же. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 28.
16. АУФСБЯО. – Ф. 21. – Оп. 4. – Д. 18. – Л. 8–9.
17. Там же. – Оп. 3. – Д. 31. – Л. 19.

18. Там же. – Л. 55.
19. Там же. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 30.
20. Там же.
21. Там же. – Л. 30–31.
22. АУФСБ ЯО. – Оп. 3. – Д. 9. – Л. 9–10; Там же. – Д. 10; Там же. – Д. 16. – Л. 7–14; Там же. – Д. 18–22.
23. АУФСБ ЯО. – Оп. 3. – Д. 31. – Л. 96.
24. Там же. – Л. 100.

УДК 94 (47+54)

С.Н. Мудров

Бюро информации Советской военной администрации в Германии

С первых дней вступления Советских войск на территорию Германии высшему руководству СССР стали поступать разнообразные сведения об обстановке на захваченных землях. Отчеты эти предоставлялись 3-им Европейским информационным отделом МИДа, который получал обработанные данные из информационных сводок 7-ого Управления ГлавПУРКА, которое в свою очередь собирало информацию из донесений фронтов [1].

Таким образом, доклады, ложившиеся на стол в Москве, содержали в себе сведения не от первого лица, а, значит, содержали в себе видоизмененную, искаженную информацию. Она была не систематизирована, разрозненна, не давала более или менее четких представлений о том, с чем столкнулась Красная Армия на вражеской территории.

После капитуляции Германии и создания Советской военной администрации в Москву стала стекаться более систематизированная и конкретная информация, но она приобрела ведомственно-отчетный характер. В таких документах отмечались успехи в работе Советской администрации и ее подразделений,

© С.Н. Мудров, 2012

далее указывались некоторые трудности, с которыми столкнулись при работе советские специалисты. В итоге делался вывод, что при существующих условиях и устранении недостатков поставленные цели будут достигнуты.

Схема подачи информации, способ изложения фактов и особенности советской бюрократической отчетности искажали истинное положение дел в Восточной Германии. Москве требовался прямой канал связи, по которому поступали бы сведения о положении дел в Германии. 1 июля 1945 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили создать в структуре Советской военной администрации в Германии (СОЗ) новое подразделение – Бюро информации. Оно было сформировано на базе газеты «Берлинер Цайтунг», выпускавшейся 1-ым Белорусским фронтом. Руководителем новой организации был назначен Тугаринов И.И., который занимал данный пост вплоть до 1946 г. [2].

В структуру Бюро входило несколько функциональных отделов: внутригерманской информации, информации о положении дел в западных зонах оккупации, печати, информации о Советском Союзе. Они освещали положение дел в СОЗ, снабжали текущей информацией немецкую прессу, выходившую в Восточной Германии. В отдельных землях действовали небольшие корреспондентские пункты, состоявшие из заведующего, корреспондента (советского офицера) и обслуживающего персонала, набранного из немцев. В Берлине, учитывая его международный статус (4 сектора), была создана расширенная корреспондентская группа [3].

Подобная структура Бюро определилась стоящими перед ней задачами: информирование Москвы и руководства страны о реальной, а не ведомственно-отчетной ситуации в Восточной Германии; регулярное освещение положения дел и хода событий в оккупационных зонах Германии, управляемых западными державами; анализ ситуации, сложившейся после войны в Западной Европе в целом; снабжение информацией о событиях в немецких газетах и журналах; предоставление немецкой периодике материалов о Советском Союзе с целью создания у немецкого читателя позитивного отношения к советскому присутствию.

Работники Бюро получали и обрабатывали ежедневно массу разнообразнейших фактов. Все самое важное, по мнению сотрудников Бюро, анализировалось и помещалось в Бюллетени Бюро информации, которые отсылались в Москву. На русском языке выходили бюллетени о положении в советской зоне оккупации, бюллетени о положении в западных зонах оккупации, а специально для руководства СВАГ – бюллетень о международном положении, в котором основное внимание уделялось Западной Европе. На немецком выходили бюллетени текущей информации для печати и специально подобранные статьи об СССР.

Бюро отслеживало и обрабатывало основное содержание радиопередач и печати англо-американских информационных агентств. Полученная информация помещалась в специальные бюллетени: бюллетень иностранных радиопередач на Германию, закрытый бюллетень англо-американских передач на Германию.

Ежедневно выходили еще три бюллетеня: бюллетень закрытого характера для руководителей Социалистической Единой партии Германии (СЕПГ); совершенно секретный бюллетень о разногласиях в СЕПГ; обзор западногерманской прессы. Эти бюллетени содержали в себе аналитические данные, каждый по своему кругу вопросов, и печатались под грифом «совершенно секретно». С марта 1946 года в состав Бюро включили отдел экономической информации, который обзавелся своим собственным бюллетенем [4].

Данные, содержащиеся в этих отчетах, должны были давать максимально полное представление о жизни в послевоенной Германии. Специфика сведений заключалась в том, что они были вневедомственными, а значит, содержали в себе порой достаточно нелицеприятные факты о просчетах, ошибках и неудачах Советской военной администрации в Германии. Проблема заключалась в том, что положение и место Бюро информации в структуре СВАГ было определено нечетко.

Формально Бюро с самого начала своего существования подчинялось СВАГ, считалось ее структурным подразделением, именно военная администрация занималась его кадровыми, управленческими и финансовыми вопросами. Приказом № 52 от 5.09.1945 г. «О Бюро информации Советской военной админи-

страции в Германии» Бюро подчинялось Военному совету Группы советских оккупационных войск Германии (ГСВОГ) [5]. Приказ № 074 передавал Бюро в подчинение Управления пропаганды СВАГ. Документы свидетельствуют о том, что некоторое время спустя Бюро было выведено из юрисдикции Управления пропаганды, однако не совсем понятно, когда это произошло. В тоже время в записке начальника ГПУ ВС СССР И. Шикина, датированной мартом 1945 года, констатируется, что Бюро информации СВАГ подчинено Управлению пропаганды СВАГ [6].

В мае 1946 года заместитель начальника Политического отдела Политического советника в Германии И.Ф. Филиппов в своей докладной записке на имя заместителя министра иностранных дел С.А. Лозовского указывает на неясность взаимосвязей между Бюро информации и Управлением пропаганды. Бюро стремится к тому, чтобы в международных вопросах его линию определял политический советник, а по внутриведомственным вопросам руководить пропагандой должно Управление пропаганды [7].

В 1947 году был разработан проект постановления ЦК ВКП(б), в котором говорилось о необходимости подчинения Бюро информации Управлению пропаганды [8]. Согласно исторической справке о работе оргучетного отдела СВАГ Бюро в тот момент находилось в подчинении политического советника [9]. В итоге, к маю 1949 года Бюро было включено в состав Управления пропаганды (информации).

С чем связана такая активная борьба за право контролировать Бюро информации? Александр Абрамович Галкин, бывший сотрудник Бюро информации, объясняет это следующим образом: «Бюрократов раздражала ситуация, при которой вроде бы нижестоящая структура по сути дела им не подчинялась, сохраняя прямые выходы на руководство страны в Москве, и нередко посылала туда информацию, противоречащую официальным данным.

У Политического советника СВАГ был работник, отвечавший за печать – Алексеев. Он считался куратором Бюро от Политического советника, но в дела Бюро практически не вме-

шивался. Содержательно нас никто не контролировал. Мы писали то, что считали нужным и отправляли в Москву. Поэтому отношения с руководством СВАГ складывались у Бюро сложно. Но пока Главнотрудовым СВАГ был маршал Соколовский, человек умный и интеллигентный, все попытки очернить нашу работу не давали результатов. Однако это не мешало посылать к нам проверочные комиссии. Следовательно, надо было создать у руководства впечатление, что без регулярных визитов «на места» все пойдет прахом. Соответственно составлялись и отчетные документы. Они представляли собой концентрацию перечисленных действительных и мнимых недостатков».

Бюро информации занималось сбором, систематизацией и анализом информации, полученной из различных источников. В создаваемых бюллетенях отражались сведения обо всех сторонах жизни послевоенной Германии. Сотрудники Бюро должны были рассказывать немцам о Советском Союзе и его дружеских намерениях в отношении Германии.

Бюро являлось неким информационным ретранслятором между Москвой и Берлином, работающим в обе стороны. Кремль должен был ликвидировать свой информационный голод, а немцы получить сведения о том, что их ожидает в будущем. Без налаженной связи между Москвой и Восточной Германией невозможно было контролировать ситуацию, управлять ею.

Москва мало прислушивалась к советам работников Бюро информации, исходя из своих представлений и сложившейся обстановки. Александр Абрамович привел два примера: 1) «В первые послевоенные годы мы широко осуществляли в своей зоне оккупации демонтаж немецких промышленных предприятий, вывозимых в Советский Союз в качестве военных репараций. Немцы, вполне лояльно относившиеся к СССР, говорили нам в данной связи: Зачем вы это делаете? Вы же практически везете в страну металлолом. Если оборудование не изуродуют при демонтаже, если оно не проржавеет во время перевозки, то Вы все равно создадите производство на базе технологии и техники в лучшем случае 20-х – 30-х гг. Вам

гораздо выгоднее, не трогая эти предприятия, размещать на них заказы на новую технику, соответствующую самым современным требованиям. Насколько я помню, мы даже писали об этом в Москву. Ответ на наши пожелания был достаточно резким: “мол, Вы, там, в Берлине, зажрались; не понимаете реального положения в стране, которая лежит в развалинах. У нас нет времени ждать пока они там что-то изобретут и поставят. Нужно срочно восстанавливать заводы”. В результате мы ориентировались на доисторическую устаревшую немецкую технику, собственными руками заложили основы своего последующего технологического и технического отставания».

2) «Где-то на исходе весны 1948 года в Москве было принято решение осуществить ряд мер, в результате которых западные державы окажутся перед необходимостью вывести свои воинские подразделения из Западного Берлина. Имелось в виду постепенно перекрывать коммуникации (ж/д, автомагистрали), по которым осуществлялось снабжение западных оккупационных войск и населения Западного Берлина. Одновременно предполагалось снабжение населения Западного Берлина из советской зоны оккупации. Это, де, с одной стороны, породит симпатии населения Западного Берлина к Советскому Союзу, а с другой – поставит западные державы в такое положение, когда они вынуждены будут незамедлительно вывести свои войска в западные зоны оккупации. Примерно так объясняли задумку московских стратегов прибывшие из центра для информирования представительные делегации.

Подобная стратегия могла прийти в голову лишь тем, кто не имел никакого представления ни о реальной позиции западных держав, ни о настроениях населения Западного Берлина. Для нас же было совершенно очевидным, что западные державы ни при каких условиях не пойдут на уступки в этом вопросе, и большинство западных берлинцев окажет им в этом полную поддержку. Кое-кто из наших специалистов пытался “пискнуть” по этому поводу, но их быстро ставили на место.

Не нужно было стремиться к советизации нашей зоны оккупации. Для этого не было объективных предпосылок. Достаточно было ограничиться реформами, предусмотренными

О.Н. Монахов, Н.В. Захаров

Особенности реализации правового статуса военнослужащих: опыт 1939–1945 гг. и современность

Юридической наукой давно признано наличие существования специального правового статуса военнослужащих. «Правовой статус военнослужащего как специфического субъекта права включает в себя совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности, юридически закрепленных Конституцией и законодательством Российской Федерации в целях исполнения данной категорией лиц военной службы в составе военной организации государства» [1, с. 207].

В настоящее время в Вооруженных Силах Российской Федерации проходят преобразования, результатом которых должен стать «новый облик» российской армии. Произошли значительные изменения в материальном обеспечении военнослужащих. Как отметил Президент Российской Федерации Д.А. Медведев: «Мы добились значимых результатов в укреплении социальных гарантий военнослужащих. С 1 января 2012 года их денежное довольствие увеличится почти в три раза. Это качественно меняет ситуацию в Вооружённых Силах. Офицеры получили дополнительную мотивацию к достойной службе. Меняется и материальное положение военных пенсионеров. Повышение пенсий с 1 января 2012 года в среднем не менее чем в 1,6 раза – это важный шаг по оценке их заслуг перед Отечеством. Пенсии военнослужащих будут ежегодно повышаться не менее чем на два процента сверх уровня инфляции» [2].

Право на материальное обеспечение является одним из важных элементов правового статуса военнослужащего. Право военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации на материальное обеспечение и отдых включает следующие элементы:

© О.Н. Монахов, Н.В. Захаров, 2012

Потсдамскими соглашениями: денацификацией, демилитаризацией и демонополизацией. Надо было, не особо афишируя свою позицию, смириться с тем, что нас в конечном итоге устроит такая Германия, которая будет готова придерживаться устойчивого нейтралитета и ограничения военного потенциала. Исходя из этого, можно было пойти на всеобщие выборы, даже понимая, что в результате, в лучшем случае укрепится социал-демократия, которую мы тогда, скажем прямо, не очень любили» [10].

Создание Бюро должно было изменить ситуацию и дать все необходимые сведения для принятия управленческих решений. Однако Москва руководствовалась в своих решениях не столько реальным положением дел в послевоенном мире, сколько своими представлениями о том, как выполнить международные обязательства и удержать под своим контролем Восточную Германию.

Примечания

1. См.: Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 82. – Оп. 27.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-7317. – Оп. 7. – Д. 11. – Л. 2–3.
3. Беседы с А.А. Галкиным. Личный архив автора. Июль 2007.
4. Советская военная администрация в Германии (1945–1949 гг.) [Текст] // Справочник. – М., 2009. – С. 308–312.
5. ГАРФ. – Ф. Р-7317. – Оп. 8. – Д. 1. – Л. 178.
6. СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. [Текст]. – М., 1994. – С. 146.
7. Там же. – С. 150.
8. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 117. – Д. 758. – Л. 162.
9. ГАРФ. – Ф. Р-7817. – Оп. 48. – Д. 1. – Л. 56.
10. Беседы с А.А. Галкиным. Личный архив автора. Июль 2007.

– на денежное довольствие, состоящее из месячного оклада в соответствии с занимаемой должностью и месячного оклада в соответствии с присвоенным воинским званием, месячных и иных надбавок и других дополнительных денежных выплат;

– на ежегодный основной отпуск продолжительностью в зависимости от срока военной службы в льготном исчислении, который по желанию военнослужащего может быть предоставлен по частям. Военнослужащие имеют право также на дополнительные отпуска: учебные, творческие, по личным обстоятельствам, по болезни, а военнослужащие женского пола – на отпуск по беременности и родам и по уходу за ребенком;

– на медицинское обслуживание военнослужащих и членов их семей, в том числе после выхода военнослужащих на пенсию;

– на пенсионное обеспечение за выслугу лет и пенсионное обеспечение членов семьи в случае смерти военнослужащего, наступившей во время прохождения военной службы, а в некоторых случаях и после увольнения с военной службы в соответствии с Законом Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»;

– на обязательное государственное страхование на случай причинения вреда здоровью и имуществу во время прохождения службы.

Военнослужащие, выполняя свой долг по защите отечества, подвергают свою жизнь опасности, и эта опасность многократно возрастает в военное время. В связи с наличием указанной опасности военнослужащие нуждаются в особой защите своих прав. Особо ценен в плане изучения обозначенного вопроса опыт Великой Отечественной войны, ведь она по масштабам боевых действий, количеству участников, понесенным потерям намного превосходит все войны, когда-либо пережитые человечеством, и из её уроков можно почерпнуть множество примеров

для анализа практики применения законодательства в период военных действий.

С.Г. Лысенков отмечает, что в период Великой Отечественной войны военнослужащие действующей армии обладали признаками специального субъекта права. Их юридический статус представляется как особое правовое положение, обусловленное системой специальных прав и обязанностей, льгот и привилегий, ограничений и ответственности, установленных законами военного времени и актами компетентных органов военного управления [3, с. 10].

В период Великой Отечественной войны в составе действующей армии в зависимости от способа комплектования исследователи выделяют следующие категории военнослужащих:

1. Кадровый состав Красной армии, проходящий военную службу на основании Закона СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности».

2. Военнообязанные, призванные из запаса, которые в соответствии с ст. 33–38 Закона СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» были призваны на учебные сборы и к началу войны находились в войсках.

3. Военнослужащие, призванные на действительную военную службу в соответствии со ст. 14–15 Закона СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности», то есть граждане, достигшие призывного возраста, годные по состоянию здоровья к выполнению обязанностей военной службы и не имевшие прав на отсрочку от призыва.

4. Военнообязанные, призванные по мобилизации на основании ст. 72–73 Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» и Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных» от 22 июня 1941 г. Несмотря на тяжелые условия, удалось мобилизовать в Вооруженные Силы СССР 5,3 млн. чел. [4, с. 257]. Отдельную категорию военнослужащих действующей армии составляли граждане, добровольно поступавшие в ряды Красной армии. Так, к осени 1941 г. добровольно ушли на фронт 900 тыс. человек. В составе армии и флота к январю 1942 г. насчитывалось 350 тыс. женщин-добровольцев [5, с. 23].

Правовые основы добровольного поступления на военную службу отличаются от института воинской обязанности. Дело в том, что добровольчество не предусматривалось Законом СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности». Добровольное поступление на военную службу в условиях войны к воинской обязанности не может быть отнесено, поскольку оно являлось правом гражданина исполнять свой долг по защите Родины, что соответствует норме, определенной в ст. 133 Конституции СССР 1936 г.: «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР». При этом, добровольно поступая на военную службу, гражданин приобретал статус военнослужащего в полном объеме [3, с. 33].

Служебная деятельность военнослужащих действующей армии была направлена на достижение победы над врагом и сопряжена с риском для жизни и здоровья. В этих условиях обеспечить эффективность их деятельности призвана реализация права военнослужащих на материальное обеспечение и некоторые иные права, также имеющие материальную природу.

Так, в период войны для личного состава Красной армии было установлено большое количество специальных денежных выплат. Дополнительные выплаты производились за уничтожение боевой техники противника. Наряду с этим военнослужащие получали денежное вознаграждение за успешное выполнение различных специальных заданий командования, за качественный ремонт техники, рационализаторскую работу и т.п. Стимулированию роста воинского мастерства и активизации боевой деятельности военнослужащих способствовало установление начальствующему составу гвардейских частей полурядовых, а рядовому составу – двойных окладов денежного содержания. Повышенные оклады были установлены в ударных армиях, в частях воздушно-десантных войск, а также среднему командному составу пулеметных частей и подразделений, экипажам танков, снайперам и пулеметчикам. В связи со вступлением войск действующей армии на территорию Германии были установлены оклады денежного содержания в двойном размере личному составу частей и учреждений Красной Армии за время пребывания на оккупированной территории [3, с. 194].

Подобные затраты требовали дополнительных средств, которые не были предусмотрены планами мобилизации народного хозяйства. Данная проблема была решена путем дополнительной эмиссии денежных средств. Так, в начале сентября 1941 года было выпущено в обращение 1900 млн. рублей, а 26 сентября еще дополнительно 600 млн. рублей [6, с. 56].

Опыт военных лет показывает, что в экстремальных условиях государственно-опасного характера, в первую очередь, таких, как ведение боевых действий, государство стремится компенсировать моральные и физические затраты военнослужащих.

Вступление в действие с 1 января 2012 г. Федерального закона от 7 ноября 2011 года N 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» привело к пересмотру элементов денежного довольствия военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и его значения. В соответствии с данным законом денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы. Данный нормативно-правовой акт наравне с традиционными элементами денежного довольствия (оклад денежного содержания, ежемесячная надбавка за выслугу лет) установил следующие дополнительные выплаты для военнослужащих-контрактников:

- ежемесячная надбавка за классную квалификацию;
- ежемесячная надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну;
- ежемесячная надбавка за особые условия военной службы;
- ежемесячная надбавка за выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время;
- ежемесячная надбавка за особые достижения в службе.

Также следует указать, что денежное довольствие военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, состо-

ит из оклада по воинской должности и дополнительных выплат, к которым относятся следующие:

- ежемесячная надбавка за классную квалификацию;
- ежемесячная надбавка за особые условия военной службы;
- ежемесячная надбавка за выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время;
- ежемесячная надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну.

Исходя из положений «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», можно сделать вывод, что указанные денежные выплаты связаны со служебной деятельностью военнослужащих в мирное время. Но в п. 23 ст. 2 данного закона прописано: «Военнослужащим, проходящим военную службу в воинских формированиях, дислоцированных за пределами территории Российской Федерации, а также военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на отдельных территориях Российской Федерации, устанавливаются повышающие коэффициенты или надбавки к денежному довольствию».

Вследствие этого в декабре 2011 г. Правительством Российской Федерации было принято Постановление «О выплате денежного довольствия военнослужащим, проходящим военную службу в воинских формированиях, дислоцированных за пределами территории Российской Федерации, а также военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах». Данный нормативно-правовой акт установил, что военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах к денежному довольствию устанавливается повышающий коэффициент в размере 1,5. Таким образом, в настоящее время государством предусмотрены меры для материального стимулирования военнослужащих в условиях военного времени.

Одним из важных вопросов правового обеспечения статуса военнослужащего как в мирное, так и военное время является страхование жизни и здоровья военнослужащих. Опыт Великой Отечественной войны показывает, что вопрос страхования жизни и здоровья военнослужащих не был решен. Как следовало из ст. 394 ГК РСФСР 1926 г., действовавшего в период Великой Отечественной войны, страховщик (Госстрах СССР) не отвечает за вред, причиненный войной, если иное не предусмотрено договором.

Постановлением СНК СССР от 8 июля 1941 г. «О страховой ответственности органов Госстраха» [7] Госстрах СССР освобождался от выплаты страховых сумм в случае смерти застрахованных лиц или утраты ими трудоспособности, произошедших в результате военных действий. Народный комиссариат финансов СССР в инструктивном письме от 19 августа 1941 г. № 661 разъяснил, что понимается под военными действиями при осуществлении личного страхования жизни и здоровья граждан – это применение в военных целях огнестрельного, холодного оружия, бомб, самолетов, танков и иных машин [8, с. 24]. В случае же, если смерть или потеря трудоспособности возникли в результате несчастного случая, произошедшего с гражданином, не связанного с военными действиями, то Госстрах СССР от ответственности не освобождался.

В современных условиях страхование жизни и здоровья военнослужащих Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. N 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы». Данный документ устанавливает следующие страховые случаи при осуществлении обязательного государственного страхования:

- гибель (смерть) застрахованного лица в период прохождения военной службы, службы, военных сборов либо до

истечения одного года после увольнения с военной службы, со службы, после отчисления с военных сборов или окончания военных сборов вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения военной службы, службы, военных сборов;

- установление застрахованному лицу инвалидности в период прохождения военной службы, службы, военных сборов либо до истечения одного года после увольнения с военной службы, со службы, после отчисления с военных сборов или окончания военных сборов вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения военной службы, службы, военных сборов;

- получение застрахованным лицом в период прохождения военной службы, службы, военных сборов тяжелого или легкого увечья (ранения, травмы, контузии);

- увольнение военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, с военной службы, отчисление гражданина, призванного на военные сборы на воинскую должность, для которой штатом воинской части предусмотрено воинское звание до старшины (главного корабельного старшины) включительно, с военных сборов в связи с признанием их военно-врачебной комиссией не годными к военной службе или ограниченно годными к военной службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения военной службы, военных сборов.

Характерной чертой указанных страховых случаев является то, что они применяются в условиях осуществления военнослужащими служебной деятельности в мирное время.

Но в тексте Федерального закона от 28 марта 1998 г. N 52-ФЗ отмечается, что осуществление обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним в обязательном государственном страховании лиц в период мобилизации, военного положения и в военное время определяется законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Также следует отметить, что Федеральный закон от 7 ноября 2011 года N 306-ФЗ «О денежном довольствии военно-

служащих и предоставлении им отдельных выплат» устанавливает следующие страховые выплаты:

- в случае гибели военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо его смерти, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных им при исполнении обязанностей военной службы, членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего или гражданина, проходившего военные сборы, выплачивается в равных долях единовременное пособие в размере 3 000 000 рублей;

- при увольнении военнослужащего с военной службы или отчислении с военных сборов гражданина, призванного на военные сборы, в связи с признанием его негодным к военной службе вследствие военной травмы ему выплачивается единовременное пособие в размере:

- 1) 2 000 000 рублей – военнослужащему, проходящему военную службу по контракту;

- 2) 1 000 000 рублей – военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, или гражданину, призванному на военные сборы.

- при установлении военнослужащему или гражданину, призванному на военные сборы, в период прохождения военной службы (военных сборов) либо после увольнения с военной службы (отчисления с военных сборов или окончания военных сборов) инвалидности вследствие военной травмы ему выплачивается ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного его здоровью, в размере:

- 1) 14 000 рублей – инвалиду I группы;

- 2) 7 000 рублей – инвалиду II группы;

- 3) 2 800 рублей – инвалиду III группы.

Подобные решения со стороны государства вызваны тем, что военнослужащие, выполняя свой долг по защите отечества, подвергают свою жизнь опасности, и эта опасность многократно возрастает в военное время. В связи с наличием указанной опасности военнослужащие нуждаются в особой защите своих прав.

Таким образом, устойчивость правового положения военнослужащих зависит от того, насколько обоснованно и полно сформированы его главные компоненты в мирное время. Не дожидаясь вооруженного конфликта, государство должно четко установить основные права, льготы, а также обязанности, ограничения и ответственность военнослужащих, применяемых в условиях ведения военных действий.

Обязанности и ответственность военнослужащих является одним из элементов его правового статуса. В соответствии с законом «О статусе военнослужащих» на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. Поэтому в рамках указанной проблемы важно рассмотреть вопрос реализации обязанностей военнослужащих в условиях ведения боевых действий.

Общие обязанности военнослужащих Российской Федерации перечислены в ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и конкретизированы в Военной присяге (ст. 40, 41 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации и других воинских уставах.

В частности, в нормативно-правовых актах отмечается, что военнослужащие обязаны мужественно и умело защищать свое Отечество, народ, а также свободу, независимость и конституционный строй России.

Военнослужащий в ходе боевых действий, даже находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, обязан оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен. Он обязан до конца выполнить в бою свой воинский долг. Если же военнослужащий, оказавшись в отрыве от своих войск и исчерпав все средства и способы сопротивления или же находясь в беспомощном состоянии вследствие тяжелого ранения или контузии, будет захвачен в плен, он должен искать и использовать любую возможность для освобождения себя и своих товарищей из плена и возвращения в свои войска.

К общим обязанностям военнослужащих относится также требование быть дисциплинированным. Это требование в условиях военного времени, как показывает опыт боевых действий Красной Армии в 1939–1940 г., имеет важное значение.

На рубеже 30–40-х гг. армия выросла количественно; приход в строй больших по объему призывных контингентов вызвал серьезное дисциплинарное напряжение.

23 декабря 1940 г., выступая на совещании высшего состава, начальник Генерального штаба РККА генерал армии К. А. Мерецков в отношении боев на Халхин-Голе и в Финляндии был вынужден признать: «Слаба дисциплина, что привело к нарушениям на фронте и в тылу. Это сказалось на неточном выполнении боевых приказов <...>, создании недопустимой путаницы и пр.». На Халхин-Голе во время августовских операций в частях 1-й армгруппы было зафиксировано 160 чрезвычайных происшествий, а в сентябре 1939 г. – 236 (рост – 42,5%) [9, с. 142].

Поворотным в отношении воинской дисциплины стал 1940 г. В мае указом Президиума Верховного Совета СССР были установлены персональные воинские звания для высшего состава. В июне увидели свет два приказа наркома обороны, также направленные на совершенствование порядка прохождения службы: № 171 от 20 июня, вводивший «Служебную книжку красноармейца», и № 175 от 22 июня «О приветствиях строю и вне строя». 8 июля 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство». Эти виды правонарушений получили, к сожалению, слишком большое распространение в армии; соответственно, наказания устанавливались жесткие: за самовольную отлучку сроком свыше 2-х часов военнослужащие направлялись в дисциплинарный батальон, свыше суток – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет. Только за 10 месяцев 1940 г. за самовольные отлучки, дезертирство и другие правонарушения под суд военного трибунала было отдано 19 408 чел. [9, с. 142]. Наконец, 12 октября 1940 г. приказом наркома обороны № 356 был объявлен новый Дисциплинарный устав РККА (предыду-

щий действовал с 1925 г.), который содержал достаточно стройную систему мер дисциплинарного принуждения.

В частях развернулась серьезная дисциплинарная работа, о чем свидетельствует следующий факт: только в 1940 г. в военных газетах было опубликовано более 4 тыс. статей и заметок по вопросам укрепления воинской дисциплины [10, с. 165]. Естественно, что не обошлось без перегибов.

В армии распространилось такое позорное явление, как избиение подчиненных. В советских Дисциплинарных уставах обычно имелся пункт о применении силы или оружия против подчиненных. В дисциплинарном уставе 1940 года он звучал в следующей редакции: «В случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения воинской дисциплины командир имеет право принять все меры принуждения, вплоть до применения оружия. Командир не отвечает за последствия, если он будет вынужден применить оружие и силу для восстановления дисциплины и порядка».

Поскольку механизм «применения силы» не был детально оговорен (какие действия, в каких случаях и пр.), это положение буквально развязало руки многим командирам и начальникам. Документы политорганов свидетельствуют, что избиения подчиненных, издевательства над ними распространились достаточно широко.

Таким образом, дисциплинарная работа в Красной Армии все более скатывалась на карательный уровень, что во многом предопределялось позицией руководства. Еще 10 июня 1940 г. начальник ПУРККА Л.З. Мехлис в совсекретной директиве № 5258/сс ставил задачу: «Начальник не только имеет право, но и обязан применять вооруженное принуждение» [11, с. 265]. А в предложениях комиссии Главного военного совета о совершенствовании воспитательной работы можно найти следующие моменты: ужесточить административную и уголовную ответственность военнослужащих; привлекать к ответственности членов семей военнослужащих, совершивших измену Родине; развивать систему заградительных отрядов («Заградотряды себя оправдали. Необходимо по основным направлениям в дейст-

вующей армии иметь в тылу заградотряды, подчинив их НКВД») и пр. [12, с. 136].

В Вооруженных Силах Российской Федерации дисциплинарная практика включает совокупность применяемых поощрений и взысканий, характер и размеры которых определены Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации.

Законодательством предоставлены командирам для укрепления воинской дисциплины различные правовые средства:

- меры поощрения;
- дисциплинарные взыскания;
- меры пресечения нарушений воинской дисциплины;
- дополнительные меры дисциплинарного воздействия;
- меры общественного воздействия.

Отдельно следует отметить, что в настоящее время у командиров изъято такое правовое средство, как дисциплинарное наказание в виде ареста военнослужащего с содержанием на гауптвахте. В соответствии с Федеральным законом от 01.12.2006 N 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» военнослужащий может быть арестован в дисциплинарном порядке только по судебному решению. Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации определено, что дисциплинарный арест является крайней мерой дисциплинарного воздействия и заключается в содержании военнослужащего в условиях изоляции на гарнизонной или войсковой гауптвахте. Дисциплинарный арест применяется к военнослужащему лишь в исключительных случаях и только за совершенный им грубый дисциплинарный проступок.

Российское законодательство предоставляет командиру не только правовые средства укрепления воинской дисциплины, но рассматривает это как его обязанность. В ст. 9 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации указывается: «В случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненного командир (начальник) обязан для восстановления порядка и воинской дисциплины принять все установленные

законами Российской Федерации и общевоинскими уставами меры принуждения, вплоть до задержания и привлечения нарушителя к предусмотренной законодательством Российской Федерации ответственности. При этом оружие может быть применено только в боевой обстановке, а в условиях мирного времени – в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, в соответствии с требованиями статей 13 и 14 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации».

Краткий анализ реализации обязанностей и ответственности позволяет сделать вывод о том, что действующие акты военного законодательства в основном определяют пути и средства укрепления воинского правопорядка и воинской дисциплины, основания и порядок применения этих средств. От того, насколько правильно применяется в войсках это законодательство, во многом зависит предупреждение правонарушений, состояние воинской дисциплины, законности и правопорядка.

Таким образом, правовой статус военнослужащих в мирное время и в боевой обстановке регулируется различными нормативно-правовыми актами. В условиях военного времени государство наполняет материальное обеспечение военнослужащих дополнительными льготами и вознаграждениями. При этом к военнослужащим предъявляются особые требования при исполнении обязанностей.

Примечания

1. Военное право [Текст]: учебник. Сер. «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2004.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/14088>.
3. Лысенков, С.Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны [Текст]: дисс... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005.
4. 50 лет Вооруженных Сил СССР [Текст]. – М.: Воениздат, 1968.

5. Синицын, А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1945–1945 гг. [Текст]. – М.: Воениздат, 1975.

6. Комерсантъ. – ВЛАСТЬ. – 28 ноября 2011 г.

7. Сборник постановлений и распоряжений СНК СССР. – 1942. – № 16.

8. Сборник по финансово-хозяйственным вопросам. – 1941. – № 10.

9. Осьмачко, С.Г. Красная Армия в локальных войнах и конфликтах (1929-1941 гг.): боевой опыт и военная политика [Текст]: монография. – Ярославль, 1999.

10. Кулагин, В.М., Яковлев, Н.Н. Подвиг Особой Дальневосточной [Текст]. – М., 1970.

11. Лебедева, Н.С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия [Текст] / Другая война: 1939–1945. – М.: РГГА, 1996.

12. Райский, Н.С. Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных [Текст] // Отечественная история. – 1995. – № 4.

13. Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

УДК 94 (47)

Е.Г. Надежкин

Высшая военная школа: формирование профессиональной идентичности

Трехсотлетний опыт отечественной системы военного образования свидетельствует о том, что все крупнейшие преобразования в этой области осуществлялись одновременно с коренной реорганизацией вооруженных сил. Так было при Петре Великом в ходе создания и становления регулярных армии и

флота, при проведении «милютинских» военных реформ во второй половине XIX века, в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, и в разгар «холодной войны» в 70-х годах прошлого века.

Сегодня в 2012 году Российская армия в процессе серьезных перемен, которые коснулись в первую очередь следующих вопросов.

Численность вооруженных сил. «Численность офицерского состава 150 тыс., то есть 15% от общей численности военно-служащих. Сокращено более двухсот тысяч офицерских должностей» [1]. Это повлекло за собой сокращение родов и видов ВС РФ. Так, к примеру, в Сухопутных войсках было 1890 частей и соединений, ныне 172. ВВС и ВМФ «урезали» в два раза. В ВВС было 340 воинских частей, сегодня – 180, в ВМФ из 240 осталось 123.

Изменение системы управления. Четырехзвездочная система управления: военный округ – армия – дивизия – полк – изменена. В нынешний период: военный округ – оперативное командование – бригада. Видимые преимущества в этом – ликвидация многоярусности управления, повышение оперативности в управлении войсками.

Преобразования в системе военного образования. Основной замысел – территориальность образования. Из всей системы военных вузов, которая включала 65 вузов (в том числе 15 академий, 4 военных университета, 46 военных училищ) осталось 10 системообразующих вузов, переформированных к тому же не по видовому признаку.

Реорганизация центрального аппарата управления. Из общей численности более 21 тыс. человек осталось 8,5, при этом функции центральных органов управления не поменялись.

Масштабы проводимых реформ абсолютно беспрецедентны, не имеют аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной практике. Не приведет ли это к тому, что «вместе с водой выплеснут и ребенка»? При таких темпах реформирования, возможно, будут потеряны выработанные на протяжении длительного времени профессиональные стандарты, ключевые культурные коды профессиональной деятельности, смысловые позиции,

общепринятые категории профессиональной деятельности, соответствующие российской армии. Может быть нарушен процесс идентификации, который приведет в конечном итоге к потере идентичности как особого состояния, достигнутого вооруженными силами на протяжении всего периода становления.

Идентичность в научной литературе совпадает с терминологической значимостью таких понятий, как: соответствие, самобытность, целостность, единство, тождественность, подлинность. Антонимы понятию идентичности: разрыв преемственности, неустойчивость, противоречивость.

Эриксон Э. определил идентичность как внутреннюю «непрерывность самопереживания индивида» [2], тождественность личности, как важнейшую характеристику целостности и зрелости, как интеграцию переживаний человеком своей тождественности с определенными социальными группами, которые, к сожалению, исчезают. В начале 90-х годов XX века после распада СССР произошли кардинальные изменения, вызвавшие «парад суверенитетов» бывших субъектов и возникновение ряда «горячих точек», что привело к падению престижа военной службы, которая из «почетной обязанности» превратилась в «наказание». По данным ВЦИОМ, лишь 15% молодых людей призывного возраста считали военную службу в армии необходимостью [3].

Двухтысячные годы ознаменовались снижением качества подготовки офицеров. Причиной тому явилось ослабление научно-педагогического потенциала вузов. По данным Управления военного образования МО РФ, большинство педагогов-ученых было сосредоточено в вузах Москвы и Санкт-Петербурга (до 80% докторов наук, 65% кандидатов наук). Значительное количество преподавателей с учеными степенями и званиями уволились с военной службы и перешли на гражданскую службу (в вузы, НИИ, бизнес, др. социальные институты). Таким образом, военные специалисты, имеющие яркие индивидуальные особенности, «унесли их с собой», не передав их тем, кто находится сейчас на «верхушке» системы военного образования. Поэтому можно считать, что формирование профессиональной идентич-

ности – это определенные стадии развития личности, и процесс этот не столько возрастной, сколько социально-исторический.

В настоящее время профессиональная идентичность рассматривается как длительный процесс внутреннего, субъективного плана, поиск человеком «своей» профессии и «себя в профессии», субъективной профессиональной роли в ней, определение для себя профессиональных позиций и перспектив, достижение их. Участвуя в учебно-профессиональной и в профессиональной деятельности, индивид не только приобретает адекватные представления о своей профессии и о собственных возможностях, но и активно развивает их. Формируясь как субъект профессиональной деятельности и формируя отношение к себе как к деятелю, он развивается как личность. Следовательно, профессиональное развитие – это одна из форм развития личности. Адекватность профессионального становления зависит, главным образом, от сложившегося в самосознании личности «образа» профессии, который определенным образом соотносится с образом «Я».

Профессиональная идентичность детерминирована профессиональным общением и профессиональным опытом, который репрезентируется через образ «Я». Поэтому профессиональная идентичность, по сути, аспект специфической интеграции личностной и социальной идентичности в профессиональной реальности. Исходным является самосознание, а «образ Я» является способом выражения профессиональной идентичности.

Таким образом, проблема идентичности возникает в плане реализации жизненной и профессиональной идеологии человека, в плане профессионализма и в плане реализации профессиональной подготовки специалиста.

Идентичность рассматривается как результат активного процесса, отражающий представления субъекта о себе, собственном пути развития, личностной определенности, тождественности и целостности.

Профессиональная идентичность определяется профессиональными ориентирами, выражающимися в ощущении субъектности своего труда, ответственности за него и в переживании собственной профессиональной самооценки.

Примечание

1. Божьева, О. «Армии шьют новую реформу» [Текст] // Московский комсомолец. – 29.10 – 5.11. 2008.
2. Эриксон, Э. Жизненный цикл: Эпигенез идентичности [Текст] // Архетип. – 1995. – № 1.
3. Охремчук, С. А ты хотел бы стать военным? [Текст] // Армейский сборник. – 2001. – №2. – С. 64–66.

УДК 94 (47)

Д.С. Павлова

К вопросу о порядке награждения чиновников местных финансовых учреждений в первой половине XIX века

Одной из разновидностей поощрения чиновников Российской империи XIX века было награждение государственными наградами. Особым знаком отличия считалось награждение орденом, так как «неопровергаемым доказательством благородства является то, что кавалерский орден особу украшал» [1]. Чиновников поощряли тремя высшими наградами: орденом Святой Анны, Святого Станислава и Святого Владимира. Во второй половине XVIII века, в период расцвета абсолютизма, когда происходило расширение прав дворянского сословия, ордена были знаком отличия и давали право представителям другого сословия претендовать на потомственное дворянство. Рассмотреть количество наград государственным служащим в последней четверти XVIII века затруднительно, так как главным источником информации по этому вопросу служат формулярные списки, которые в этот период заполнялись нерегулярно, ряд важных граф отсутствовал, единого стиля делопроизводства не существовало. Более полные данные предстают перед нами в первой половине XIX века, когда определяется официальный стиль делопроизводства.

© Д.С. Павлова, 2012

С 30-х гг. XIX в. ситуация меняется и с присвоением наград и орденов, так как с 1836 года любая степень всех трех орденов давала право на потомственное дворянство для всех сословий, до этого периода ограничения существовали для купеческого сословия и духовенства. С 1845 года награждение всеми степенями орденов Святого Владимира и Святого Станислава давало потомственное дворянство, ордена Святой Анны – только при первой степени.

Чиновникам финансового ведомства их вручали за исполнение конкретных поручений. Например, в Тверской казенной палате в 1827 году орденом Святого Владимира IV степени был награжден советник Павел Иванович Мухин за содействие Тульскому вице-губернатору при покупке вина для казенных питейных сборов по выгодным ценам. Через год по рекомендации Тульской казенной палаты он был награжден орденом Святой Анны II степени [2]. Интересна судьба губернского казначея Тверской казенной палаты Александра Даниловича Вунша. Будучи выходцем из обер-офицерского сословия, он сделал блестящую карьеру. В 1817 году он перевозил несколько крупных сумм: во-первых, он был послан с денежной казною в 2 млн. рублей к генералу-фельдмаршалу М.Б. Барклаю-де-Толли в Могилев. Во-вторых, в Москву было перевезено 3 млн. рублей из остаточного казначейства суммы, и, наконец, перевез 300 тысяч рублей в Лифляндскую казенную палату. Подобное рвение и ответственность не могли не остаться незамеченными, и решением Сената он был определен губернским казначеем с присвоением чина коллежского советника. Спустя семь лет, имея безупречный список, он был награжден орденом святого Владимира IV степени, а спустя несколько лет – орденом святой Анны III степени, получив статус потомственного дворянина [3].

Сохранение казны предполагало не только ее охрану от растраты, но и выявление преступных намерений у иных лиц и их пресечение. Тверской уездный казначей титулярный советник Петр Федорович Крыжов в свою бытность соляным приставом в городе Весьегонске поймал беглых дезертиров, явившихся под чужим именем для получения плакатных паспортов, предъявив вначале дезертира, а потом самого писателя фальшивого отпуска

в Весьегонский земский суд. Год спустя Петр Федорович «вычислил четырех солдат с разными заготовленными фальшивыми бланками, которых отправил при сообщении к Весьегонскому городничему, где по окончании расследования их отправили на службу» [4]. За усердие по службе и ответственность при выполнении своих обязанностей на тот момент коллежский секретарь Петр Федорович получил чин титулярного советника, а затем был награжден орденом Святого Владимира IV степени.

Орден могли присвоить также за успехи, проявленные в военных кампаниях. После Отечественной войны 1812 года в формулярных списках даже появляется графа о прохождении военной службы: «в комплекте ли находился человек или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени» [5]. Так, Ржевский уездный казначей, губернский секретарь Михаил Сергеевич Кашинцов, из дворян, был награжден орденом Святой Анны III степени во время войны против французов главнокомандующим польской армии графом Бениксеном, так как героически участвовал во многих кровопролитных сражениях: под Смоленском, на Бородино, в блокаде крепости Модлина и, наконец, в Лейпцигском сражении [6].

Сторож Кашинского уездного казначейства Тверской губернии Михаил Прокофьев, из крестьянского сословия, был награжден орденом святой Анны за участие в военных кампаниях в Польше, Австрии, Крыму. Присяжный Старицкого уездного казначейства Егор Иванов, из крестьянского сословия, за выслуженные положенные 30 лет был награжден орденом Святой Анны. Так же, как и присяжный Новоторжского уездного казначейства, Корнилий Тивлеев, из крестьянского сословия [7]. Присяжный Корчевского уездного казначейства Мартын Иванович Андрощенков, из крестьянского сословия, награжден орденом Святой Анны III степени за участие во взятии Измаила и в польской кампании. Во время службы присяжным был отмечен, «в хранении государственного интереса справедлив и поведения изрядного» [8].

В первой четверти XIX века, на примере Тверской казенной палаты, всего лишь 3,5% от общей численности чиновников

и канцелярских служащих имели ордена, в 85% – за участие в военных кампаниях. Были награждены орденами представители разных сословий, в основном чиновники дворянского сословия, занимавшие высшие должности финансового ведомства, и выходцы из крестьянского сословия, которые были удостоены орденов во время службы в армии, а выйдя на пенсию, устраивались при казенной палате и уездных казначействах присяжными, сторожами и вахтерами.

Дворянин	Крестьянство	Обер-офицер	Приказнослужители	Всего
8 (47%)	6 (35%)	1 (5,8%)	2 (11,7%)	17 (3,5 %) от 473

В целом, рассмотрев послужные списки чиновников, можно сделать вывод о том, что среди чиновников, имевших государственные награды за военные заслуги и гражданскую службу, отставные военные составляли более 60%, а на высших должностях финансового ведомства и до 75% в последней четверти XVIII века. К середине XIX века общее количество отставных военных чинов на гражданской службе, а также чиновников и служащих, имевших награды, неуклонно снижалось. Это может быть связано с наметившейся тенденцией изменения условий при назначении людей на вакантные должности. Если в конце XVIII века при подборе служащих на должность принцип «личной преданности государю» имел первостепенное значение, то к середине XIX века основным аргументом при назначении на должность был уровень образования и опыт работы.

УДК 94 (47)

А.Р. Хаиров

Трофеи русской морской славы

Во время русско-иранской войны (1804–1813) 23 июня 1805 года десантом с кораблей Каспийской флотилии под коман-

© А.Р. Хаиров, 2012

дованием генерала Н.Н. Завалишина (1 фрегат, 1 яхта, 4 галиота и 1 шкут) взят иранский порт Энзели на южном берегу Каспийского моря. В нем захвачено 3 судна и 8 фальконетов.

Во время русско-французской войны 1806–1807 гг. на Средиземном море 17 февраля 1806 года отряд командора Г.Г. Белли у крепости Бока-ди-Катаро взял 16-пушечную шебеку французского корсара. Фрегат «Венус» из отряда Белли овладел крепостями Бока-ди-Катаро и Кастель-Нуово, а 22 июня у побережья Далмации захватил французскую полушебеку. При занятии Бока-ди-Катаро капитаном-лейтенантом Сытиным взята шхуна «Экспедицион». Русско-турецкая война 1807–1812 гг. отмечена упорными боями на Черном и Средиземном морях. У Тенедоса 14 мая 1807 года взяли купеческий корабль. На Черном море у Анапы 29 апреля 1807 года корабли контр-адмирала Пустошкина взяли 2 турецких судна. В сражении у Афонского полуострова 19 июня 1807 года вице-адмирал Д.Н. Сенявин разгромил турецкий флот, при этом сожгли линейный корабль «Бешарет», 2 фрегата, убито 1100 человек, захвачен 84-пушечный линейный корабль «Сед-эль-Бахр» (в дальнейшем в составе Средиземноморской эскадры боролся с англичанами во время русско-английской войны 1807–1812 гг.), на нем захвачен вице-адмирал Бекир-бей и 774 пленных.

В 1810 году на Дунае гребная флотилия из 11 канонерских лодок и плавучих батарей разбила и пленила турецкую флотилию из 24 судов. На Черном море у Пандераклии отряд капитана 1 ранга М.Т. Быченского 24 июля 1811 года взял в плен турецкие 40-пушечный фрегат «Магубей-Сумбух» и 20-пушечный корвет «Шагин-Гирей». При взятии русскими войсками Силистрии 12 октября 1811 года там захватили турецкие перевозочные суда, что способствовало капитуляции турецкой армии при Руссуке.

На Балтике во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. шведский вице-адмирал граф Карл Олаф Кронстедт 26 апреля 1808 года сдал русским войскам Свеаборг, при этом лично передал русским флаг крепости и ключи от города. В Свеаборге захватили шведскую гребную флотилию из 100 судов: 26-пушечные гемамы «Гельгомар» и «Сторн Биорн», полугемаму

«Одуен», туруму «Ивар-Бенлос», 14-пушечный бриг «Комерстакс», 6 шебек, 8 яхт, 25 канонерских лодок, 51 канонерскую иолу, 4 канонерских баркаса, одну 12-весельную «королевскую баржу». У острова Судсало отряд капитана I ранга Селиванова 18 августа 1808 года взял небольшое торговое судно. Летом 1808 года русские крейсеры захватили 5 шведских транспортов и конвоировавший их бриг.

Во время русско-английской войны 1807–1812 гг. в августе 1810 года в Северном море при неудачном захвате русского судна был пленен английский отряд во главе с лейтенантом Гордоном Корбетом и взят 1 флаг. Во время русско-французской войны 1812–1814 гг. в Данциге в 1813 году захвачен французский вице-адмирал граф Дюмануар, в Голландии в 1813 году капитулировал перед отрядом казаков вице-адмирал Карл Генрих Верюель граф Севенаарский и захвачен французский вице-адмирал граф Лоран Жан Трюге.

Во время царствования Николая I крупные военные действия шли на Средиземном море. В 1827 году в ходе Наваринского сражения 6 октября союзный англо-русско-французский флот потопил турецко-египетский флот. Корабль «Азов» уничтожил пять кораблей врага, в том числе 80-пушечный линейный корабль командующего адмирала Мухаррем-бея. Линейный корабль «Гангут» расстрелял фрегат адмирала Патрон-бея, захватил и уничтожил брандер. Линейный корабль «Александр Невский» во время боя захватил в плен турецкий фрегат «Кейван Бахри» с 58 пушками (его сожгли, а флаг отправили в Петербург). Фрегат «Кастор» 21 февраля 1828 года у крепости Модон взял 20-пушечный корвет египтян «Насаби Сабах» (в начале ему оставили имя «Восточная звезда», затем под именем «Наварин» включили в Балтийский флот). В порту Миндры 28 февраля взяли каперов: 8-пушечный бот и 6-пушечную шхуну. Фрегат «Кастор» передал бот под командованием Грезотти греческому правительству. Линейный корабль «Царь Константин» 24 января 1829 года захватил в Архипелаге 14-пушечный египетский бриг «Кандия» (он вошел в состав Балтийского флота). 29 января 1829 года взяли 26-пушечный корвет «Львица».

Во время русско-турецкой войны 1827–1829 гг. интенсивные бои шли на Черном море. Поскольку многочисленные гражданские суда использовались турками как транспорты и была опасность превращения их в брандеры, многие из них пленили. Во время боев 6–11 мая 1828 года у Суджук-Кале путем вырезки захватили судно с десантом, а 8 мая капитан-лейтенант Стойников там же взял два судна с десантом. Капитан-лейтенант Утехов 11 мая 1828 года под Анапой захватил 1 судно. Капитан I ранга Завадовский под Браиловым 29 мая 1828 года руководил боем русской Дунайской речной флотилии из 16 канонерских лодок против турецкой флотилии из 23 судов. В результате турецкая флотилия была уничтожена: 1 судно сожгли, 1 судно потопили, овладели 12 малыми судами (4 шлюпа и 8 лодок). Лейтенант Немтинов 20 июня 1828 года под Анапой взял 3 турецких судна. Лейтенант Мелихов 26 июля 1828 года у Варны захватил 14 судов и 2 вооруженных баркаса. Капитан 2 ранга Черников на фрегате «Поспешный» 28 июля 1828 года у Мидии захватил 1 судно, 17 августа у Инады 1 судно захватил и 1 судно потопил. Крепость Варну взяли 29 сентября 1828 года, при этом захватили турецкого капудан-пашу (но царь отпустил его на свободу). Капитан-лейтенант П.Я. Сахновский на фрегате «Штандарт» и лейтенант А.И. Рогуля на бриге «Мингрелия» 25 апреля 1829 года у Шели взяли два и уничтожили 7 небольших неприятельских судов. В боях с 3 мая по 20 июля 1829 года у Силистрии капитан 1 ранга Патаниоти 2-й взял 150 судов.

В годы Крымской войны 1853–1855 гг. первый трофей был захвачен лейтенантом П. Щеголевым. Его пароходо-фрегат «Бессарабия» 4 ноября 1853 года возле Силистрии взял турецкий 4-пушечный пароходо-фрегат «Маджире-Таджирет» (в русском флоте служил под названием «Турок»). Пароходо-фрегат «Владимир» капитан-лейтенанта Г.И. Бутакова 5 ноября 1853 года у Варны захватил в бою турецкий 10-пушечный пароходо-фрегат «Перваз-Бахри» (в русском флоте носил название «Корнилов»). В сражении с турками в Синопской бухте 18 ноября 1853 года при разгроме эскадры противника взяли в плен командующего вице-адмирала Осман-пашу и 200 турецких моряков, захватили флаг уничтоженного турецкого флагманского фрегата «Ауни-

Аллах». У Одессы 30 апреля 1854 год сел на мель и захвачен в плен английский 3-пушечный пароходо-фрегат «Тигр» (его сожгли, сняв две пушки и флаги, тяжелое орудие поднято и установлено на набережной Одессы позднее). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. после взрыва на Дунае 29 апреля 1877 года русской батареей турецкого адмиральского броненосного корвета «Люфти-Джелиль» взяли его флаг. Затем были взяты три турецких монитора, а 13 декабря 1877 года захвачен военный транспорт «Мерсина» с 800 солдатами.

В XX веке русский флот сражался во многих войнах и конфликтах и приобрел морские трофеи. При подавлении боксерского восстания в Китае 4 июня 1900 года у форта Тахо захвачены 4 китайских миноносца (при разделе трофеев один миноносец достался русскому флоту, под названием «Лейтенант Бураков» он отличился во время осады Порт-Артура). В русско-японскую войну 1904–1905 гг. несколько транспортов у японцев пленила Петропавловская эскадра крейсеров. У Порт-Артура 13 марта 1904 года захвачен пароход «Хайен-Мару». Пятиствольная пушка с японского судна была снята и установлена на эсминце «Стерегущий».

В годы первой мировой войны в Балтийском море при попытке прорыва в Финский залив сел на камни и затонул немецкий крейсер «Магдебург» (русские водолазы подняли с него документы). В Черном море 21 марта 1915 года у Одессы подорвался на минах и затонул турецкий крейсер «Меджидие» (его подняли и под названием «Прут» ввели в состав русского флота). Русская подводная лодка «Морж» захватила 25 мая 1916 года турецкий бриг и двухмачтовую шхуну «Бельгузар». Подводная лодка «Тюлень» захватила турецкий парусный клипер, а 11 октября 1916 года с боя взяла турецкий вооруженный двумя пушками транспорт «Родосто» в 6000 тонн водоизмещения и артиллеристами с немецкого крейсера «Гебен». На Балтике трофеи получили после потопления в ноябре 1916 года на минах в Финском заливе 10-й флотилии немецких миноносцев. Предметы с семи погибших миноносцев (У-71, У-72, У-75, У-76, С-57, С-59, С-90) украсили морской музей.

Во время гражданской войны 1918–1921 гг. преемник российского – советский флот одержал новые победы. В Копорском заливе 4 июня 1919 года миноносцы «Азард» и «Гавриил» потопили английскую подводную лодку «L-55» (в 1928 году ее подняли и включили под тем же названием в Балтийский флот). Миноносец «Гавриил» 18 августа 1919 года у Кронштадта потопил 3 английских торпедных катера «Торникрофт» (один через несколько дней был поднят, по его типу строили многие советские минные катера), выбрали 9 плененных, в том числе 3 офицеров-лейтенантов Бремнера, Нэпира, Хотин-Гидди. На Черном море в мае 1920 года плавучая батарея № 1 подбила французскую канонерскую лодку «Ла Скарп», которая спустила флаг (ее вернули французам).

Еще 28 апреля в Баку сдались канонерская лодка «Гречия» и баржа «Терек» с запасом мин, вспомогательный крейсер «Австралия» и вспомогательное судно «Часовой» подняли красные флаги. На Каспийском море в мае 1920 года захватили порт Энзели и пленили белогвардейский флот (10 вспомогательных крейсеров, 9 военных транспортов и плавучих баз: «Кама» – плавучая база торпедных катеров с 4 катерами, авиатранспорт с 4 гидросамолетами и 7 транспортов – кораблей танкерного и пассажирского флота). Среди трофеев числится много «шхун» – самоходных стальных наливных судов водоизмещением до 2000 тонн, 50 орудий, 20000 снарядов, 6 гидросамолетов, 20 радиостанций. Добровольческим флотом на Каспии командовали контр-адмирал Сергеев и капитан 2 ранга Бушен, но в 1918–1919 гг. флотом Каспийского моря командовал английский коммодор Д.Т. Норрис (затем он уехал главой морской миссии в Тегеран, а в Энзели оставил 50 моряков английского флота). На флагманском корабле «Президент Крюгер» взяли «атаманский знак» атамана Л.Ф. Бичерахова (был генералом английской армии).

Советская Амурская флотилия 12 октября 1929 года, войдя в реку Сунгари, разгромила во время конфликта на КВЖД китайскую Сунгарийскую флотилию, при этом заняли город и крепость Лахасусу. 31 октября советская флотилия подошла к Фугдину, уничтожила остатки Сунгарийской военной флотилии адмирала Шена (китайцы потеряли 11 кораблей), взяли плавучую

чую батарею «Дунь И» с 4 пушками, 40-мм автоматом, 4 минометами.

После начала второй мировой войны советская Днепровская флотилия вошла в реку Припять. Польская военная флотилия на реке Припять представляла значительную силу, но сопротивления не оказала и 18 сентября 1939 года затопила свои боевые корабли. При обследовании реки Припять обнаружили более 35 пароходов, барж и вспомогательных судов, 8 мониторов, 18 бронекатеров (их подняли, в том числе мониторы «Пинск» и «Торунь», ввели в строй и в состав Днепровской флотилии, ставшей Пинской флотилией). В ходе советско-финской войны 1939–1940 гг. эсминец «Грозный» в Финском заливе задержал финский транспорт «Айво». В марте 1940 года советской стороне достался финский ледокол «Ааллак» (в Отечественную войну он стал канонерской лодкой «Шексна» в Ладужской военной флотилии). Финский пароход «Аунус» в ладожской военной флотилии стал тральщиком ТЩ-100 с двумя 45-мм пушками. После присоединения республик Прибалтики к СССР их флоты вошли в состав Балтийского флота, в том числе две подводные лодки (из них подводная лодка «Лембит» прославилась в войне с фашистами). Из Эстонии вернулись 6 августа 1940 года захваченные в гражданскую войну эсминцы «Автроил» и «Спартак», ледокол «Вольнец».

Отечественная война 1941–1945 гг. отмечена победами нашего флота и новыми трофеями. В 1942 году на Ладоге подбита немецкая десантная баржа типа «Вибель» с орудиями (она вошла в Ладожскую военную Флотилию как ДБ-51). На Балтике 21 августа 1944 года потопили 4 миноносца немецкой флотилии «Пантера», в плен взято 107 человек вместе с командиром капитаном Копенгагеном. В Финском заливе 30 июля 1944 года потопили немецкую подводную лодку «U-250», в плен взяли 6 моряков с командиром капитан-лейтенантом Вернером Шмидтом (лодку подняли, нашли там акустические самонаводящиеся торпеды).

На Черном море сдалась и перешла на сторону антигитлеровской коалиции Румыния. 27 августа 1944 года советская Дунайская флотилия в Тульче взяла в плен корабли румынской

Дунайской флотилии (монитор «Ион Братиану», большие десантные баржи № 404, 405, 406, сторожевой катер №1, 9 вооруженных буксиров и морских тральщиков). В Измаил пришли румынские мониторы «Бессарабия», «Буковина», «Ардеал» и «Александру Лохавари», тральщик, два катера-тральщика, штабной корабль, буксир, сухогрузная баржа, плавучий кран и учебное парусно-моторное судно.

30 августа в Констанце капитулировал румынский флот. Сдались четыре эсминца: старые «Марасешти» (в Черноморском флоте назван «Легкий», возвращен Румынии в конце 1945 года) и «Марашти» (в Черноморском флоте назван «Ловкий», возвращен Румынии в конце 1945 года), новые «Регина Мария» (в Черноморском флоте назван «Летучий», возвращен Румынии в 1951 году) и «Регеле Фердинанд» (возвращен Румынии в 1951 году), три миноносца: «Сборул», «Иалуна», «Смеул», три подводные лодки: S-1 «Решинул» (возвращена Румынии в 1951 году), S-2 «Марсунул» (получила название ТС-2, отправлена на слом в Потти в 1950 году), «Дельфинул» (возвращена Румынии 12 октября 1945 года), два минных заградителя: «Сететеа Альба» и «Амирал Мургулеску», три малых канонерских лодки: «Сублокотитенент Чугулеску», «Капитан Думитреску», «Локотенент – командир Стини Евген», три торпедных катера: «Сисковул», «Вифорул», «Внелиа», 6 катеров.

В Варне 9 сентября захвачены четыре малых миноносца (бывшие патрульные суда «Храбрый», «Смелый» и «Строгий», 100 тонн водоизмещения и вооруженные двумя 47-мм пушками), два минных заградителя (по 700 тонн), 7 торпедных катеров, 7 катеров-тральщиков, танкер (3000 тонн), 2 транспорта (по 700 тонн), 4 десантных корабля, 6 тральщиков, танкер и плавмастерская. Все румынские эсминцы, подводные лодки, мониторы и другие суда вошли в состав Черноморского флота и советской Дунайской флотилии (мониторы вернули Румынии в 1951 году).

30 августа 1944 г. в Констанце нашли переданные румынам 4 итальянские сверхмалые подводные лодки: СВ-1, СВ-2, СВ-3, СВ-4. 20 октября 1944 г. их включили в состав Черноморского флота под названиями: ТМ-4, ТМ-5, ТМ-6, ТМ-7 (трофейные малые). 16 февраля 1945 г. из Черноморского флота их ис-

ключили: ТМ-4 пустили на слом, ТМ-3 отправили в Ленинград для изучения в Конструкторское Бюро, ТМ-6 и ТМ-7 передали в отдельный дивизион Черноморского флота.

Авиация флота потопила много боевых кораблей противника, в том числе линкор «Шлезинген», крейсер ПВО «Ниобе» и линейный крейсер «Лютцов» (взяты как трофеи флаги «Шлезингена», «Лютцова» и флаг немецкого командующего флотом). При занятии Данцига захватили 32 немецкие подводные лодки. В мае 1945 года при штурме Берлина в плен взяты бывший главнокомандующий германским флотом гросс-адмирал Эрих Редер и адмирал Ханс Эрих Фосс. А капитуляцию Германии в Карлсхорсте подписал от флота генерал-адмирал Ханс Георг фон Фридебург (он покончил с собой после ареста правительства Деница).

На Черном море и на Дунае из числа быстроходных германских транспортов типа F (MFP) в состав Черноморского флота под названием больших десантных барж вошли: F-128 (взят в Варне в 1944 году, назван БДБ-12), F-139 (капитулировал на Дунае 8 мая 1945 года), F-176 (потоплен и поднят в 1944 году, назван БДБ-13, исключен в 1959 году), F-312 (в районе Варны в 1944 году поднят, назван БДБ-8), F-328 (поднят в 1943 году у Железного Рога, назван БДБ-1), F-405 (захвачен в Варне в 1944 году, назван БДБ-10), F-406 (захвачен в 1944 году под Очаковом, назван БДБ-2, исключен в 1961 году), F-448 (поднят у Варны в 1946 году, назван БДБ-67), F-471 (потоплен и поднят на Дунае в 1944 году, назван БДБ-21), F-495 (захвачен в Варне в 1944 году, назван БДБ-11), F-570 (поднят у Варны в 1946 году, назван БДБ-68, служил до 1956 года), F-571 (потоплен и поднят у Систово), F-575 (захвачен в Систово в 1944 году, назван БДБ-20), F-848 (поднят в 1944 году под Варной, назван БДБ-3, служил до 1960 года), F-851 (захвачен в Варне, назван БДБ-4, служил до 1965 года), F-852 (захвачен в Варне в 1944 году, назван БДБ-5, служил до 1965 года), F-894 (взят в 1944 у Варны, назван БДБ-29, исключен в 1958 году), F-901 (захвачен в 1944 году, назван БДБ-6), F-902 (захвачен в 1944 году, назван БДБ-7), F-1021 и F-1024 (захвачены в 1945 году в Линце, введены в состав Черноморского флота).

При разделе немецкого трофейного флота в 1947 году СССР получил 656 военных и гражданских кораблей, в том числе 155 боевых кораблей (всего союзникам досталось 500 боевых кораблей и 30 подводных лодок, а также 1339 вспомогательных судов). Советскими стали крейсер «Нюрнберг» (под именем «Адмирал Макаров» служил в ВМФ СССР до 1954 года), 4 эскадренных миноносца, 6 миноносцев, 10 подводных лодок, 44 тральщика, 30 торпедных катеров и др., а также грузовые корабли и лайнеры (один из них под названием «Адмирал Нахимов» был в Черноморском пароходстве). Был захвачен недостроенный авианосец «Граф Цеппелин» (его разобрали на металл). При разделе итальянского флота в 1947 году к СССР перешли 33 корабля, в том числе линкор «Джулио Чезаре» (под названием «Новороссийск» стал флагманом Черноморского флота), крейсер «Дюк де Аоста» (в СССР назван «Сталинградом», потом «Керчь»), 2 эскадренных миноносца, 3 миноносца, 2 подводные лодки, 11 различных катеров.

В 1945 году СССР победил Японию. Советские войска заняли японские базы: на Сахалине и Курильских островах, Порт-Артур, Порт Дальний, в Корее порты Нанкин, Расин и Сейсин. В Порт-Артуре сдался вице-адмирал Кобаяси, в Гензане пленен контр-адмирал Хори. В Чите в лагере для военнопленных оказалось 6 адмиралов. В ходе военных действий в Китае пограничники уничтожили 2 парохода, взяли 3 баржи и 1 пароход. Амурская военная флотилия провела основные бои: 2 августа советские бронекатера БК-63 у села Саратовка взяли японский пассажирский пароход, на нем 79 японцев, в том числе 2 офицера и 13 солдат. На Амуре захватили буксирный пароход и сухогрузную баржу. 11 августа взяли японский пароход. 13 августа на озере Малый Ханко захвачены 26 десантных мотоботов и знамя пограничной комендатуры. 18 августа 1945 года в Саньсине Амурская флотилия взяла 5 буксирных пароходов, 2 земснаряда, пароход, 19 барж.

Трофеями Амурской военной флотилии в Харбине 19 августа 1945 года стали почти все корабли японской Сунгарийской военной флотилии, в том числе: 4 башенных канонерских лодки «Шунтен» и «Йомин» (по три 120-мм пушки в 2 башнях и три

спаренных 13,2-мм пулемета), «Чин-Чен» и «Тинг-Пиен» (по три 127-мм пушки и три спаренных 13,2-мм пулемета), три колесных канонерских лодки «Чиан-Тунг», «Чиан-Пиен» и «Чианг-Чинг» (на них по одной 76-мм пушке и 4 пулемета), 9 бронекатеров, в том числе «Си-Чун», «Ианг-Чун», «Синг-Йа», «Син-Чен» (на них по одной 75-мм пушке и одному 37-мм зенитному автомату с двумя 13-мм пулеметами), «Татунг» и «Лимин» (по одной 75-мм пушке, одному 13,2-мм и одному 7,62-мм пулемету); 8 сторожевых катеров: в том числе «Вей-Минг», «Чей-Минг», «Чен-Чиен», «Сиао-Чианг» (по одному 37-мм орудию и одному пулемету), «Шюнцю» и «Каконо Е» (по одной 37-мм пушке и одному пулемету), остальные катера вооружены двумя пулеметами; 30 буксирных пароходов, 20 грузопассажирских пароходов, в том числе бывшая канонерская лодка «Рисуй» (две 70-мм гаубицы и 4 пулемета), много барж и других плавсредств (Сунгарийскую флотилию передали КНР). Пленили командуящего Сунгарийской японской флотилии китайского генерал-лейтенанта Цао Бин Сэн (в японской флотилии только треть личного состава были японцы, остальные – маньчжуры из Маньчжоу Го).

Из японского флота к СССР перешли при разделе трофеев 7 эскадренных миноносцев: «Сии» (под названием «Вольный» служил до 1960 года), «Хатсузакура» (под именем «Выразительный» служил до 1958 года), «Кири» (под именем «Возрожденный» служил до 1969 года), «Койя» (под именем «Волевой» служил до 1959 года), «Харутзуки» (под именем «Внезапный» служил, потом переделан в учебное судно «Оскол», списан в 1969 году), «Киджи» (под именем «Внимательный» служил до 1957 года), «Хибуки» (под именем «Верный» служил, потом переделан в учебное судно «Декабрист», списан в 1953 году); 17 эскортных кораблей типа «Кайбо-Кан»-1 и «Кайбо-Кан»-2, три малых вспомогательных тральщика, два малых минных заградителя, охотник за подводными лодками, тральщик.

Военно-морские силы Российской Федерации стали достойными преемниками славы предшественников. Они участвовали в операции по принуждению к миру Грузии в августе 2008 года. Трофеями стали фрегат и 16 катеров различного назначе-

ния, в том числе ракетный, три патрульных и катер для высадки десанта.

Мы постарались подробно перечислить трофеи нашей страны в морских и речных сражениях, чтобы максимально достоверно показать вклад военно-морских сил в защиту Родины и их успехи на этом поприще. Это позволяет обоснованно гордиться заслугами моряков России.

Примечания

1. Начало см.: Вестник Верхнее-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. Выпуск X [Текст]: материалы научной конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 268 с.

УДК 94 (47+57)

В.Т. Анисков

Анти-вылцан не даст осквернить подвиг

Не так просто было для нас вынести на откровенный суд истории столь острый сюжет, напрямую связанный с именем многие годы близкого и уважаемого М.А. Вылцана. Но пусть простит сию дерзость сама Жертвенно-Выдающаяся честь нашего историко-миссионерского предмета исследования. Думается, основоположники марксизма нас бы поняли. Тем более Ф. Энгельс с его великим Анти-Дюрингом и печально забываемом по сей день суждением по поводу особенной и исключительной роли русского общинного крестьянства.

Михаил Августович, одногодок по рождению (1928), – выходец из сибирской деревни. После университетского Томска – Москва: Институт истории АН СССР. Затем до конца советских дней ИРИ РАН в стабильной должности старшего и ведущего научного сотрудника. Кандидатская и докторская диссертации соответственно были защищены по темам создания и упорочения колхозного строя в довоенные годы. Им следовали две

© В.Т. Анисков, 2012

подобные авторские монографии: «Советская деревня накануне Великой Отечественной войны» (1969); «Завершающий этап создания колхозного строя» (1976). Заметные во времени книги послужили тому, что к середине 1980-х их автор уже стал не только ответственным редактором 3-го тома («Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938 – 1945»), но и членом редколлегии всей серии пятитомника («История советского крестьянства»). Издание осуществлялось Институтом истории АН СССР.

Но Ваш автор, уважаемый читатель, одновременно был приглашён на уровень реально работающего зам. редактора 3 тома и основного исполнителя его содержания по истории крестьянства военных лет. В действительности, на меня к личному удовольствию легла также задача написания «введения» и «заключения» этого центрального тома данной серии. Да и в самом томе, без каких-либо условных допусков, В. Анискову принадлежит 7 из 9 его составных частей.

Неравнозначная взаимность тогда не смущала нас обоих: М.А. – полной свободой маневра, В.Т. – такой же полнотой научного творчества, связанной к тому же с изданием двух пятитомников по истории Сибири и Д. Востока как таковых; тем более по истории крестьянства столь несравненных регионов. Надёжной апробацией ответственных тем послужили и собственные параллельные монографические работы, в том числе и первый в нашей исторической литературе труд книжного формата: Анисков В.Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. – М.: «Мысль», 1979 (тир. 87 тыс. экз.).

Очень не хотелось, чтобы подобные наши суждения невольно смещались в сторону даже отдельных воспоминаний, тем более не давали повод для какой-либо амбициозности. Потому и позвольте напомнить всего лишь один, далеко не единственный факт. В 1985 г. в адрес ректора ЯрГУ Г.С. Миронова пришло письмо из Новосибирска: «Учёные СО АН СССР завершили подготовку и издание пятитомной «Истории крестьянства Сибири» с древнейших времён до наших дней. В написании этого капитального труда (общий объём 200 п.л.) приняли участие историки вузов страны, в их числе профессор Ярославского уни-

верситета В.Т. Анисков. Будучи членом Главной редакции пятитомника, ответственным редактором четвёртого тома и автором ряда глав, он внёс большой вклад в его создание.

В связи с завершением работы над многолетним исследованием Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР выражает глубокую благодарность профессору В.Т. Анискову и просит довести нашу признательность до Совета Ярославского университета». Подписано директором Института ИФФ СО АН СССР академиком А.Д. Деревянко¹.

Не прошло и двух лет (1987), как последовало издание 3 тома «Истории советского крестьянства» (тир. 8,5 тыс. экз.), объём 45 п.л. Книга выходила без каких-либо принципиальных разногласий, тем более с М. Вылцаном. Реализовывалась всюду по Союзу, в основном по подписке ценою 3 рубля 30 копеек в прекрасном полиграфическом исполнении. Вместе со всем пятитомником она быстро, прочно и доступно заняла своё ставшее классическим место.

И по сей день невозможно увидеть заметное издание или диссертацию по соответствующей проблематике без значимых ссылок на наш том. Хотя заметим и следующее: абсолютно нарастающее их количество, в том числе и по сибирским пятитомникам, носит так называемый «глухой» характер с исключением авторской принадлежности заимствованного. В научном отношении такое недопустимо. Особенно в нашем случае, когда уже вскоре и в последующем авторско-редакционном составе предмета сносок произошли существенные, а то и взаимоисключающие методологические изменения.

Тем самым мы напрямую подошли к заявке, сформулированной в названии очерка.

В 1995 г. представлявший единомышленным соратником М. Вылцан молча, буквально на ходу подложил мне свою шуплую в 80 страниц книжонку. Ту самую, о «Крестьянстве России

¹ Ныне Анатолий Пантелеевич – Чл. Президиума, поед. Объединённого учёного Совета по гуманитарным наукам СО АН СССР/РАН, Акад.-секр. Отделения ист.- филол. наук РАН.

в годы большой войны 1941–1945. Пирровой победе». На лицевой стороне титула значилась весьма обдуманная с творимым надписью: «Виктору Анискову – «патриарху» проблемы от «инока-раскольника» со смирением, уважением и почитанием. 5. XII. М. Вылцан». Книга издана Московским отделением Российского научного фонда. О её заданном характере свидетельствует поимённый редакционный совет РНФ, превышавший десяток знакомых лиц.

Потому подобная фривольность в виде прежнего товарищества уже совсем не подходила – это понимал и Михаил... На первой же странице он пишет, что к 50-летию Победы накопилась целая библиотека по историографии советской деревни военных лет, но в ней «отдельной ценностью» выделяются «монография Ю.В. Арутюняна и книги В.Т. Анискова». Благо-склонно, хотя и без собственного имени, упоминается и третий том истории советского крестьянства – зачем признаваться во вчерашнем? Желтизна всё замажет!

Не сумеет – поможем «новизной», ибо в целом имеющаяся литература по проблеме устарела, так как «носит печать идеологических наслоений того времени, когда всё и вся должно было объясняться преимуществами социалистической системы хозяйства». Ну перечеркнул ли всё свое горячее фронтовое трудовое детство, бросил в топку свои взрослые убеждения и академические книги, втоптал ни во что известное имя... Сбежал без малого 15 лет тому из НИИ РАН, чтобы стать героем цветного времени, не хватает одного: в Интернете заявить о снятии с себя всех научных степеней и званий, фарисейски полученных при Советской власти.

Вы же продолжаете хвастаться «новизной» архивных материалов Сельхоз-отдела ЦК ВКП(б), тогда как в листках их использования задолго до того первой возникла наша подпись. Там же М.А. подчёркивает, что написанная им книжка выполнена-де «в жанре конкретно-исторического доклада». Но тем хлеще: напрямую извращать фактуру – значит умышленно творить пакость, быть преступником!

В Башкирии в ноябре 1996 г. в ходе обсуждения нашего пленарного доклада родилось весьма сущностное название це-

ленаправленного отпора лжеусилиям Вылцана. И потому почти одновременно в Вологде увидел свет соответствующий комплексный сборник «О бедной деревне замолвите слово...», опять-таки связанный с теми же изобличениями заданных потуг М.А.

Признаюсь: нелегко было склонить себя и других солидарных авторов к столь необычной публикации. «Не поднималась рука», казалось: огорчать давным-давно близкого человека – десятилетия трудились в одной упряжке. Как не вспомнить Плеханова: «Лучше пулю в лоб, чем стрелять по своим!» Ничто не предвещало «смены вех». В канун 50-летия Победы обсуждали даже возможность переиздания 3-го тома «Истории советского крестьянства» соавторской монографией. И вдруг...

И всё же иногда чувство устойчивой горечи сменялось восприятием единичной случайности, даже недосмотренности. И сам Михаил при последней встрече показался в какой-то мере осознавшим «свою проказу», заявив, что впредь он отходит от этой проблематики. Заявив даже о том, что вовсе не настаивает на снятии моей о нём критической рецензии из второго, ещё более развернутого тематического выпуска «Война и судьбы российского крестьянства» под авторством и составительством Анискова. Пусть-де останется достоянием историографии».

Но слово своё Вылцан не сдержал, хотя редкие, мелкие, обычно соавторские его публикации выглядели как никчемные выхлопы. Политический дым исключал любые компромиссы. Особо при последующем раскладе социально-политических реалий в стране и в мире. Преднамеренная клевета и «профессиональная» ложь перестали даже прикрываться фиговыми «аргументами» типа «цены победы» или «беспаспортного крепостного угнетения» колхозного крестьянства, «благодаря которому» мы, мол, и разгромили «преходящий фашизм». Потому ныне нам не нужны не только паспорта, но и трудовые книжки вообще – их заменят водительские удостоверения, считает, например, небезызвестная И. Хакамада.

Более «свободной личности» не сыскать. Впрочем, как сказать. Подобным же образом ныне ведут себя заглавные сторонники свободы «научного слова» и интеллектуальной частной

собственности. В их руках не только мощнейшие издательские центры всех мастей, а главное – отменное право «тащить, и не пущать». Мы с благодарностью вспоминаем и гордимся электронным выпуском нашей инновационной книги в московском издательстве «Памятники исторической мысли» (2003), осуществлённым при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, той самой «Крестьянство против фашизма».

Но с непреходящей памятью вспомним и то, что у порога выхода в свет этого издания находился действительно классического ранга советский академик В.А. Янин. Тот самый Валентин Лаврентьевич, лауреат Ленинской и Сталинской премий, затем Член Президиума РАН, а с 1996 г. и до конца своих дней – Председатель совета РГНФ. Но даже он как-то подметил: «Они прозевали с задержкой вашей книги о крестьянстве против фашизма...». То есть те, кто столь умышленно побудили М. Вылцана и ему подобных так отчаянно-непроходимо разделаться с самим собой.

Что до нашей искренне честной работы, то дважды, как представляется, её оригинал-макет становился жертвой так называемых «договорных» дел в РГНФ, которые уже не раз комментировались в серьёзной печати. Даже высочайший авторитет академика А.П. Деревянко, допуская, не мог изменить ситуацию. Но очень радуется и обнадёживает другое: именно к 65-летию Победы в только что вышедшей неординарной «Исторической энциклопедии Сибири», исполненной под руководством Анатолия Пантелеевича Деревянко, в персональной статье (Т.1, с.114-115) наше участие в подготовке обобщающих трудов, прежде всего, по истории советского крестьянства, в том числе Сибири, отнесено к фундаментальному научному вкладу.

Он, этот задел, стал методологической основой книги «Крестьянство против фашизма» и её полной «антивылцанности», причём в абсолютном большинстве означенных сюжетов. А самому автору без перечисленческих повторов хотелось бы отдельное внимание обратить на те 2–3 коллизии, далее вовсе нетерпимых в историографии нашего военного и сопредельного села.

Первая связана непосредственно с самим Вылцаном. Упрекая теперь уже давних своих коллег по проблеме – в первую голову Арутюняна, Анискова, – он призывает их и других не иначе как к иной, напроць отрицательной оценке роли колхозов в то и последующее время. Он, конечно, о собственном оценочном вкладе в тематику нашей коллективизации ни разу в том не обмолвился и никого не упрекнул из числа тех, кто по сей день и вместе с ним «прикрывается» прежним большим зонтом, например, пятитомником о советском крестьянстве. И в своём поползновении на антинаучную непорядочность, каким стала книжка о крестьянстве в годы Большой войны, М.А. позволил библиографам единственное – сменить в названии прописную букву на заглавную. «Пиррова победа» такой и осталась – никчемной – ославился, бедный!

Слава действительно «заслуженная». Плохо другое. В моей библиотеке сотни одних лишь дарственных изданий разных форматов, достоинств, времени обретения и возрастов авторов, разумеется, большинство из них связано с их личными научными интересами. Среди них немало изначально поверхностных, однако большинство отличаются широтой и глубиной охвата, документальной и системной озабоченностью, отсутствием явно-преходящих идеологических начал, а то и их разумной защищаемостью.

К числу таких хотелось бы отнести монографию кубанского историка-обществоведа, заслуженного работника народного образования Республики Адыгея, автора других публикаций по истории Северного Кавказа периода Великой Отечественной войны К.Г. Ачмиза. Это его исследование проникновенным вниманием обращено именно к «Поколению сороковых. Трудовому подвигу сельской молодёжи» в борьбе с фашизмом (Майкоп, 2006). К тем самым «детям войны», к их трудовым подвигам, от которых никак не отнимешь и автора сих полугрустных слов.

Их не смягчают даже слова Казбека Гучиновича в мой адрес и изданий о «жертвенном подвиге советской деревни». «Пока Вы есть и пишете свои замечательные труды, наша Великая Победа не померкнет!» Пожалуй, если наряду и вместе с мо-

им именем собственным исчезнут хотя бы беспринципные упоминания «героев пирровой победы».

А тем временем в той же увесистой работе, и после того что со времени выпуска пасквиля Вылцана минуло много-много лет, мы читаем: «Несмотря на ценность и уникальность отдельных исследований (монографии Ю.В. Арутюняна, М.А. Вылцана, книги В.Т. Анискова и др.), в целом имеющаяся литература по истории крестьянства во многом устарела...». Да уж !? (см. с. 17 и др.). Какая же там «уникальность», когда на обложке «пирровой» вместо Красного Знамени с серпом и молотом размещился известный триколор даже без Андреевского стяга.

Главный свой стяг против колхозов Вылцану велено опускать ниже Столыпина. «Общинное владение, – цитирует он С.Ю. Витте, – есть стадия только известного момента жития народов; с развитием <...> оно неизбежно должно переходить в индивидуализм». Продолжая царского классика политической жизни, М.А. конкретизирует напрямую: «Российское многострадальное крестьянство несло и несёт «крест» своей трудной и горькой судьбы для того, чтобы возродиться в фермерстве, могущем внести свою лепту в спасение России» (с. 71).

Приехали: фермеров задушили как и колхозников. И от деревни в целом остались одни порушенные амбразуры – сравнимые разве что с последствиями нашествий фашистов на оккупированной земле. А наша современная искренняя печаль всё больше и с каждым годом проявляется в ощущении необратимости сотворенного. Какое уж там недавнее «полукрепостное» колхозное бытие? Теперь подавай «современное» индивидуальное поместье, которое так называемое сельское полукрепостничество заменит полным социальным рабством. Жертвенный, да еще осознанный советско-православный подвиг наших воистину священных крестьян сказкой уходит в российскую историю. Но не для вылцанистов, среди которых порождаются и совсем нынешние.

Перед нами автореферат кандидатской диссертации А.Ю. Викторова «Колхозное крестьянство Кузбасса в годы Великой отечественной войны...», защищавшейся в Томском (!) университете в декабре 2011. То есть там, где 43 года тому назад

обретал свою докторскую и ваш В.Т. Потому не наша общая забота высказывать в её адрес целостную оценку. Пр процитируем лишь начальную фразу означенного автореферата: «В жесткой схватке с фашизмом ярко раскрылись как сильные стороны советского общественного и государственного строя, так и отчётливо обнаружили пороки тоталитарного политического режима. В том и актуальность темы исследования».

Дальше можно бы не цитировать, но приходится: «Выполняя требования военного времени «Всё для фронта, всё для победы!», труженики села жертвовали собственным благополучием (значит, оно всё-таки было) и обрекли себя на серьёзные трудности в последующие годы». Социальный урок – можно было и не столь жертвовать, дабы удешевить победу! Ан нет. Вскользь миновав ряд действительно монографических и современных трудов предшественников, заложивших основы разработки проблемы, диссертант куда как более акцентированно напоминает, что еще в 1995 г. «вышла в свет монография М.А. Вылцана о крестьянстве (вновь с прописной) в годы «большой войны и пирровой победы».

При сём и полностью солидаризируясь, совершенно справедливо называя крестьянство многострадальным классом, резко отрицательно рассматривая командно-административные методы управления деревней, новый автор, как и его московский «классик», трудовые и иные достижения крестьян военных лет объясняет исключительным их «страхом перед партийно-государственными органами». Согласившись с подобным на прямую, начинающий аграрник из Кузбасса даже заслуживающие внимания суждения приводит в явные противоречия, в том числе и вовсе не новаторски позаимствованные у предшественников.

* * *

Не создало бы у Вас, дорогой читатель, того наносного, пусть даже случайно-извинительного соприкосновения с теми заданными выхлестами, которые беспардонно-назидательно продолжает навязывать современникам так называемая вылцанищина, это вовсе не личное понятие, а несущее антигражданское явление. Оно пока не страшно, но может стать непреходяще

опасным, если должным образом не взять его на вооружение историографии социалистической ориентации. Тем более, что нечаянно заблудившихся лелеют и подкармливают – и не только с обратной стороны, а и в ВАКе, Минобрнауки, РГНФ...

Но и наших сторонников исторической правды объективного склада не убывает. Не станем повторно называть свои же труды предшествовавших лет и десятилетий – поверните назад некие страницы хотя бы этой книги. Они персонально и многоотомно-коллективно с успехом выходили в обеих столицах СССР и РСФСР, в северном Приволжье и южном Приуралье, в Западной и Восточной Сибири, включающей в себя и Дальний Восток. Не опуская уже краеведческие родные – Алтайский край и Ярославскую область.

Отдельно вспомним Приморье и Владивосток – очень приятно и очень печально. В обоих случаях связанных поименно с академиком АН СССР А.И. Крушановым и академиком МАН ВШ Ал.П. Деревянко – старшим братом Ан.П. – однофамильцем. Александра Ивановича забываемо благодарю за то, что он давным-давно с самых Владивосточных берегов Великого Океана прибыл в Томский университет в качестве официального оппонента на защиту моей докторской Диссертации. Именно тогда, когда не было и не могло стать никакой-то «вылцанщины» – даже у её антинаучного проходимца. Алексея Пантелеевича – наоборот: будучи зам. директора Дальневосточного отделения РАН в самый разгар аграрного отступничества, он среди студентов и аспирантов Приморья организовал специальные семинары по изучению моих книг о крестьянстве собственно по Сибири и Дальнему Востоку. С радостью поддержал новыми изданиями².

Завершить очередной очерк об «Анти-Вылцане» формально можно, например, упоминанием того, что его предшественник в лице Е. Дюринга физически дожил до 1921 г., то есть до провозглашения в Советской России НЭПа. Что, надо пола-

² Печаль оказалась неожиданной: Андрей Иванович оставил нас в полном развороте творческих сил; Алексей Пантелеевич – в их ярком расцвете.

гать, могло бы стать для него неким политическим облегчением. Хотя в глубинном научном смысле Ф. Энгельсом с участием К. Маркса он в своё время был разгромлен начисто. Позже подобным утешением мог стать его куда более «достойный» ученик – ревизионист Э. Бернштейн, которого напрочь социально исхлестал уже сам В. Ленин. К тому же, к своему несчастью, и этот заглавный теоретик суперимпериализма скончался в 1932 г., когда Советский Союз успешно развертывал свою вторую пятилетку после небывалой в мире массовой коллективизации крестьян. Колхозно-совхозная деревня в сущности исходно-предреши́нно готовилась к защите своего нового Отечества как от нависшего над всем миром фашизма, так и суперкризиса 1930-х. «Пиррова победа» не могла быть для нас ни на Западе, ни на Востоке.

Но как бы она не случилась окончательно теперь. Вести ныне речь о каком-то «полукрепостничестве» наших крестьян военного времени – трижды заведомо лживо и провокационно. А вот о современном селе наиполнейшего бесправия – как бы таить ещё какую-то восстановительную надежду. И прав Г.А. Зюганов:

«Крестьянству, на долю которого в последние 20 лет выпали самые тяжёлые испытания, будут предоставлены максимально широкие льготы и необходимые финансовые поддержки» («Сов. Россия», 12 янв., 2012).

Особо при том в результате возвращения к народовластию будет гарантировано:

- прекращение продажи земли. Она не должна быть товаром;
- вовлечение в севооборот всех сельскохозяйственных земель;
- восстановление и поддержка коллективных хозяйств;
- техническое обеспечение всего сельского производства;
- восстановление на селе лечебных учреждений, детских садов, школ, объектов культуры и отдыха...

Никакая ныне политическая сила в стране не гарантирует подобного.

Сведения об авторах

Анисков Виктор Тихонович - Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. ист. наук, профессор кафедры истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Гурьянчик Виталий Николаевич - к. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Жарков Виталий Викторович - к. ист. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Загороднев Владимир Константинович – к. экон. наук, доцент кафедры управления повседневной деятельностью подразделений Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Захаров Николай Васильевич - доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Картавий Сергей Николаевич - к. ист. наук, доцент кафедры оперативно-тактической подготовки и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Малахов Дмитрий Николаевич - адъюнкт кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Маслехин Владислав Леонидович - к. ист. наук, доцент Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Монахов Олег Николаевич - к. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Мудров Семен Николаевич - преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Надежкин Евгений Геннадьевич, к. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Новиков Михаил Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. ист. наук, первый проректор, профессор кафедры отечественной истории, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

Осьмачко Сергей Григорьевич - д. ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Павлова Дарья Сергеевна – к. ист. наук, ст. преподаватель кафедры иностранных и русского языков Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Сазонов Александр Иванович - к. ист. наук, доцент Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль).

Хаиров Алексей Раильевич - к. ист. наук.

А.Р. Хаиров Ярославская 18-я Краснознаменная стрелковая дивизия: взлет и падение.....	3
Д.Н. Малахов Авиационный тыл в ходе боевых действий на КВЖД в 1929 г.....	22
В.В. Жарков, В.К. Загороднев Военное управление в межвоенный период: проблемы функционирования и преобразования.....	26
С.Г. Осьмачко Потери личного состава РККА и противника в локальных войнах и военных конфликтах 1929–1940 гг.....	34
В.Н. Гурьянчик Итоги политической работы в Красной армии в предвоенный период (1938–1941 гг.).....	45
С.Н. Картавый Использование дезинформации гитлеровским командованием накануне и в начале Великой Отечественной войны.....	49
В.Л. Маслехин Войска ПВО страны в битве под Москвой.....	59
А.И. Сазонов Вклад инженерных войск в разгром немецко-фашистских войск под Москвой.....	69
М.В. Новиков, С.В. Стяжкин Подготовка к партизанской войне в Ярославской области в 1941 г.....	77
С.Н. Мудров Бюро информации Советской военной администрации в Германии.....	91
О.Н. Монахов, Н.В. Захаров Особенности реализации правового статуса военнослужащих: опыт 1939–1945 гг. и современность.....	98
Е.Г. Надежкин Высшая военная школа: формирование профессиональной идентичности.....	112
Д.С. Павлова К вопросу о порядке награждения чиновников местных финансовых учреждений в первой половине XIX века.....	116
А.Р. Хаиров Трофеи русской морской славы.....	119
В.Т. Анисков Анти-Вылцан не даст осквернить крестьянский подвиг	130
Сведения об авторах	141

**Вестник Верхне-Волжского отделения Академии
военно-исторических наук
Выпуск XI**

Материалы научной конференции

Редактор – Ж.К. Гапонова
Компьютерная вёрстка – Ю.В. Яковлева

Подписано в печать 17.09.2012
Формат бумаги 60х92/16
9 печ. л., 6,8 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 287

Издательство ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44